
С. СЛЕПЫНИН
ЗВЕЗДНЫЕ
БЕРЕГА

С. СЛЕПЫНИН • ЗВЕЗДНЫЕ БЕРЕГА

С. СЛЕПЫНИН

ЗВЕЗДНЫЕ БЕРЕГА

Фантастическая повесть

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1976

Р2
С47

Первая фантастическая повесть Семена Слепынина «Фарсаны» была опубликована в 1966 году в журнале «Уральский следопыт», а затем вышла отдельной книгой в Перми. «Уральский следопыт» познакомил читателей и с новой фантастической повестью С. Слепынина «Звездные берега» (в журнальном варианте — «Звездный странник»). Напечатанная в 1974 году, она основательно переработана автором для отдельного издания.

Герои повести — люди далекого грядущего. Действие книги развертывается то в звездных далях, на сумрачной планете Харде, то на неузнаваемо преобразившейся Земле двадцать четвертого века.

С $\frac{70302-057}{М158(03)-76}$

ПРИШЕЛЕЦ

Видения... Неотступные видения страшных миров и эпох!.. Они беспрерывно преследуют меня, мучают во сне. Второй день пытаюсь избавиться от них, отдыхая и набираясь сил в этой хижине. В окно я вижу нескончаемые нетронутые леса и гору с лысой вершиной. Чистый, первозданный мир, как непохож он на грохочущий супергород, по которому я ходил совсем недавно.

Утром, когда ловил в озере рыбу, очень хотелось подняться на гору, чтобы осмотреть местность. Но после магнитного сапога Хабора нога так болела, что о подъеме нечего было и думать.

Я вернулся к хижине, развел костер. Чуть покачивались вокруг березы с голубовато-белыми, словно светящимися изнутри стволами, во все глаза глядели на меня из травы лютики и ромашки. Земля? Так хочется верить в это!

Скоро зайдет солнце, и я долго не смогу оторвать взгляда от великолепного заката. А там — снова ночь. Снова беспокойный сон с назойливыми видениями...

...Вокруг меня вспыхнуло холодное фиолетовое пламя. «Капсула», — мелькнула мысль. Пламя погасло, и капсула свернулась в щекотнувший пояс, который сразу исчез.

Я лежал на сухой траве. В ночной тьме глухо шептались деревья. Где я? Откуда я? И почему один, где все остальные?.. Мысли походили на клочья тумана, ползущие медленно и тягостно. С тревогой обнаружил, что думаю не только на русском, но и еще на каком-то языке...

Сознание медленно прояснялось. Я встал на ноги и увидел на себе вместо пилотской формы неудобный и

крикливый костюм из синтетики. Пошатываясь побрел наугад. Жиденький лес быстро кончился. Впереди мириадами огней светился многоэтажный город. Что-то чуждое было в этом сверкающем исполине, и я повернул назад.

Не прошел и километра, как вновь очутился на опушке. И вновь безумная пляска огней: город охватил рощу со всех сторон.

Дальнейшее помню смутно. Каким-то образом оказался в городе, в его гигантском полыхающем чреве. Везде двигались, кружились, бесновались разноцветные холодные огни. Едва угадывались очертания высоких, этажей в сто, зданий. Они были оплетены вертикальными, наклонными, а чаще горизонтальными, слабо мерцающими, будто и не материальными вовсе, лентами. На них лепились кресла и сферические кабины. Из кабин то и дело выходили люди и перебегали на соседние движущиеся ленты. Я спросил одного спешащего субъекта насчет гостиницы. Спросил — и сам удивился: так уверенно произнес я фразу на незнакомом, неведомо как вложенном в мою память языке. Но субъект словно ничего не понял. На миг остановился, посмотрел на меня с недоумением и испуганно прошмыгнул мимо. В чем дело? Видимо, что-то делаю не так...

Я устало сел в кресло, и оно понесло меня в неизвестном направлении. Случайно нажал в подлокотнике кнопку. Вокруг кресла засеребрилась сфера-экран. Замелькали стереокадры. Сначала ничего не понял — настолько чужды оказались обычаи эпохи. Присмотрелся. В похотливых судорогах извивались люди с инстинктами насекомых... Какие-то сражения в космосе... Это был сексуально-приключенческий фильм. Такой пошлый, что я тут же выключил сферу.

С ощущением сосущего голода вошел в какое-то заведение — нечто среднее между рестораном и дансингом. Высокий, просторный зал напоен ровным и нежным светом. После крикливого огненного безумия улицы здесь приятно отдыхал глаз. Да и толпы не было. Круглые столики почти пустовали.

Предусмотрительно выбрал столик, за которым сидела молодая пара. «Буду делать то же, что они», — решил я. Те ковыряли рыхлую розоватую массу изящными лопаточками, которыми пользовались как ножом и вилкой.

Бесшумной танцующей походкой подскочила официантка — странная девица с голыми до плеч руками и приятным улыбающимся лицом. Странным было то, что ее сахарно-белые руки, лицо и даже рыжеватые волосы едва заметно мерцали.

— Что принести? — спросила она.

— То же самое, — кивнул я в сторону молодой пары и случайно коснулся рукой ее плеча. К моему удивлению, рука свободно вошла в плечо, как в пустоту, и наткнулась на твердый каркас. «Робот, — догадался я. — Световой робот».

Официантка, мило улыбнувшись, ушла, а я приглядывался к соседям. Их гладкие, без единой морщинки лица были невыразительны. Изредка, когда они смотрели на меня, в равнодушных и скучных глазах мелькало удивление.

Девица принесла фужер с голубой жидкостью и брусок розоватого студня — какого-то синтетического блюда. Я расковырял его лопаточкой и осторожно отправил один кусок в рот. Вопреки моим опасениям студень оказался вкусным и сытным.

Сосед тем временем вытащил из кармана пульсирующий шарик, из которого скакнули искры. Коснулись мерцающей руки девицы и погасли.

Что это? Деньги? А чем буду расплачиваться я? Стал шарить в своих карманах. Шарика не было. Зато нащупал прямоугольную пластинку, уместившуюся в ладони. С пластинки глянуло объемное и светящееся изображение моего лица. Под портретом надпись: «Гриони — хранитель Гармонии» и какие-то знаки.

Словно невзначай, я открыл ладонь и показал пластинку официантке.

— Хранитель! — воскликнула та. — Вам надо было сразу показать карточку.

При слове «хранитель» соседи взглянули на меня с испугом и почтением. «Ого, — подумал я. — Здесь я, видимо, важная птица».

А девица еще раз улыбнулась и вдруг — очевидно, в честь моей персоны — взорвалась, осыпав столик брызгами разноцветных искр. От неожиданности я вздрогнул. А мои соседи захихикали, довольные увеселительным трюком. От официантки остался безобразный металлический каркас, опутанный тонкими проводами. Повернувшись, скелет зашагал в служебное помещение.

Спать... Очень хотелось спать. Долго скитался по передвижным эстакадам, пытаясь выскочить за город. Хотел выспаться в той роще, где очнулся. Но рощи не нашел. Наконец до того утомился, что готов был приткнуться под кустом в каком-нибудь парке. Однако супергороду, видимо, не полагалось иметь садов и парков. Здесь вообще не было ни одного деревца, ни одной травинки. Ничего живого, кроме машиноподобных людей.

Это испугало меня больше всего. Охваченный паникой, я заметался, как птица, попавшая в клетку. Зачем-то спустился под землю, где с большой скоростью проносились бесчисленные поезда. Потом взлетел на самый верх огромного здания. Оно соединялось стометровой движущейся дугой-эстакадой с верхними этажами такого же дома-гиганта. С высоты этой футуристической параболы пытался рассмотреть окраину города. Но сверкающему урбанистическому морю не было границ. Как я очутился в этом странном городе? Кто и зачем забросил меня сюда? Напрягая мозг, я пытался вспомнить — и не мог. В памяти зиял черный провал.

Снова спустился вниз, на самый глубокий уровень подземных дорог. В лабиринте безлюдных боковых коридоров нашел укромный темный угол. Свалился и заснул.

Когда проснулся и поднялся на улицу, мне показалось, что проспал целые сутки и что сейчас ночь. Город все так же ослеплял, рассыпая разноцветные искры. Только народу было больше.

Я взобрался на знакомую дугу и в чистом небе увидел полуденное солнце, освещавшее верхние этажи огромных зданий. Они стояли ровными рядами, как солдаты в строю. А внизу, под паутиной лент и эстакад, сияли светильники.

На трех просторных площадях, расположенных поблизости, заметил памятники. По-видимому, одному и тому же человеку. Каменные или металлические изваяния стояли в одинаково горделивой позе, с одинаково вздернутой рукой.

Передвижные ленты вынесли меня на край площади. Люди пересекали ее во всех направлениях. Пожалуй, это было единственное место, где ходили пешком.

Я подошел к постаменту и прочитал надпись: «Болезней тысячи, а здоровье одно». Сначала подумал, что это

памятник какому-то ученому-медику. Но странное поведение прохожих заставило засомневаться.

Люди, проходя мимо истукана, останавливались, вытягивались в струнку, вскидывали правую руку вверх и старательно кричали:

— Ха-хай! Ха-хай!

Я же не только не последовал их примеру, но и небрежно держал руки в карманах. Это была ошибка. Я не знал, что город буквально вцепился в меня десятками искусно запрятанных глаз-объективов. Он наблюдал за мной потом весь день, куда бы я ни отправился. Все новые и новые глаза города следили за мной и передавали информацию о моем необычном поведении в БАЦ — Бдительный Автоматический Центр. Об этом я узнал много позже. А тогда просто стоял перед памятником, глубоко задумавшись. Ничего не поняв, повернулся и зашагал к светящемуся переплетению лент. А за спиной то и дело слышались возгласы: «Ха-хай!»

Долго скитался по городу. Сидя в удобных креслах, бесцельно перемещался с яруса на ярус и думал, мучительно искал какой-то выход. Но его не было. Те, кто забросил меня в этот город, похоже, вовсе не собирались указать мне обратный путь...

А кругом кишела многоэтажная толпа. Она отличалась удивительной разобщенностью. Толпа одиночек... Впрочем, люди не казались усталыми или озабоченными. Напротив, их лица, бледные из-за отсутствия загара, выглядели сытыми и бездумно счастливыми. Говорили они о пустяках: о новых силиконовых перчатках, о только что просмотренном в кабине фильме — очередном секс-детективе. А речь! Лишенная всякой образности, она была унылой и плоской, как тундра. Я передернул плечами, словно от озноба: весь этот мир показался мне огромной заснеженной тундрой.

Да Земля ли это? Неужели таким мог стать мир наших потомков? Трудно поверить!..

У меня был надежный способ проверки — звездное небо.

Ночью я забрался на самую высокую в этой части города параболу. К моему неожиданному счастью, с параболической эстакадой что-то случилось. Она остановилась, огни погасли. Люди, лавируя в темноте между оголившимися креслами, расходились по соседним передвижным дугам.

На середине заглохшей эстакады я с облегчением вздохнул — тишина и одиночество. Тишина, конечно, относительная: со всех сторон несся приглушенный гул плескавшегося огнями города.

Удобно расположился в мягком кресле. Здесь, кстати, можно прекрасно выспаться. Положил голову на спинку кресла и с волнением взглянул вверх, ожидая увидеть иной, чем на Земле, огненный рисунок неба. Однако первое, что бросилось в глаза, — красавец Лебедь. Широко раскинув могучие звездные крылья, он миллионы веков летел вдоль Млечного Пути. Рядом знакомое с детства созвездие Лиры во главе с царицей северного неба — Вегой. А вот, кажется, Геркулес, взмахнувший палицей. Правда, Геркулес казался не таким, каким он должен выглядеть с Земли. Да и другие созвездия до неузнаваемости изменили свои очертания... В чем дело? Ведь, чтобы звезды ощутимо переместились, должны пройти тысячи лет...

Незаметно заснул. Проснулся, когда одна за другой стали таять льдинки звезд. Глядя на сереющее небо, начал вспоминать планету моей юности, с грустью ворошить пепел перегоревших дней...

Задумавшись, не заметил, как в утренних сумерках (дуга еще не светилась) приблизились два человека. Один из них спросил с ехидным любопытством:

— Звездами любуешься?

— Ну хотя бы, — ответил я, не в силах унять нарастающее раздражение.

— А может быть, еще стихи сочиняешь? — продолжал допытываться тот же ехидный голос, принадлежащий короткому человечку.

— Хотя бы и так! — Гнев, необузданный гнев вдруг захлестнул меня. — А вам чего надо?! Чего?!

— Таких вот и надо, — спокойно возразил второй человек, высокий и худой, склонившийся надо мной наподобие вопросительного знака. В правой руке он держал оружие, похожее на пистолет. Только вместо дула на меня глядела узкая горизонтальная щель.

— Пойдешь с нами, — продолжал высокий. — Попытаешься бежать — отсечем вот этой штукой ноги. — Он повертел пистолетом перед моим лицом.

Я выхватил из кармана чудодейственную пластинку и сунул ее длинному под нос. Тот отшатнулся и чуть не выронил оружие.

— Саэций, смотри! — воскликнул он. — Карточка... Выдана самим Актинием.

Взглянув на карточку, а затем на меня, Саэций кивнул.

— Карточка Актиния. Но я этого типа не знаю, хоть и работаю у Актиния много лет.

— Вот что, — подумав, сказал высокий. — Отведем его к Актинию. Пусть он сам разбирается.

В трехместной кабине мы подъехали к высокой двери. На левой стороне багрово светилась надпись: «Институт общественного здоровья». Справа переливался и вспыхивал разноцветными искрами все тот же загадочный афоризм: «Болезней тысячи, а здоровье одно».

Меня ввели в большую комнату. За столом, наклонив рыжеволосую крупную голову, сидел человек и читал книголенту. Сутуловатый, с квадратными плечами, он заметно отличался телосложением от встречавшихся мне до сих пор обитателей города, как правило, весьма тщедушных.

— Хабор! — обратился к нему один из моих конвоиров. — Актиний на месте?

— Там, — кивнул рыжеволосый на дверь и поднял голову.

Меня словно что-то кольнуло: его круглое лицо с мясистым носом и квадратной нижней челюстью показалось мне до ужаса знакомым. Но где я его видел? Во всяком случае не здесь, не в этом городе...

— А этого интеллектуала к кому привели? Ко мне? — спросил Хабор с ухмылкой. Неприятнейшая ухмылка! Улыбался только его рот, а глаза смотрели на меня холодно, словно прицеливаясь.

— Еще не знаем, — ответил Саэций. — Это очень странный интеллектуал. О его поведении нам просигналил БАЦ. И знаешь, где его взяли? На погасшей верхней эстакаде. Он смотрел на звезды и сочинял стихи.

— Звезды? Стихи? — с веселым удивлением переспросил Хабор и загоготал, а потом выразительно повертел указательным пальцем около своего виска: — А он не того?..

— Нет, не псих. Не похож.

— Тогда, значит, ко мне. Мы с ним мило побеседуем в пыточной камере. Га! Га! Он узнает, что Хабор — это Хабор!

Саэций втолкнул меня в дверь. Я был в таком смя-

тении, что хозяин кабинета Актиний, взглянув на мое ошарашенное лицо, махнул конвоиру рукой: уйди! Саэций ретировался и прикрыл дверь.

Актиний смотрел на меня так внимательно и сочувствующе, что я воспрянул духом. Его сухощавое лицо с высоким, умным лбом и добрыми, чуть хитроватыми глазами мне определенно нравилось. Такому можно говорить о себе всю правду. Да и что мне оставалось делать?

— Мда-а... Занятный тип, — проговорил Актиний и показал на кресло. — Садись! Кто такой? Похож на интеллектуала... Хотя нет. Те так не переживают. У нас никто не знает таких нравственных драм, какие написаны у тебя на лице. У нас везде царит гармония: и в обществе, и в душе каждого человека.

Актиний усмехнулся, а затем вдруг подмигнул — заговорщически и добродушно. Я окончательно почувствовал доверие и необъяснимое дружеское расположение к этому человеку. Вытащив из кармана карточку, молча протянул ее Актинию.

— Мда-а... Это уж совсем занятно. Мне доложили о карточке. Она действительно сделана в моем институте. Кто тебе ее дал?

— Я бы сам хотел это знать.

— Такую карточку подделать невозможно. Ее могли сфабриковать только те, — Актиний ткнул пальцем вверх. Странно взглянул на меня. — А может быть, ты сам из тех? Ты... пришелец?

— Да, я пришелец.

— Тс-с, тише...

Актиний вскочил. Живой и подвижный, как ртуть, он забегал по кабинету. На секунду задержался у двери, проверяя, плотно ли она прикрыта.

— Говори тише. Иначе Хабор услышит. И тогда все... Пришелец, — прошептал Актиний. — Впервые в жизни вижу пришельца.

Потом, еще раз ткнув пальцем вверх, воскликнул:

— Но это же невозможно! Наши боевые космические крейсера охраняют все подступы к планетной системе. Ни один пришелец не проникнет... Нет, это невозможно!

— А если не космический пришелец? Я сам ничего не могу понять, но, быть может, я... из другой эпохи?

— Из другой эпохи? Что за чушь! — Актиний сел за стол, внимательно посмотрел на меня. — Нет, на психа ты не похож. Давай-ка по порядку.

Я коротко рассказал о наших скитаниях, о захвате корабля, о странном провале в памяти, о том, как необъяснимо очутился здесь, ничего не зная о судьбе товарищей.

— Мда-а... Занятная сказка, — задумчиво проговорил Актиний. — И в то же время по твоей честной первобытной физиономии вижу, что не врешь. Конечно, в наши дни возможны всякие эффекты и парадоксы. Но путешествия во времени?.. Во всяком случае тебе здорово повезло, что сразу попал ко мне. Иначе очутился бы в лапах Хабора.

В соседней комнате послышались шум и гоготанье. Я вздрогнул. Актиний поморщился.

— Чует добычу, мерзавец... Кого-то привели.

Открылась дверь, и в кабинет втолкнули испуганного человека.

— Актиний! — радостно воскликнул Саэций. — Смотри, кого поймали. Помнишь, год назад сбежал поэт Элгар. Вот он.

Актиний недовольно махнул рукой. Саэций исчез.

— Ну что, попался, дурак? — хмуро спросил Актиний. — А я-то дал тебе возможность бежать... Но второй раз отпустить не могу. Не в моих правилах. Да и сам попаду на подозрение. Тогда нам обоим несдобровать. Загремим в пыточное кресло Хабора.

Подвижное лицо поэта жалко дернулось.

— Что, боишься Хабора? Не отдам тебя этому прохвосту. Да и мелковат ты для него. Пойдешь в подземелье на строительство энергокомплекса. К своим собратьям — поэтам, историкам, композиторам и прочим художникам... В тот раз хорошие стихи были у тебя. А сейчас с чем поймали?

Элгар робко протянул пластиковый свиток. Актиний развернул его и, подняв палец, со вкусом прочитал два стихотворения.

— Ну как? — подмигнув, обратился он ко мне.

— По-моему, неплохо, — с готовностью ответил я. — Даже метафорично. Для суховатого и бедного языка этой эпохи...

— Этой эпохи, — задумчиво повторил Актиний. — Ты все еще допускаешь, что попал сюда из прошлых времен? А впрочем, чем черт не шутит... Да и лицо у тебя чуть с грустинкой, этакое вдохновенное лицо первобытного композитора. А может, ты действительно, как до-

ложили мне, сочиняешь стихи или музыку? — с притворным ужасом спросил он.

— Я не поэт и не композитор, — успокоил я Актиния, начиная смутно догадываться о назначении Института общественного здоровья. Видимо, художественно одаренные люди считаются здесь опасными для общества...

Как бы в подтверждение моих догадок, Актиний сказал:

— А стихи у него в самом деле хорошие. Такие встречаются все реже. Но этим они и вредны для Электронной Гармонии. О чем в них говорится? О любви? Представляешь? Об индивидуальной любви с душевной близостью. Это в наше-то время всеобщего секса! Девственно чистого первозданного секса, очищенного от мусора психологических переживаний, этих ненужных обломков прошлого. Но стихи еще опаснее тем, что воспевают любовь среди исчезнувших цветущих лугов и тенистых дубрав. А это уж прямой вызов. Это противоречит тому, чему учит нас Генератор Вечных Изречений и Конструктор Гармонии.

Актиний кивнул на висевший позади него портрет. На нем был изображен человек, памятник которому я уже видел. Под портретом искрился афоризм: «Болезней тысячи, а здоровье одно».

— А чему учит нас Генератор? Он учит, что наша эпоха — эпоха прогресса и эволюции технологической, которая должна вытеснить эволюцию биологическую. — Актиний говорил с напыщенной назидательностью, но мне отчетливо слышалась в его голосе издевка над всеми этими, видимо, крепко опостылевшими ему высокопарными словесами. — Только те, — взглянув на меня, он ткнул пальцем в потолок, — только пришельцы живут в дружбе с устаревшей и враждебной биосферой, развивают искусство. Да, когда знакомишься с идеями, которые генерирует наш великий Генератор, чувствуешь, что имеешь дело не с текущим человеческим умом, а с умом вековечным и абсолютным...

Элгар, раскрыв рот, с изумлением слушал. Чувствуя, что переборщил, Актиний хмуро взглянул на поэта и сказал:

— Надеюсь, будешь молчать. Все равно никто тебе не поверит.

Затем нажал на столе кнопку. На вызов явились Саэций и второй охранник.

— Отправьте этого болвана в подземелье. Он не способен к интеллектуальному труду. Пусть займется физическим.

Когда дверь закрылась, Актиний ободряюще улыбнулся мне и подмигнул.

— Ну как твои душевные бури и нравственные катаклизмы? Улеглись?

— Я не совсем разбираюсь...

— Вижу это, странный пришелец, — добродушно сказал Актиний и сунул мне мою карточку. — Возьми. Будешь работать у меня — разберешься. Но вот как объяснить остальным, кто ты? И почему карточка очутилась у тебя? Мда-а, это будет нелегко. Задача...

Актиний долго морщил лоб и вдруг вскочил с просиявшим лицом.

— Есть! Осенило! Ты же провокатор!

— Провокатор?!

На мое изумленное восклицание Актиний не обратил ни малейшего внимания. Он бегал по кабинету, потирал руки и хохотал, довольный своей выдумкой.

— Да! Да! — весело кричал он. — Я раскусил тебя. Ты гнусный провокатор!

Актиний сел за стол и, разом став серьезным, нажал кнопку.

— Позови всех сюда, — сказал он вошедшему Саэцию.

Собралось человек двадцать. К моему неудовольствию, рядом стоявшее кресло заскрипело под тяжестью грузного тела. Хабор!

— Небольшое совещание, — объявил Актиний и эффектным жестом представил меня присутствующим. — Это Гриони. Наш сотрудник — хранитель. Вы его еще не знаете. Саэций и Миор схватили его как человека с опасным для Гармонии первобытным складом мышления — так называемым художественным мышлением. Схватили! Одно это говорит о том, что Гриони — работник отличный, незаменимый. Просто находка для нас. Вы поняли?

В ответ — молчание. Саэций пожал плечами, а Хабор хмыкнул и удивленно взглянул на меня.

— Значит, не поняли. Посмотрите на него еще раз.— Снова жест в мою сторону. — Как будто ничего особенного. Но присмотритесь внимательней, и вы обнаружите, вернее, просто почувствуете нечто необычное, нечто от забытых первобытных времен, когда люди, не зная кра-

зоты и величия техносферы, валялись на травке где-нибудь под деревом. Да к такому человеку сразу потянутся, как железные опилки к магниту, люди с атавистическим мышлением — художники. И вот Гриони, вылавливая таких людей на транспортных эстакадах, в увеселительных заведениях, будет с ними сначала приветлив, а потом...

— Провокатор! — воскликнул Хабор и загоготал. Потом уставился на меня, раздвинув в ухмылке рыхлые губы. Можно было подумать, что Хабор улыбается приветливо, если бы не его глаза — холодные, прицеливающиеся, никогда не смеющиеся глаза.

— Наконец-то поняли. А теперь идите и впредь не задерживайте его. Не мешайте работать.

Когда все вышли, Актиний подошел ко мне.

— Ну что ты морщишься? Не нравится работа провокатора? Да ничего делать и не надо. Первобытных осталось совсем мало. Хорошо, если за год к тебе прилипнет с десяток. Можешь их отпускать, хотя это не в моих правилах. Их надо вылавливать.

— А зачем? Зачем вылавливать?

— Мне кажется, ты начинаешь понимать сам. Художники представляют опасность для незыблемых устоев Гармонии.

— Почему именно художники?

— Ну вообще все гуманитарии с творческим духом. Они сами и их творения — почва, на которой произрастает всяческое инакомыслие: тяга к прошлому и стремление сохранить индивидуальность... А есть еще молчуны...

— Молчуны? — удивился я.

— Так их называют. Недавно состоялось два шествия молчунов в разных концах города. Целые толпы шли мимо статуи Генератора и — страшно подумать! — молчали.

— Ну и что?

— Как что? Это же бунт! Находиться рядом со статуей и молчать, не восклицать: «Ха-хай!» — это все равно, что кричать: «Долой Генератора!».

Актиний не стал больше ничего рассказывать о загадочных молчунах, сославшись на то, что они «проходили не по его ведомству». Однако я уже понимал: молчуны куда опасней для Гармонии, чем гуманитарии. Значит, где-то там, в глубине, зреет недовольство...

— Да, кстати, где ты живешь? — прервал Актиний мои размышления.

Я рассказал, как одну ночь провел в подземных коридорах, а вторую — под звездами на погасшей дуге.

Актиний рассмеялся.

— Ну и занятный тип. Откуда только... Ладно, ладно, — махнул он рукой. — Главное — ты факт, реальный и симпатичный факт. Странный новичок в нашем мире. Держись за меня, иначе пропадешь! Сейчас устрою тебя в хорошем доме.

Десять минут езды в лабиринте передвижных дуг, бесшумный взлет лифта — и мы на самом верху стопятидесятиэтажного дома. На площадке — две двери. Актиний подошел к одной из них и нажал голубую клавишу. Загудел зуммер. Дверь открылась, и на площадку вышла пожилая женщина с добрым морщинистым лицом. Сложив руки на груди, она воскликнула:

— О небеса! Актиний! Как давно не видела вас.

— Рядом квартира еще свободна? Тогда вот вам, Хэлли, новый сосед, наш сотрудник — хранитель Гриони.

Глубокие морщинки около глаз Хэлли собрались в приветливой улыбке.

Квартира мне понравилась. Главное удобство — солнце, большая редкость в этом городе. На верхних этажах, не затененных домами и сетью эстакад, свободно лились в окна его теплые лучи.

— Вижу, на языке у тебя так и вертятся вопросы, — сказал Актиний. — Сядем, я расскажу кое-что о нашем мире, в котором ты действительно выглядишь полным несмышленышем.

Он помолчал и начал с иронической торжественностью:

— Пятьдесят лет назад благодетель мира, Конструктор Гармонии и Генератор Вечных Изречений, оправданно жестокими средствами установил строй, названный впоследствии Электронной Гармонией. Условия для Гармонии подготовлены научно-техническим прогрессом. Материальное производство осуществляет техносфера. Люди — наслаждаются жизнью. Правда, невозможность обеспечить всех высшими благами цивилизации и умственная неравноценность привели к тому, что общество делится на две группы. Меньшинство, пять-шесть процентов населения, — это интеллектуалы. Остальные — потребители, которых порой именуют сексуалами...

2 Заказ 128

— Интеллектуалы и потребители! — невольно воскликнул я. — Оригинальное деление.

— Ну, это не совсем официальное деление,— усмехнулся Актиний. — И далеко не четкое. Потребители не обижаются, если их так называют. Напротив, они довольны. Это лаборанты, низшие научные сотрудники, программисты, наладчики электронной аппаратуры. Недлинный рабочий день, дешевая синтетическая жвачка и одежда, веселящие напитки, секс, балаганные зрелища... Чего еще надо? И мы, хранители, должны поддерживать нравственное здоровье и душевную гармонию, оберегать людей от растлевающего воздействия первобытного искусства и всякой там философии. Лозунг дня: «Поменьше размышлений!» Ибо душевная гармония — основа гармонии общественной... Интеллектуалы — это ученые, высшие инженерно-технические работники, администраторы. Высший орган планеты — девятка Великих Техников. Почему Техники? Да потому, что главное продумано и сделано Генератором. Остальное, как говорится, дело техники. Вот это техническое руководство, простое поддержание гармонии, и осуществляют Великие Техники. Кстати, твоя соседка — бывшая любовница одного из Великих. Она давно брошена им. Но у нее есть дочь, которая живет то у отца — Техника, то здесь.

— Техники, ученые, администраторы... — проговорил я. — Что же получается? Технократия?

— Точнее, урбанократия. Власть города. Да, да, ты не ослышался... Сильные мира сего вверили электронному мозгу города охрану и приумножение своих богатств и привилегий, запрограммировали незыблемость Гармонии, которую они хотят увековечить. Решили, что нет ничего верней и надежней автоматического управляющего, не знающего ни сомнений, ни сантиментов. Но управляющий день ото дня все больше становится владыкой, превращая интеллектуалов в свои биопридатки... Хотел бы я знать, чем все это кончится.

— А как душевное здоровье интеллектуалов? — спросил я.

— О! — с ироническим воодушевлением воскликнул Актиний. — Здесь полный порядок. Даже лучше, чем у потребителей. Во-первых, интеллектуалам некогда развлекаться эстетическими побрякушками. Во-вторых, их спасает от художественной заразы чрезвычайно узкая

специализация и профессиональный кретинизм. Но если среди них заведется ученый с художественными наклонностями и первобытной тягой к иным формам жизни, то это будет самый опасный человек для Гармонии. Почти пришелец... Поэтому мы должны изолировать художников. Первобытная природа и художественные произведения — зрелищные поделки, конечно, не в счет — действуют разрушающе, дисгармонично. На почве природы и искусства произрастает страшный для Гармонии сорняк — индивидуальность человека. Появляются нездоровые самобытные личности...

— Нездоровые самобытные личности? Сорняк? Слушай, Актиний, тебе бы памфлеты писать!..

— Памфлеты? И угодить в лапы Хабора? Ну нет. Да и толку что? Никто не поймет, кроме художников... Нашему машинному миру нужны стандарты. Стандартными людьми легче управлять. Только из них можно построить четко запрограммированный общественный организм. А своеобразие людей приводит к разброду, анархии и — страшно подумать! — к инакомыслию.

— Теперь мне понятен смысл афоризма: «Болезней тысячи, а здоровье одно».

— Это гениальное изречение Генератора! — с шутовским пафосом провозгласил Актиний. — Ведь индивидуальных черт человека действительно тысячи, и каждая болезненно отзывается на здоровом стандарте.

— Слушай, Актиний! — воскликнул я. — Но ведь по этой логике ты сам больной человек.

— А ты?! — весело откликнулся Актиний.

— Но как же ты можешь возглавлять Институт общественного здоровья? Ты же сам не веришь, что приносишь этим пользу!

— Верю! — живо возразил Актиний. — Именно верю. Я стараюсь сохранить художников, рассовать по подземельям и больницам. Правда, некоторых приходится отдавать на расправу Хабору. Тут я связан по рукам и ногам... Но большинство удается спасти, изображая их просто дурачками, людьми с недоразвитым мышлением...

— И все же ты убежден, что их надо изолировать. Почему?

— Мое правило такое: чем хуже, тем лучше.

— Не совсем понимаю...

— Сейчас поймешь. Художники и прочие гуманитарии со своим неистребимым творческим зудом поддер-

живают в обществе какой-то минимальный духовный уровень. А теперь представь, что они исчезли с поверхности планеты. Образуется вакуум, бездуховный космический холод. Вот тогда люди вздрогнут и очнутся...

— А если не очнутся?

— Нет, не говори так. — В глазах Актиния мелькнул испуг. — Этого не может быть.

На прощанье Актиний просил раз в день появляться в институте.

— Для формальности, — добавил он. — Да и мне скучно будет без тебя. Я, может быть, впервые живого человека встретил.

В бездуховной темнице Электронной Гармонии, в этом механизированном стандартном мире Актиний и для меня был единственным живым человеком...

Когда он ушел, я стал осматривать комнату. Одна стена — стереоэкран, на котором, если нажать кнопку, замелькают кадры нового секс-детектива. Эта «духовная» продукция изготовлялась поточным методом, вероятно, не людьми, а самим городом-автоматом. На другой стене — ниша для книголент. Однако никаких книг не было, кроме сочинений Генератора. Я взял первое попавшееся и нажал кнопку. Вспыхнуло и заискрилось название: «Вечные изречения». Книголента открывалась уже известным мне «откровением» Генератора: «Болезней тысячи, а здоровье одно». «Человек — клубок диких змей», — гласило следующее изречение. Под дикими змеями, которых надо беспощадно вырывать, подразумевались, видимо, индивидуальные качества. А дальше шли уже совершенно непонятные мне афоризмы... Я отложил в сторону сборник изречений и взялся за другие книголенты — философские труды Конструктора Гармонии. Однако сразу же запутался в лабиринтном, мифологическом мышлении Генератора. Какая-то дикая смесь прагматизма и «философии жизни».

Я махнул рукой и повалился на диван.

...Леса на западе оранжево плавятся и горят, как на гигантском костре. В хижине быстро темнеет. Успеваю растворить в воде сажу — это чернила на завтра. Я должен записать все, что со мной произошло. Со мной и со всеми нами. Обязан, даже если мои записи некому будет читать... Вот уже гаснет закат. На небе выступают все новые и новые звезды, словно кто-то невидимый раз-

дувает тлеющие угли. И снова вспоминается наш полет. Сижу в хижине, а мысли мои уже гуляют там — среди звезд, в великой тишине мироздания...

ЧЕРНАЯ АННИГИЛЯЦИЯ

В великой тишине мироздания... Нет, не такая уж это мирная тишина. Полная грозных неожиданностей и опасностей, она не располагает к спокойным и торжественным мыслям о величии звездных сфер.

Раздумывая, с чего начать повествование, я встряхнул перо. Упала капля. На бумаге вспыхнула жирная и черная, как тушь, клякса. Своей чернотой она мигом напомнила страшный беззвучный взрыв в пространстве и испуганный крик Малыша:

— Черная аннигиляция!

С этого взрыва и начались все злоключения.

Наш звездолет «Орел» стартовал с Камчатского космодрома 20 июля 2080 года. Мы должны были исследовать планетную систему звезды Альтаир в созвездии Орла и отработать в полете новый гравитонный двигатель.

От Земли до Альтаира — шестнадцать световых лет. Двадцать лет корабль летел с околосветовой скоростью, управляемый ЭУ — электронным универсалом. Мы же почти все время спали, охлажденные в гипотермическом отсеке.

После окончательного пробуждения жизнь на корабле вошла в обычную колею. Утром по привычке мы собрались в звездной каюте — просторной пилотской кабине с пультом управления и огромной прозрачной полусферой. Не было только планетолога Ивана Бурсова.

— Досматривает утренние сны, — шутливо пояснил бортинженер Ревелино, которого за юный возраст и малый рост члены экипажа называли Малышом. А Иван иногда — Чернышом: цвет лица у Ревелино был темно-оливковым, а волосы черными, как антрацит.

Наконец в дверях звездной каюты возникла крупная фигура планетолога.

— Вы уже проснулись? Феноменально! — воскликнул он, благодушно поглаживая темно-русую бороду. — А то, может, еще поспали бы, а? Нет, что ни говорите, полет наш протекает по-обывательски благополучно.

На жестких губах капитана Федора Стриганова выдавилась скупая улыбка. Улыбнулся даже всегда спокойный биолог Зиновский, смуглый, как и Ревелино, но с совершенно седыми волосами.

Бурсов, как всегда, высматривал, кто меньше занят, с кем бы он мог поговорить на философские темы. Это была его слабость. Некоторое время Иван кружил надо мной, как коршун над цыпленком. Но я отмахнулся от него: занят.

Сейчас свободен был только инженер Николай Кочетов. Влюбленный в гравитонную технику и равнодушный к философии, он наименее интересный собеседник для Ивана. Но все же Бурсов сел рядом с инженером и начал расхваливать гравитонный двигатель.

— Ты подожди, Иван, восторгаться, — возразил Кочетов. — Мне тоже наш «мотор» нравится. Но не забывай, что мы первые его по-настоящему отрабатываем. Все испытания в ближнем космосе — полдела... На многие вопросы еще предстоит дать ответ. Вот сегодня надо будет удалить выгоревшее топливо, а это не так-то просто сделать...

Незаметно увлекшись, инженер начал рассказывать о новом двигателе. В корме корабля находится рабочее вещество — многотонный шар из свинца. Под воздействием специфической структуры полей свинец выделяет ураганную энергию в виде гравитационного излучения. Гравитоны, летящие, подобно фотонам, со световой скоростью, отталкиваются от чашеобразного отражателя и создают реактивную тягу.

— Но вот рабочее вещество выгорело, — продолжал Кочетов, — свинцовый шар, лишившись гравитонов, стал невесом. Его масса равна нулю. На земле он казался бы легче пушинки. Ты думаешь, такой свинец непригоден как топливо? Ничего подобного! Перестройка полей — и невесомый свинец начал выделять... Что, по-твоему? Опять же положительные гравитоны! Теряя гравитоны, нулевой свинец становится веществом с отрицательной гравитационной энергией и массой.

Занятый прокладкой трассы, я краем уха прислушивался к рассказу инженера и старался подавить безотчетную тревогу.

Как-то у него сегодня получится? Ведь, по существу, впервые...

А через несколько часов Кочетов менял рабочее ве-

щество. Выгоревший свинцовый шар он удалил из двигателя и прикрепил силовой паутиной к днищу служебной ракеты.

За эволюциями служебной ракеты мы наблюдали на экране кругового обзора. Вот она, совсем крохотная по сравнению с громадой звездолета, похожая на серебристую иголку, отделилась от борта и стремительно помчалась вперед. Удалившись на триста километров, ракета должна была повернуть налево, описать длинную полуокружность и вернуться к кораблю сзади. Но случилось непредвиденное. При повороте силовые путы разорвались и оголенный свинцовый шар, лишившись предохранительного сферического поля, начал сближаться с ракетой. Видимо, Кочетов растерялся. Мы видели, как ракета судорожно отскочила в сторону, чего делать не следовало ни в коем случае. Шар не только не отставал, а буквально погнался за ракетой и вскоре прилип к ее корпусу. А затем...

— Черная аннигиляция!.. — крикнул Ревелино.

Да, это была аннигиляция. Но не та, которая происходит при уничтожении вещества и антивещества и сопровождается ослепительной вспышкой, выделением огромной энергии. Здесь все было совсем не так. Заряженный отрицательной гравитационной энергией свинец и обычное вещество ракеты, соединившись, мгновенно, взрывоподобно исчезли, аннигилировали, обратившись... Во что? Этого никто из нас не знал. Во всяком случае не в энергию...

Сквозь купол каюты мы увидели на привычном звездном небе внезапно возникшую зияющую бездну. Будто разорвалось само пространство. Угольный провал в Ничто...

И сразу мир исчез, Вселенная рухнула. Ни звезд, ни туманностей — ничего. Густая непроницаемая тьма. Нам показалось, что со временем происходят странные вещи: то оно мчалось вперед с немыслимой скоростью, то останавливалось совсем. Словно здесь вообще не было времени.

Сознание у всех померкло... Мы точно погрузились в небытие и в тот же миг вынырнули.

— Что это было? — воскликнул вскочивший на ноги Бурсов. — Где мы?

Кто ему мог ответить? Еще ни один астронавт не попадал в такие переплеты.

— Похоже, что мышеловка захлопнулась, — проговорил биолог Зиновский.

Если бы мы знали тогда, как недалек он был от истины...

На корабле воцарилась гнетущая тишина. Трудно было свыкнуться с мыслью, что Кочетова больше нет. Кажется, только что вышел из звездной каюты — и вот никогда уже не войдет... Капитан целыми днями пропадал в рубке электронного универсала. Я сидел за пультом, а сзади полулежал в кресле Иван Бурсов и читал свою неизменную «Историю философии». У него, планетолога, вся работа была еще впереди. В свободное от дежурства время я уединялся в своей каюте. Чтобы как-то заполнить пустоту, начал писать картину — незатейливый земной пейзаж: осенние дали и на переднем плане береза, словно охваченная желтым пламенем.

Постепенно мы снова стали все чаще собираться вместе в звездной каюте.

— Что-то не нравится мне мир после аннигиляции... — бормотал Иван, почти не отрывавшийся теперь от гамма-телескопа.

То и дело он бегал в рубку ЭУ, производил какие-то расчеты. Однако на все наши просьбы объяснить, в чем дело, отвечал одно и то же: «Пока еще нет полной ясности».

К своему гамма-телескопу — самому «дальнозоркому» и самому хрупкому из всех корабельных средств наблюдения — Бурсов с самого начала строго-настрого запретил нам всем прикасаться. Но однажды, когда планетолог скрылся за дверью ЭУ, заинтригованный Ревелино не выдержал и приник к запретному окуляру. Через полчаса он оглядел нас округлившимися от изумления глазами. Но едва открыл рот — на пороге появился Бурсов.

— Ты что же молчишь, Иван? — укоризненно проговорил Малыш. — Такое творится, а он молчит.

— Я не имел права, пока все не проверю...

Малыш повернулся к нам.

— Сколько планет насчитали мы вокруг Альтаира до аннигиляции?

— Пять! — почти хором ответили мы.

— А сейчас их стало три. Только три! Как ты можешь объяснить это, Иван?

Планетолог покачал головой.

— Необъяснимо... — Он помолчал. — Три вместо

пяти — это еще не все. Главную новость ЭУ только что выдал: по всем признакам на одной из планет высокоразвитая цивилизация!

...Прошел еще месяц, и мы увидели ее крупным планом — третью от светила планету, похожую на апельсин с ярко освещенным оранжевым боком. Растительность — желто-зеленая. Небольшие, но многочисленные моря соединялись слюдяными лентами каналов. Они опоясывали всю планету и имели характерную деталь — перемычки. Не то дамбы, не то мосты. А скорее всего, города-мосты, так как на ночной стороне планеты перемычки светились.

Встретили нас необычно.

Корабль, захваченный силовыми щупальцами, мягко посадили в центре циклопического диска-спутника. Диск висел над оранжевой планетой с голубыми прожилками каналов. Над нашим кораблем неожиданно раскинулся серебристый купол.

Приборы показывали, что под куполом земной состав атмосферы. Мы вышли из корабля, но никого не увидели. Один лишь поразительной красоты цветок качался перед нами на тонком стебле. Он наклонил в нашу сторону огромную чашечку — вернее сказать чашу диаметром полметра — и вдруг заполыхал всеми цветами радуги. В чередовании красок чувствовался еле уловимый и осмысленный ритм.

— Наверно, биоробот, — шепотом высказал предположение капитан. — Биологический автомат для контактов.

Однако контактов не получилось. Мы не понимали, что хотел сказать цветок. Ждали, что будет дальше. Цветок понял наше затруднение и перешел на другой язык — язык запахов. На нас полились чарующие ароматы. Иван блаженно сощурил глаза, погладил бороду и прошептал:

— Он говорит нам какие-то приятные вещи. Комплименты... Феноменально!

Запахи цветущих лугов сменились таким зловонием, что мы зажали носы. Малыш толкнул в бок Ивана и воскликнул:

— Хороши комплименты. Это же крепкое ругательство!

Иван и Малыш рассмеялись. Капитан строго взглянул в их сторону. Остряки присмирели.

Понятливый биоробот вдруг повторил последние слова Малыша:

— ...Крепкое ругательство.

Так цветок-дешифратор нащупал звуковую речь. Мы стали учить его русскому языку. Биоробот часто переспрашивал, уточнял значения отдельных слов. Часа через три он сказал:

— Можете идти отдыхать. Завтра встретитесь с представителями планеты.

Представители — их было двое — оказались похожими на людей. Отличались они от нас невысоким ростом, более гибкими в плечах руками. Их выразительные лица были бы красивы, если бы не полное отсутствие волос на голове. Еще одна особенность: между корпусом и руками иногда появлялась перепонка и они могли летать на короткие расстояния.

Подпорхнув на своих руках-крыльях к цветку, делегаты планеты о чем-то заговорили между собой. Их речь напоминала щебетание птиц. Цветок-дешифратор молчал. Наконец один из представителей приветливо улыбнулся нам и назвал себя.

— Чеи-Тэ, — так примерно перевел имя дешифратор.

— Федор Стриганов, — отозвался капитан.

После знакомства наш планетолог развернул светящуюся астрономическую карту. Тан-Чи, спутник Чеи-Тэ, забраковал ее, сказав, что она неточна. Это нас удивило.

Чеи-Тэ подошел к стене и нажал кнопку. Купол над нами засверкал мириадами звезд. Мы сравнили нашу карту с этой звездной сферой и нашли ряд больших расхождений в расположении и конфигурации созвездий.

— Не надо забывать, — прошептал нам капитан, — что мы побывали внутри чертовой аннигиляции, в этом кромешном аду времен и пространств...

Вероятно, капитан был прав. Сейчас я думаю, что в зоне черной аннигиляции нарушилась односвязность пространства. В этом рваном, лоскутном пространстве наш корабль швыряло как скорлупку на волнах взбесившегося времени туда и сюда. И вынырнули мы оттуда совсем не там, где погрузились.

Чеи-Тэ, ткнув лучиком-указкой в звезду, которую мы называем Альтаиром, сказал:

— Это наше светило — Руада. А это наша планета — Таиса.

Цветок-дешифратор старательно переводил. Мы уз-

нали, что Таиса входит в содружество двадцати населенных планет. Разумные обитатели этих планет сильно отличаются друг от друга.

— Во всяком случае более сильно, чем мы с вами, — с улыбкой продолжал Чеи-Тэ. И тут же его лицо стало серьезным. — Есть еще одна планета... Для нас и всего содружества она является неприятной загадкой. Вот жители этой планеты похожи на вас. Просто поразительно похожи! Но мы уверены, что вы не оттуда. Наверно, прилетели из какого-то далекого мира, еще не вошедшего в общее братство? Будем рады принять вас у себя. Теперь расскажите о себе.

— Наша звезда не так уж далека, — капитан показал на Солнце. — Вот она.

Чеи-Тэ и Тан-Чи растерянно переглянулись и защебетали на своем птичьем языке. Дешифратор молчал. Потом снова заработал, и мы услышали, как Чеи-Тэ смущенно проговорил:

— Извините за небольшое совещание. Мы не ожидали... Вернее, мы не учли эффект времени. Наши приборы зарегистрировали гравитационный взрыв. Не коснулся ли ваш корабль той зоны?

Капитан коротко рассказал о случившемся.

— Да, так и есть, — таисянин кивнул головой. — Видимо, в зоне аннигиляции произошел громадный сдвиг во времени и корабль выбросило совсем в другую эпоху. Суть этих процессов нам пока не очень ясна, но мы знаем, что такое бывает... Очевидно, в ваше отсутствие на планете протекли тысячелетия и произошли непонятные социальные изменения.

— Какие изменения? — встревожился Иван.

— Вероятно, значительные. — Чеи-Тэ долго и сочувственно смотрел на нас, потом решился: — Ваша планета как раз та единственная в известной нам части Вселенной, на которой обосновалась технически могучая, но враждебная космическому братству цивилизация.

— Ну нет! — воскликнул Иван. — Не может этого быть! Уже в наше время, в двадцать первом веке, почти все страны встали на путь гармоничного общественного развития.

— Но прошло столько времени, — сказал Чеи-Тэ. — Возможно, тысячелетия. А пути социальной эволюции часто извилисты... Мы пытались наладить дружественный контакт с этой планетой. Ничего не получилось.

Кстати, Тан-Чи — участник той экспедиции. Он — один из лучших специалистов по вашей планете.

— Специалист... — усмехнулся Тан-Чи. — Все, что знаю о ней, можно изложить за пять минут.

Тан-Чи приблизил на звездной сфере изображение Солнечной системы и лучом-указкой обвел ее. Она была не совсем такая, какую мы знали в своем веке. Например, Сатурн уже не имел колец, Плутона вообще не было. Неужели уже научились крушить планеты?..

— Пятьдесят лет назад, — начал рассказ Тан-Чи, — в пору моей юности, наша экспедиция в составе трех кораблей приблизилась к границам системы. Посланные на разведку беспилотные автоматы отскочили от невидимой стены. Вот здесь. — Тан-Чи очертил большую окружность. — Это было сферическое защитное поле неслыханной напряженности. Два корабля подошли почти вплотную к сфере. И тут случилось невероятное: жители планеты напали. Не было никаких космических кораблей или беспилотных средств нападения. Просто эти существа появлялись в самых неожиданных местах. Возникали из ничего, проникали через любые преграды, не боялись никакого оружия. Сожженные лучевым ударом, возникали вновь. Нет, они не убивали. Они стремились взять нас в плен. Им удалось захватить первый корабль. Второму кораблю, на котором находился я, чудом удалось вырваться, и мы вернулись на Таису. Вскоре с таинственной планеты стали прилетать к нам беспилотные космические аппараты. Далеко не с дружественной целью. Они пытались захватывать в плен таисян. Но мы научились уничтожать эти корабли далеко за пределами нашей системы. И вот тридцать лет живем спокойно. Только изредка наши космические крейсера подвергаются нападению. Недавно космические братья из системы Арнс пытались установить контакт с загадочной планетой, но с тем же успехом.

Мы молчали, подавленные столь неожиданными вестями. Капитан задал несколько вопросов.

— К сожалению, — ответил Тан-Чи, — больше ничего добавить не могу. Планета держится в строгой самоизоляции. А своей агрессивностью доставляет немало хлопот космическому содружеству.

Таисяне предложили нам не возвращаться на Землю и поселиться у них навсегда. Но мы решили лететь на родную планету.

Несколько дней мы знакомились с таисянской цивилизацией — своеобразной и высокоразвитой. Особенно далеко шагнула у них техника звездоплавания. Их корабли передвигались со скоростью, многократно превышающей световую. Они умели «съедать» пространство, трансформируя его во время. Таким способом таисяне по нашей просьбе забросили «Орел», словно катапультой, к окраине Солнечной системы.

Дальше наш корабль шел самостоятельно, на планетарных двигателях. За орбитой необъяснимо исчезнувшего Плутона я впервые почувствовал чье-то незримое присутствие. Будто кто-то невидимый наблюдал за мной. Спиной, всеми порами тела я так и ощущал липкий изучающий взгляд. Нервы мои были взвинчены.

Однажды я сидел в своей каюте спиной к двери. Тишина. Внезапно дверь зашелестела, точно ее открывал сквозняк. Я резко обернулся. Из коридора высовывалась толстая физиономия, которая тотчас скрылась или, вернее... растаяла.

«Померещилось, — подумал я тогда. — Нервы. Этого еще не хватало».

Но вечером того же дня в звездную каюту вбежал испуганный Ревелино.

— Ребята! — крикнул он. — В моей каюте кто-то был. Кто-то не наш.

— А я, — вмешался вдруг молчавший биолог Зиновский, — когда подходил к своей каюте, услышал там шорох. Быстро открыл дверь...

— И что же? — строго спросил капитан.

— Ничего, — смутился биолог. — Никого не оказалось.

— Наслушались от таисян всякой чертовщины, — нахмурился капитан. И властным голосом потребовал: — Запрещаю на корабле всякие разговоры о привидениях, о чертях и ведьмах.

Иван расхохотался. Благодушно поглаживая бороду, сказал:

— Прости их, капитан. Нервные барышни. Мне вот никакие ведьмы не снятся.

Однако на следующее утро планетолог пришел в звездную каюту раньше обычного. И не развалился, как всегда в кресле, а ходил из угла в угол и озадаченно теребил бороду.

— Да-а... Феноменально, — еле слышно бормотал он.

Наконец, остановившись, обратился к капитану: — Можешь называть меня мракобесом. Как угодно. Но я сегодня ночью видел...

— Во сне?

— Мне не снилось. Ночью я проснулся и услышал за моим столиком шелест страниц. Настольная лампа светилась. Я обернулся и увидел в кресле за книгой девушку или молодую женщину. Красивую ошеломляюще...

— Ну, это понятно! — иронически воскликнул капитан.

— Ты подожди, слушай. Ничего подобного еще не встречал. Я видел ее всего секунду. Она была... Постой, вспомню. Она была в темно-синем... Нет, в светло-синем с блестками платье. Густые черные волосы и большие темные глаза... Когда я обернулся, она взглянула на меня со странной улыбкой и тотчас исчезла. Просто растаяла в воздухе...

— Так, так... Значит, растаяла. — Брови Федора хмурились все более грозно. Не на шутку рассерженный капитан ушел к себе в каюту.

Вскоре, однако, он вернулся и швырнул на стол книгу «Нейтрино и время». Виновато взглянув на нас, сказал:

— Вы правы, братцы. В моей каюте тоже кто-то был, читал вот этот устаревший труд.

— Феноменально! — торжествовал Иван. — Что? Убедился? А кого ты видел?

— Не ее, — усмехнулся капитан. — Я вообще никого не видел. Когда открывал дверь, услышал грохот опрокинутого кресла. Словно кто-то поспешно вскочил. Вошел — в каюте пусто. На книжной полке беспорядок.

— Что все это значит? — спросил я капитана.

— Если бы они хотели убить нас или взять в плен, то давно бы сделали это, — вслух размышлял Федор. — Видимо, присматриваются, изучают... прежде чем вступить в контакты. Очень всех прошу: никаких эксцессов! Старайтесь не обращать внимания. И строго придерживайтесь установленного порядка.

Но назавтра же порядок грубейшим образом нарушил Иван Бурсов: он не явился на спортивный час. По насупленным бровям капитана было видно, что планетолога ожидает не очень-то ласковый разговор.

Не пришел Иван и в звездную каюту, что не на шутку всех встревожило. Мы поспешили в каюту Бурсова,

Распахнули дверь — и остановились, ошеломленные. Такого разгрома еще не приходилось видеть за все время полета. Стол сдвинут. Сломанное кресло торчало вверх ножками у стены. Одна лишь койка, крепко привинченная к полу, оставалась на месте. Постель в беспорядке. Разорванная подушка вместе с перепутанными лентами микрофильмов валялась на полу.

В углу послышалось мычание. Я бросился туда и обнаружил планетолога в самой немыслимой позе. Крепко скрученный простынями, он был привязан к койке. Во рту торчал кляп — кусок губчатой подушки, засунутый с такой силой, что я еле вытащил его. Малыш в это время развязал Ивана.

Бурсов встал. Он был в такой ярости, что не мог вымолвить ни слова, только беззвучно шевелил губами и сжимал кулаки. Под правым глазом красовался синяк.

— Кто это тебя так разделал? — спросил капитан.

— Черт возьми! А я почем знаю! — взорвался наконец планетолог и разразился ругательствами, среди которых «черт возьми» было самым мягким.

Капитан жестом хотел остановить разбушевавшегося планетолога. Но из того проклятья сыпались, как горох из разорванного мешка.

— Да скажешь, наконец, что здесь произошло?! — повысил голос Федор.

Окрик капитана подействовал. Бурсов успокоился.

— Ночью я пытался делать вид, что сплю. И все же задремал по-настоящему. Очнулся, когда сзади кто-то связывал руки. Повернуть голову и посмотреть не успел. Хотел крикнуть, но он воткнул подушку с такой силой...

— Он! Он! — Капитан сделал нетерпеливый жест. — Кто — он?

— А может быть, не он, а она? Та самая? — попробовал съехидничать Малыш.

— Это был мужчина, — ворчал Иван, не разделявший веселья Малыша. — Я его, правда, толком не разглядел. Когда попытался вырваться, он так стукнул по голове, что потемнело в глазах.

— Как жаль, что это был он, а не она, — протянул Малыш.

— Хватит паясничать, — оборвал Федор.

— Может быть, вернемся к таисянам? — осторожно предложил Зиновский, когда мы сидели в звездной каюте.

— Не будем терять надежду на взаимопонимание, — ответил капитан. — Но — никаких эксцессов! Слышите, братцы! Никаких эксцессов!..

Дальше случилось что-то непонятное. Сквозь купол каюты мы увидели, как описанная таисянами защитная сфера, до которой было еще далеко, слегка засветилась. От нее протянулись змеисто извивающиеся языки — протуберанцы. Они захватили наш корабль в силовой мешок.

Вот и все... О том, что было до захвата, я вспоминаю безо всяких усилий. Даже сейчас, прикрыв глаза, я снова вижу капитана и слышу его властное: «Никаких эксцессов!..» А дальше, словно споткнувшись, останавливаюсь перед внезапно возникшим черным провалом...

Эксцессы и конфликты, видимо, случались и после предупреждения капитана. Об этом говорит шрам на моей левой щеке. Но как он появился — не помню. Вообще больше не помню ничего. И горше всего — не знаю, что сталось с моими товарищами...

ГОРОД ЭЛЕКТРОННОГО ДЬЯВОЛА

...Тогда, после ухода Актиния, я проспал на диване до вечера. Проснулся, когда на небе уже выступили звезды. Встал и вышел на балкон.

Внизу, управляемый вычислительными машинами, шевелился бесконечный город. Змеились ярко освещенные эстакады и ленты, перекатывались разноцветные искры. В этом гигантском урбаническом чреве копошились миллиарды людей — одноликая армия стандартов. Сверху сквозь сонмище огней и паутину эстакад я пытался разглядеть их. И безуспешно — людей без остатка поглотили электронные джунгли.

Я сел в глубокое кресло-качалку и, положив голову на мягкую ворсистую спинку, стал смотреть на ночное небо. На минуту охватила радость: передо мной распахнулся иной мир — бесконечный простор Вселенной. Но странно — созвездия казались еще менее знакомыми, чем прошлой ночью. Вот, кажется, Орел. В клюве созвездия Орла, на планетной системе голубого Альтаира, я был. А потом очутился здесь...

Лучше не думать об этом. Я закрыл глаза. В мозгу почему-то возникла картина морского берега и набегающих на него шумных белопенных волн. Невнятный гул

города стал казаться гулом прибоя. Волны одна за другой, как столетия в жизни человечества, набегают на берег и с шуршанием обкатывают камешки и гальку. Точь-в-точь как этот город обкатывает и шлифует людей, делая их, подобно гальке, гладкими и одинаковыми. Все шероховатости стираются, все выделяющееся, странное, особое приглаживается или выталкивается... А волны все бегут и бегут. Галька на берегу делается все глаже и меньше. Все меньше и меньше, пока не превращается в песок...

Песок!.. Я вздрогнул от какого-то смутного воспоминания. Песок, песчинки... Что-то мучительно знакомое неуловимо просочилось сквозь черную стену, перегородившую память. Но что? Я пытался вспомнить, ухватиться за ниточку, но безуспешно...

— Хранитель Гриони! — послышался голос с соседнего балкона. — Что вы один скучаете? Заходите к нам.

— С удовольствием, — ответил я. Подумал: в самом деле, может, узнаю что-нибудь новое об этом мире.

На балконе за круглым, уютно освещенным столом сидели хозяйка и красивая молодая женщина лет двадцати пяти.

— Моя дочь Элора, — сказала хозяйка, когда я вошел.

Я слегка поклонился и назвал себя.

— О, вы очень старомодны. — По красиво очерченным полноватым губам Элоры скользнула надменная улыбка. И вообще в ее стройной фигуре, во всем облике было что-то аристократически высокомерное. Еще бы — дочь Великого Техника!

Мать ее была куда проще. Глаза, окруженные веером морщинок, смотрели на меня так приветливо и добродушно, что я охотно согласился выпить чашку горячего напитка — что-то вроде кофе.

— Мы заметили, что вы смотрите на звезды, — сказала Элора. — Занятие необычное для хранителя Гармонии. Да и похожи вы больше на ученого, чем на хранителя.

— Я собирался стать ученым... А вы сами хорошо знаете звездную карту?

— О чем вы спрашиваете? — удивилась хозяйка и с гордостью за дочь воскликнула: — О небеса! Как ей не знать. Она возглавляет космический отдел в Институте времени и пространства.

— Понимаете, я что-то не смог сегодня сориентиро-

ваться. Покажите, пожалуйста, звезду, которая точно расположена над Северным полюсом, — попросил я Элору, почти не сомневаясь, что она назовет слабую звездочку в рукоятке Малого Ковша. Только где этот ковш? Я так и не нашел его.

— Ну, это слишком легкий вопрос, — улыбнулась Элора. — Над полюсом — одна из самых ярких и красивых звезд северного неба.

— Как? — воскликнул я. — Вы уверены?

— Вот она, — Элора, подняв голову, указала пальцем на Вегу.

— Вега! — Забывшись, я привстал и заговорил вдруг на родном русском языке. — Вега!.. Вега должна стать Полярной звездой через двенадцать тысяч лет... Значит, я странствовал сто двадцать веков?! Сто двадцать!..

— О небеса! — прошептала хозяйка, сложив в испуге руки на груди. Она, видимо, сочла меня душевнобольным.

— Что с вами? — Темные глаза Элоры смотрели на меня встревоженно и чуть насмешливо. — Вы будто чем-то ошарашены. И на каком это языке вы говорили?

— На древнем, — быстро ответил я, желая выпутаться из неловкого положения. — На забытом древнем языке я продекламировал стихи о звездах.

— Стихи? О, это так не соответствует духу нашего времени.

— А что же ему соответствует? — Мне хотелось поскорее переменить тему разговора.

— Странно... — Элора покачала головой. — Первый раз слышу, чтобы Хранитель задавал такие вопросы и читал стихи... Или, может быть, вы хотите поймать меня на неосторожном слове? — Взгляд ее стал жестким и пристальным. — Уверяю вас, я всегда говорю то, что думаю. И искренне верю, что старинные произведения искусства и природа воспитывали непригнанные друг к другу индивидуальности. Это порождало разброд и хаос, в то время как прогресс возможен только в условиях стандарта и гармонии...

Она произнесла еще несколько фраз в том же духе и отчужденно замолчала. Я почувствовал, что пора прощаться. Очевидно, мне здесь не очень доверяли. А может, Элора и правда искренне убеждена в неизбежности и полезности стандартизации и измельчания человека?

Когда я уходил, лицо ее было задумчивым и печаль-

ным. В широко открытых глазах отражались извивающиеся огни супергорода. И мне показалось, что в черной бездне глаз за этими пляшущими бликами мелькает глубоко запрятанный, неосознанный ужас. Нет, Элора не так проста. Ей самой неуютно и даже страшно в этом мире...

Медленно тянулись дни. С утра до вечера я слонялся по городу. Спускался в подземелья, возносился на эстакады, заговаривал с десятками людей. Нет, разумеется, я не собирался выполнять «провокаторские» обязанности. Цель у меня была одна: понять, где я, и попытаться найти какой-то выход, какую-то щель, чтобы выскользнуть из этого дьявольского капкана.

«Ну хорошо, — рассуждал я, — очертания созвездий изменились, география планеты — тоже... Но история-то должна остаться незыблемой! Достаточно познакомиться с историей, чтобы стало ясно — Земля это или какая-то совсем другая планета».

Однако познакомиться с историей оказалось не так-то просто. Точнее, невозможно. Как объяснил мне Актиний, к которому я время от времени являлся, Конструктор Гармонии с того и начал, что постарался вытравить из умов всякую память о прошлом планеты. Все исторические сочинения были конфискованы и уничтожены, историки поставлены вне закона. В новых книгах о минувших временах говорилось предельно кратко и в самых общих словах: дескать, людям тогда жилось трудно и тревожно, а вот сейчас, в Электронной Гармонии, легко, бездумно и весело. Правда, мне удалось узнать вроде бы важную деталь: жители города называли свою планету Хардой. Но, было ли это новым названием Земли на неузнаваемо изменившемся за долгие века языке или именем какой-то совсем иной планеты, оставалось только гадать... Быть может, в каких-то тайных архивах и сохранялись еще исторические документы, но даже Актиний не имел к ним доступа. О минувших веках он знал немногим больше рядового потребителя.

Так я жил: неведомо в каком времени и пространстве, зашвырнутый в этот безликий мир неведомо кем, неведомо как и неведомо зачем...

Часто по вечерам я заходил к соседям. Старая Хэлли была неизменно приветлива. Элора первое время держалась со мной суховато и натянуто, но постепенно настороженность, которую я почувствовал в ней в тот пер-

вый вечер, стала исчезать. Видимо, она поверила наконец в мою честность и порядочность.

Мне нравилось разговаривать с Элорой. Только каждый раз неприятно удивляло, что, не зная, в общем-то, ни природы, ни искусства, она отзывалась о них с легким пренебрежением. И мне очень захотелось показать ей красоту забытой природы и «первобытного искусства», воспевавшего человека. Сделать это на сухом и бедном языке Электронной эпохи было почти невозможно. А что, если научить Элору русскому языку?

— Между прочим, я хорошо знаю один из древних языков, — сказал я однажды.

— Это тот, которым вы удивили нас при знакомстве? — усмехнулась Элора. — А откуда знаете?

— Ну, Хранителю Гармонии приходится иметь дело с разными людьми, — уклончиво ответил я. — Хотите знать этот красивый и богатый язык?

— А что, — оживилась Элора. — Иногда бывает так скучно... Память у меня хорошая. Да и техника поможет.

Она принесла из комнаты украшения, похожие на серьги или клипсы. Прикрепив их к мочкам ушей, пояснила:

— Они создают вокруг головы особое силовое поле. Новый стимулятор памяти. С его помощью буду запоминать быстро и прочно, как машина.

На другой день Элора знала уже около трехсот слов и десяток стихотворений.

Мать Элоры, наморщив лоб, пыталась вникнуть в смысл нашей беседы. Наконец с недоумением произнесла:

— О чем вы говорите?.. О небеса! Я ничего не понимаю.

Элора, шутливо подражая матери, сложила руки на груди и сказала:

— О, Гриони! Не продолжить ли наше образование где-нибудь в увеселительном заведении? Я так редко бываю там.

Я согласился. Любопытно было посмотреть, как здесь развлекаются, а больше всего меня интересовало, как «вписывается» в окружающую жизнь сама Элора. Только с первого взгляда казалась она холодной, как айсберг. За высокомерным аристократизмом чувствовалось в ней что-то мятущееся и трагическое.

В увеселительном заведении у меня зарябило в гла-

зах — так много было здесь крикливо одетых людей, так прихотливо извивались и пульсировали на стенах и потолке разноцветные огни. Мелькали незапоминающиеся фарфорово-гладкие лица. Элоре, как мне показалось, было здесь немного не по себе. Ее полные губы брезгливо вздрагивали, когда мы проталкивались сквозь толпу.

Столы располагались вдоль стен. Середина зала была свободна.

Перед тем как сесть, я взглянул в зеркало и чуть не ахнул. Не мудрено, что жители города оглядывались на меня. Нет, внешне я вроде бы не очень отличался от них. Во всяком случае от интеллектуалов. Только повыше. Но выражение... В зеркале я увидел представителя забытых эпох с твердым мужественным лицом. На впалых щеках, около губ и на лбу прорезались тонкие морщинки. В глазах затаилась грусть, а виски, словно посыпанные солью, серебрились: скитания по времени не прошли бесследно.

«Первобытная физиономия, — усмехнулся я. — Физиономия провокатора».

Да и фигура была заметно стройней и мускулистей, чем у других. Среди «техносферных» людей я казался древнегреческим мыслителем с выправкой римского легионера.

— Внешность у вас замечательная. — Элора старательно выговаривала слова по-русски. — Таких людей на планете становится все меньше... Есть хотите?

— Я голоден как волк.

— Как? — удивилась Элора.

— Как волк, — повторил я и объяснил, что в древних лесах водились такие вечно голодные звери.

Принесли на тарелке светло-голубое пенистое облако. Посетители ели такую же синтетическую жвачку и запивали ее ноки — розовым и, видимо, алкогольным напитком. И без того бездумные лица их деревенели в бессмысленной радости. Посидев немного в экстатическом одурении, люди выскакивали на середину зала, извивались, высоко и нелепо подскакивали. Как я узнал после, это был скоки-ноки — спазматический танец, по сравнению с которым старый рок-н-ролл показался бы тихим и задумчивым вальсом. Сплошные конвульсии, судороги. Каждый плясал сам по себе — ни партнеров, ни партнерш. А самое страшное — все происходило без музыки.

Элора нахмурилась, опустив ресницы. Мне стало

жаль ее. Я понял, что подобные развлечения ей чужды, а ничего иного она не знала и видеть не могла...

— Вам принести ноки? — раздался над ухом голос обслуживающего светоробота.

Я утвердительно кивнул головой. Элора отчужденно откинулась в кресле и удивленно взметнула черные брови.

— С волками жить — по-волчьи выть, — усмехнулся я и объяснил смысл русской пословицы. — А вообще — хочу понять...

Выпив ноки, я ожидал легкого опьянения. И жестоко ошибся. Сначала почувствовал животное, отупляющее блаженство, а потом в ушах, все усиливаясь, зазвучала с позволения сказать музыка. На мой бедный мозг обрушилась какая-то инструментованная истерика: дикие крики, обезьяньи вопли, скрежет металла. Видимо, напиток химически воздействовал на нервные клетки, вызывая ощущение одуряющего счастья и слуховые галлюцинации.

Но еще большие испытания ждали меня впереди. Под грубые ритмы непроизвольно задергались руки, ноги против моей воли подняли меня с сиденья. И вдруг охватило неистовое желание выпрыгнуть на середину зала и вместе с толпой с вожделением топтать пружинящий пластиковый пол.

С неимоверным трудом, сцепив зубы и наморщив покрытый испариной лоб, я подавил это желание и заставил себя сесть. Вспомнив предполетную волевую тренировку, принялся последовательно устранять действие напитка. Элора, широко раскрыв глаза, со страхом и сочувствием следила за моими усилиями. Наконец «музыка» в ушах заглохла и я с облегчением вздохнул.

— А вы сильный человек, — с восхищением прошептала Элора. — Еще никому не удавалось нейтрализовать ноки.

А вокруг продолжали конвульсировать. Я вообразил себя в этой толпе. Представил, как среди кукольных «техносферных» людей извивается высокий атлет с серебристыми висками. Несоответствие было до того комическое, что я расхохотался. Поняв меня, рассмеялась и Элора. Посетители с изумлением уставились на нас: здесь редко смеются.

— Уйдем отсюда, — внезапно предложила Элора. — Мне здесь боязливо.

— Боязно, — поправил я ее. — А точнее сказать — страшно.

По дороге в Институт времени мы часто задерживались на безлюдных верхних эстакадах. Я учил Элору русскому языку. Ей очень нравились стихи, образные народные выражения и жаргонные словечки. Сильное впечатление произвели на Элору туманные и музыкальные стихи раннего Блока.

— Как красиво, — шептала она.

В институте ночью никого не было. На плоской и широкой крыше здания стояла маленькая летательная машина — личная аэрояхта Элоры. На ней и улетела она к дворцам Великих Техников — к отцу. На прощание сказала:

— Постараюсь почаще бывать у матери. Мы с тобой тогда... Как это? Наболтаемся. Побольше стихов... Занятие нехорошее, но с Хранителем можно, — рассмеялась она, а потом с грустью добавила: — Мне жаль расставаться. Но мы скоро встретимся.

Однако на следующий день меня ждала другая встреча. В ожидании синтетического блюда я сидел утром за пустым столиком. От неожиданности вздрогнул, услышав за спиной знакомое гоготание:

— Га! Га! Провокатор!

Рядом сел Хабор, ухмыляясь почти дружелюбно. Тронул меня за локоть.

— А недурная мысль пришла Актинию: возродить идею провокатора в образе человека. Раньше у нас был только журнал-провокатор.

— Журнал?

— Да. Сейчас мало кто знает. В первые годы Электронная Гармония была в большой опасности. Слишком много еще оставалось людей, призывающих вернуться к порядкам былых времен. Как их всех выловить? Генератор Вечных Изречений разрешил тогда издавать единственный журнал, где свободно бы печатались стихи, проза, а главное — полемические статьи. И простачки клюнули... Вышло всего несколько номеров. Имея адреса, хранители без труда выловили миллиона два подписчиков. И сразу стало тише. Га! Га! Га!

Я почувствовал смутное беспокойство. Почему Хабор так откровенен? Может быть, хочет усыпить бдительность? Надеется, что раскроюсь перед ним?..

«Ничего, — успокоил я себя. — Буду осторожен. Во

всяком случае с ним полезно поговорить. Он многое знает».

Словно угадав мои мысли, Хабор спросил, пытливо глядя на меня:

— Хочешь, приоткрою тайну города?

— Тайну?

— Да. Управляют обществом, этим биллионным скопищем дураков, вовсе не Великие Техники.

— А кто?

Хабор склонился ко мне и доверительно шепнул:

— Сам город.

Он откинулся назад, любуясь моим изумлением.

— Город? — Я вспомнил, что Актиний говорил нечто подобное, но сделал вид, что впервые об этом слышу. — Не понимаю... А Великие Техники?

— Болваны. — Мой собеседник пренебрежительно махнул рукой и загоготал. — Отупевшие в разврате болваны. Ими тоже управляет город, как куклами.

— Как куклами?

— Хочешь, посмотрим кого-нибудь из них? Эй, ты! — махнул он рукой светороботу. — Подойди.

Пританцовывая, подскочил светоробот.

— Кто-нибудь из Великих выступает сейчас с речью?

— Да. На Южном материке.

— Включи.

Стена-зеркало засветилась перед нами, и я увидел на трибуне упитанного человека. Звучным, как барабан, голосом он произносил речь, оснащая ее плавными, закругленными жестами.

— То же, что всегда, — сказал Хабор. — Обещания и все такое. Призывы хранить Гармонию и готовиться к космической войне с пришельцами... Для Великого важен не ум, а голос. Обрати внимание на уши. В глубине их запрятаны крохотные суфлер-радиофончики. Они не видны. Через них город нашептывает речь, а Великий повторяет ее хорошо поставленным голосом.

— А если он начнет говорить сам?

— Говорить сам? Великий? Га! Га! Им же давно лень думать. Потому и возложили все на машинный мозг...

— А если попадется умный и не пожелает быть управляемым машиной? И начнет говорить не то?

— Маловероятно.

— Ну а все же? Что тогда?

— Тогда он получит по мозгам. Электроудар по мозгам. Из тех же суфлер-радиофончиков.

Чувствовалось, что Хабор завидует Великим Техникам и в то же время презирает, хотя тупоумие их скорее всего преувеличивает.

Всепланетный город, как я понял, превратился в сложную и почти автономную электронную систему, которая программируется в соответствии с изречениями Генератора. Город стал в буквальном смысле государственной машиной. Это город-мозг, гомеостат, стремящийся к равновесию, то есть к поддержанию и укреплению «гармонии».

— Но ведь все это делается в чьих-то интересах?!

— Правильно... Ты умный провокатор. Га! Га! Даже... Даже слишком умный.

Хабор замолк и маленькими, болотного цвета глазами уставился на меня.

— В чьих же интересах? — повторил я.

— В интересах и по заданию администраторов и тех же Великих Техников, — медленно ответил Хабор, размышляя о чем-то своем.

— А кто конкретно программирует?

— Кое-что — я! — Хабор горделиво ткнул себя в грудь. — Я и другие кибернетики, пользующиеся особым доверием. Ты думал, я только палач? Нет, палач — это так, попутно. Главное совсем в другом...— Он придвинулся вплотную и зашептал мне прямо в лицо: — Сейчас город уже почти не дает себя программировать... Он делает это сам, сам себя совершенствует, все больше ускользая из-под контроля... И уже не нуждается в тех, кто его создал. Что будет? А? Может быть, ты... помнишь?

Мне вдруг стало страшно. Острой змейкой пополз холодок по спине. Хабор словно знал обо мне что-то. Нечто такое, что я сам тщетно пытался вспомнить...

— Не помнишь? — Зрачки Хабора не отпускали, смотрели в упор. — Ничего, придет время — вспомнишь.

— Но... я ничего не понимаю.

— Придет время — поймешь... — Хабор усмехнулся, и тут же его лицо стало серьезным и торжественным. — Поймешь, какое счастье тебе привалило. Ибо нет счастливей тех, кто служит великой всемогущей Силе, покоряющей миры, проникающей сквозь время и пространство, — Силе, для которой нет ничего невозможного. Верным слугам своим Абсолют дарует то, о чем не смеют

и мечтать мириады смертных, — бессмертие в Вечной Гармонии...

Хабор поднялся.

— Не вздумай никому рассказывать. Впрочем, все равно никто ничего не поймет. Так же как ты сам, до поры до времени...

На другой же день я пересказал все Актинию.

— Бред какой-то, — проговорил он. — А вообще, мне иногда и впрямь начинает казаться, что у Хабора есть еще какая-то вторая, тайная жизнь... — Актиний нахмурился и принялся ходить по комнате. — Держись-ка ты от него лучше подальше. Кто знает, в какую нечистую игру он хочет тебя втянуть...

Мне очень хотелось сказать, что игра, которую ведет сам Актиний, тоже не очень-то чистая, но я благоразумно промолчал. А с Хабором после этого еще несколько раз беседовал. Теперь я уже не вздрагивал, когда слышал за спиной полунасмешливое приветствие:

— Га! Га! Провокатор!

О загадочном Абсолюте Хабор не произнес больше ни слова, но о городе и порядках в нем он сообщил мне немало любопытного.

Однажды днем мы с Элорой задержались на крыше высокого здания. В этом безлюдном месте никто не мешал разговаривать на русском языке, который так полюбился Элоре.

— Что это? — спросила вдруг она, показав в сторону площади. Сквозь негустое переплетение движущихся парабол виднелись колонны людей.

— Армия вторжения, — с видом знатока стал я выкладывать новость, только накануне услышанную от Хабора. — Незанятых в производстве становится все больше. Куда их девать? Город... То есть Великие Техники решили готовить миллиардную Армию вторжения. Да! — с ироническим пафосом продолжал я. — Это будет великая армия. Пришельцам непоздоровится. Наши солдаты сапогами вытопчут их зеленую планету.

— О, Гриони! — смеялась Элора. — Не притворяйся. Ты не похож на других. И таким мне нравишься. Иногда мне кажется, что ты вырос в другом мире...

— Давай полюбуемся Армией вторжения, — прервал я ее.

Мы спустились на несколько парабол и стали наблюдать. Любоваться, в сущности, нечем. Это было плохо

обученное войско. Люди, которые до этого мало ходили пешком и только дергались в скоки-ноки, с трудом привыкали к строевой дисциплине. Инструкторы шагали рядом и учили их маршировать.

Солдаты на левом плече держали многозарядные лучевые ружья. Проходя колоннами мимо статуи Генератора, они вскидывали правые руки вверх и нестройно, но громко орали:

— Ха-хай! Ха-хай!

Неожиданно с нависших над площадью эстакад сорвались змеистые молнии и впились острыми жалами в плечи двух солдат. Те упали и корчились, крича от боли. Инструкторы гнали их обратно в строй.

— Что это? — испугалась Элора.

— Не знаю, — растерялся я. — Видимо, те солдаты притворялись. Разевали рты, но не кричали «ха-хай!». Всевидящий город зафиксировал это и покарал электроразрядами. Сам придумал наказание!

— Страшный город, — прошептала Элора.

— Город Электронного Дьявола, — сказал я.

Мне захотелось как-то развеять, развеселить погрустневшую Элору.

— Слушай, — предложил я. — А что, если нам хоть на время вырваться куда-нибудь? Улизнем из города.

— Как ты сказал? Улизнем? — Элора удивленно подняла глаза и рассмеялась.

Я начал объяснять значение этого слова, но Элора остановила:

— Не надо. Я поняла. Какое смешное слово... Ну что же, давай улизнем. Только куда? Город затопил всю планету... О, вспомнила! Есть не так далеко одно место...

Аэрояхта понесла нас на север. Летели долго. Внизу плескалось бесконечное урбаническое море огней, волнами прокатывались какие-то искрометные сгустки, змеились эстакады. «Гераклитов мир, — подумалось мне. — Огненная стихия, движущаяся без направления и цели».

И вдруг совершилось чудо: город кончился. Элора посадила аэрояхту на опушке небольшой рощи. Я узнал ее — это была та самая роща, где я очнулся... Я сорвал пучок травы и с наслаждением понюхал. С острой и сладкой печалью вспомнился запах лугов моего детства.

— О, Гриони! — смеялась Элора. — Как ты счастлив. Ты странный человек... Вот что: ты оставайся, а я скоро вернусь. Кое-что прихвачу.

Я остался один. Присел на бугорок, поросший сухой травой. И вдруг вздрогнул, вспомнив холодное фиолетовое пламя, свернувшуюся в пояс капсулу... Таинственная капсула, принесшая меня неведомо откуда, исчезнувшая так необъяснимо и бесследно, — будь она у меня сейчас, я сразу же попытался бы бежать. Только вот куда?

Элора вернулась, когда совсем стемнело. Из аэрояхты она вынесла какие-то напитки и пакеты с едой.

— Устроим... Как это раньше называлось? Пикник. Загородный пикник, — смеялась Элора.

Она села рядом со мной и посмотрела в небо. Вверху — непривычная для жителей города картина. На черном куполе раскинулась серебристая арка Млечного Пути с мириадами далеких светил.

— Как хорошо! — прошептала Элора. — Тишина. Города нет, и никого нет... Сейчас во всей Вселенной нет никого, кроме нас двоих и вот этих звезд. Стихи,— потребовала она. — Прочти какие-нибудь стихи.

Я прочитал подходящие к обстановке стихи Лермонтова и Тютчева, в которых говорилось и о таинственной ночи, и о «мерцании звезд незакатных».

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда.
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

Элора слушала, широко раскрыв глаза.

— Так говорить о женщине, о человеке... — прошептала она. — С таким уважением...

Потом спросила:

— Зачем?.. Зачем ты все это придумал? Не было этого никогда!

— Это было. Давно. Вот там, — я шутливо показал на небо. Случайно задел затейливую башенку-прическу. Волосы Элоры рассыпались черным шелковистым облаком, я почувствовал еле уловимый аромат.

— Твои волосы пахнут мятой.

— Мятой? А что это такое?

— Это трава с очень приятным и своеобразным запахом.

— Откуда ты все это знаешь?

Элора вдруг отшатнулась и внимательно, почти со страхом посмотрела на меня.

— А впрочем, чего я испугалась? — еле слышно проговорила она. — Хотя бы и так... Даже лучше.

— Понимаю. Ты подумала, что перед тобой пришелец?

— Да, я так подумала, — улыбнулась Элора. — Но этого не может быть.

— Конечно. Наши боевые крейсера... — начал я тоном знатока.

— И все же ты пришелец. — Элора сказала это как-то непонятно: то ли полушутя, то ли всерьез. — Только не со звезд, а из другой физической системы отсчета. Я хочу, чтобы ты меня взял с собой, в свое таинственное измерение, в выдуманный и зачарованный мир поэзии.

Матово-белое лицо Элоры казалось в ночи кристаллом, светящимся изнутри ровным светом. Хорошо помню ее глаза. Не холодные и строгие, какие вижу сейчас на портрете, а удивленно раскрытые и нежные — две загадки, две черные бездны...

Наша встреча с Элорой была последней.

...И здесь скоро наступит ночь. Писать трудно — сгущаются сумерки. Смотрю в окно на темнеющие кроны деревьев, прислушиваюсь к затихающим лесным звукам. Солнце скрылось за лысой горой. И закат, великолепный закат развертывает свои красные перья.

Если бы это была Земля!..

ЗЕМЛЯ

Земля! Наверно, ни один мореплаватель древности не произносил это слово с таким восторгом, как я. Это безусловно Земля!

Окончательно убедился в этом сегодня утром. Перед завтраком я отправился к небольшому озеру, плескавшемуся у подножия горы. Нога болела меньше, и я решился наконец подняться наверх. Когда взобрался на голую вершину, у меня перехватило дыхание. И не от усталости, хотя гора довольно высока, а от красоты и знакомости распахнувшихся далей. Земля!.. Мне кажется даже, что передо мной ландшафты, характерные для Среднего Урала. Кругом зеленеют лесистые увалы, подернутые тонким утренним туманом. Куда ни кинь взгляд — холмится застывшее каменное море с гребнями шиханов на волнах-вершинах...

Но какой сейчас век? Во всяком случае не «мое» двадцать первое столетие. Тогда леса на Урале рассекались высоковольтными линиями и автострадами, а в воздухе стоял почти беспрерывный гул от пролетающих в поднебесье лайнеров. Нет, это и не двадцатый и даже не девятнадцатый век: я не заметил ни одного заводского дымка, ни одного телеграфного столба. Может, попал на совсем старый Урал? Судя по незатоптанной, девственной природе и заброшенной охотничьей избушке, сейчас вероятнее всего конец семнадцатого или самое начало восемнадцатого столетия.

Я сидел на согретом солнцем камне, любовался далями и размышлял о странных капризах реки времени, носившей меня на своих волнах из эпохи в эпоху и забросившей сейчас на этот свой живописный и пустынный берег.

В «моем» двадцать первом веке я побывал туристом во многих странах. И прекраснее Урала ничего не видел. Вот и сейчас засмотрелся на гранитные палатки, возвышающиеся шагах в тридцати от меня. Глядя на изогнутые столбы, причудливые выемки и карнизы, невольно подивился искусству природы, отчеканившей этот шедевр из гранита. Миллионы лет назад, в пору юности Уральского хребта, здесь, вероятно, была одна из высочайших гор. Снежная вершина ее купалась в облаках. Шли тысячелетия. Природные силы вершили свою неторопливую, но сокрушительную работу. Резкая смена температур, движение мощных ледников постепенно сглаживали рельеф. Высокая гора превратилась в лесистый перевал, а от пронзающей тучи вершины сохранилась лишь вот эта гранитная гряда. Над ней и сейчас продолжают затейливую, но уже более тонкую работу шумные вьюги и весенние потоки, свистящие летние ливни и ветер-ювелир.

Неутомимый ваятель — вечность...

Замечтавшись, не заметил, как стал свежеть ветер. Надвигался грозовой дождь. Я вздохнул и встал с камня. Надо идти в хижину.

Спускаясь с горы, глядел, как под ветром все сильней колышутся верхушки сосен, слушал волнами накатывавшийся шум тайги — ее великий океанский гул. А бескрайние дали с зелеными горами и белопенными барашками скалистых гряд на вершинах еще сильней напомнили штормовое море.

...Так и не удалось сегодня написать об Электронной эпохе ни строчки. Утром я сделал открытие, которое меня ошеломило. До самого вечера ходил сам не свой, не зная, что и подумать.

Поев на завтрак ухи — сытной, пахнущей дымком, но изрядно надоевшей, — я решил прогуляться к полюбившемуся мне горному перевалу. Опираясь на палку, поднялся на каменистую вершину. Снова передо мной раскинулись неоглядные всхолмленные дали, повитые утренним туманом. И снова зашевелились печальные воспоминания о навсегда потерянном двадцать первом столетии.

Однако сейчас к этим воспоминаниям примешивалось какое-то тревожное чувство, ощущение чего-то пугающе знакомого. Но чего? Я сидел на камне лицом к югу. Справа, разрезая темные хвойные леса, пролегла светлая полоса березняка. Нескончаемой лентой тянулась она с севера на юг. Вот этот геометрически правильный коридор березняка и не давал мне покоя. Откуда он здесь, в нехоженых дремучих лесах? Мог ли он образоваться естественным путем? И внезапно у меня вспыхнула одна смутная догадка.

Решив проверить ее, спустился по правому склону горы — более крутому и обрывистому. Вошел в широкий березовый коридор. Здесь было больше солнца, чем в глухом ельнике. Высокие и гладкие стволы берез светились, как свечи. Я опустился на колени. Подминая траву, продвигался вперед и ощупывал землю, пока не наткнулся на... железобетонную плиту! Такие квадратные плиты служили обычно фундаментом для металлических опор высоковольтной линии.

Забыв о боли в ноге, вскочил и испуганно огляделся. Я был потрясен не меньше, чем Робинзон Крузо, обнаруживший на своем необитаемом острове следы чужих ног.

Все еще сомневаясь, снова встал на колени и, ползая вокруг плиты, рвал траву и копал землю — то палкой, то просто руками. Я нашел то, что искал: обломок ажурной мачты — опоры. Краска давно облупилась, оголенный металл покрылся слоем шершавой ржавчины.

Да, теперь уже ясно: здесь когда-то, быть может сотни лет назад, проходила высоковольтная линия. На Урале в мое время таких линий было особенно много. Мне даже на миг показалось...

Я сел на траву и, протянув глухо ноющую ногу, стал не торопясь поглаживать ее. Это занятие меня немного успокоило.

Еще раз внимательно огляделся, и местность снова показалась мне удивительно знакомой. По-моему, я был здесь с ребятами после окончания школы.

И вдруг на экране моей памяти ярко вспыхнул тот солнечный июньский день. С рюкзаком за спиной я шагал вместе с ребятами по тропинке, протоптанной туристами и грибниками. Да, отлично помню: мы шли по этой широкой просеке. Только вместо берез упругим ковром расстилалась трава, а по бокам шумели медноствольные сосны. По густо-синему небу медлительно плыли тугие белобокие облака. Над головой, запутавшись в толстых витых проводах, свистел ветер. Через каждые двести метров нас встречали, поблескивая серебристой краской, празднично, почти феерично красивые решетчатые опоры высоковольтной.

Немного южнее, как мне помнится, просеку пересекала шоссейная дорога. Прихрамывая, я пошел туда и вскоре увидел то, что осталось от дороги, — прямую полосу колючего кустарника. В основном малинника и шиповника. Я долго копал палкой под корнями одного куста и наткнулся на слой гравия. Выковырнул даже чудом сохранившийся кусок асфальта.

Когда-то, в мое время, здесь кипела жизнь. Тонко завывая, стремительно проносились электромобили, шелестели автобусы на воздушной подушке. А в облаках рокотали воздушные корабли. Во все эти шумы вплеталась струнная музыка высоковольтной... Где все это?.. Сейчас только птичьи свисты да невнятный говор леса нарушали первозданную тишину.

В глубокой задумчивости побрел я к хижине, поросшей мохом и давно покинутой людьми. Людьми — какого века? Двадцать второго? А может быть, более поздней эпохи...

Но где же люди? В голове теснились беспорядочные мысли. Что могло случиться? Человечество на гигантских кораблях покинуло Землю? Замерли заводы, дороги затянулись кустарником, на месте рухнувших городов выросла крапива и полынь... Что и говорить, страшная картина! Но почему, в чем причина?..

По пути я еще раз взобрался на вершину горы. На минуту снова ощутил прилив уверенности: нет, не могли

люди покинуть планету, прекрасней которой нет на тысячи световых лет вокруг!

Над низиной слева парил чибис и человеческим голосом печально вопрошал безлюдье: «Чьи вы? Чьи вы?» Уверенность моя растаяла как дым. Я глядел на бесконечные зеленые просторы, и тоска теснила мне грудь. Где вы, люди? Где?

Что же случилось с родной планетой? С началом космических полетов одной из самых грозных и коварных опасностей стала биологическая — опасность случайного занесения инопланетной инфекции. Может быть, это? По Земле ураганом пронеслась неведомая эпидемия, поразившая людей?

Взбудораженное воображение мигом нарисовало страшную картину: горстки уцелевших в панике бегут из городов. Одичав, бродят, кочуют по лесам. На обломках старой материальной культуры, на руинах возникает примитивное общество. Все начинается сначала, как в древнейшие времена. Сизифов труд человечества... Войны, деспотические режимы и восстания, снова войны.

Не хочется верить, что такое могло случиться. Но как объяснить это безлюдье, заросшее шоссе, изъеденный ржавчиной обломок мачты?.. Как объяснить возникновение Электронной Гармонии, если окажется, что Харда — это действительно Земля в далеком грядущем? Эпидемия или какое-то иное всеобщее бедствие могли бы все объяснить. Сто двадцать веков — срок более чем достаточный, чтобы из небольших кучек уцелевших вновь появилось человечество, миллиарды и миллиарды людей... Нет, не хочу, не могу в это поверить!

...И снова закат. Огромное красноватое солнце опускается за дальние леса. Темнеет. И опять, в который раз, я вспоминаю невероятные, ошеломляющие события того дня — последнего моего дня в городе Электронного Дьявола.

...В тот день я, как всегда, с утра слонялся по супергороду. Вернулся усталый и лег отдохнуть. К моей досаде, над дверью загудел зуммер.

— Входите! Открыто! — с раздражением крикнул я.

Кто-то вошел и тщательно прикрыл дверь. Взглянув, я с удивлением обнаружил человека в нашей корабельной форме — в пилотском комбинезоне! Человек повернулся, и я мигом вскочил на ноги.

4 Заказ 128

— Капитан! Федор!.. Жив!..

Я бросился к нему, но он остановил меня предостерегающим жестом.

— Стоп, Сережа! Обнимать меня не рекомендуется. А то... могу преждевременно растаять.

— Не понимаю... — Я растерянно смотрел на него, еще не совсем веря, что это не галлюцинация. — Откуда ты?

— Оттуда, Сережа. — Капитан скривил губы. — Из Вечной Гармонии.

«Вечной Гармонии»... Я вдруг вспомнил Хабора. От него впервые услышал тогда эти странные слова. Но что они означают?..

— Да, ты ничего не помнишь о ней, — видя мое недоумение, проговорил капитан. — Стерли память... Но она восстановится. Вероятно, самые яркие впечатления всплывут первыми...

— А Иван, Малыш, Зиновский — что с ними? — все еще ничего не понимая, перебил я.

— Исчезли... — Капитан опустил голову. — Стали песчинками в пустыне... И больше я ничего о них не знаю. Последний раз видел их тогда же, когда и ты. В тот приход Незнакомки...

— Какой Незнакомки?

— Я же говорю, придет время — все вспомнишь.

И опять это были слова Хабора. «Придет время — вспомнишь...» Мне стало не по себе. Хабор — и наш капитан. Что могло у них быть общего? Откуда оба знали обо мне нечто такое, о чем я и не подозревал?..

— Давай лучше поздороваемся, Сергей, — сказал капитан, по-своему истолковав мое замешательство. — Нуну, давай руку. Не бойся.

Собравшись с духом, я подошел ближе. Капитан сдавил руку с такой силой, что я поморщился. Это грубо материальное пожатие меня несколько успокоило.

— А теперь, Сережа, сядем и поговорим.

— Слушай, Федор, — попытался я улыбнуться. — Ты так сжал руку... Значит... ты жив?!

— Только наполовину... Получил временный выход в мир живых. Вспышка жизни по велению его величества Абсолюта... — Он горько усмехнулся. — Помнишь, на корабле перед тем, как нас захватили? До того, как была стерта память?

— Помню. Какие-то... как привидения.

— Вот и я сейчас такой же.

— Слушай, капитан, говори прямо. Я ничего не понимаю. Вечная Гармония... Абсолют... Что все это значит? И как ты очутился здесь?

— Слишком долго объяснять. У меня нет на это времени...

— Да пойми ты, я совсем сбит с толку! — в отчаянии крикнул я.— Этот проклятый город... И провал в памяти... А теперь вдруг ты... И еще какой-то Абсолют... Как, откуда, почему? У меня голова раскалывается! Сойду с ума, если не растолкуешь хотя бы в двух словах.

— Сережа, у меня считанные минуты. Успеть бы главное... Ну хорошо, попытаюсь в двух словах... — Капитан помолчал. — Вечная Гармония — грядущее вот этого всепланетного города, логическое завершение его эволюции... Абсолют — чудовищная, нечеловеческая сила. Поистине сатанинская... Сила, захватившая наш корабль, зашвырнувшая тебя сюда, в эту эпоху... Придет время — ты вспомнишь, как все было.

— Но почему Абсолют? Что скрывается под этим словом?

— Так назвала его тогда Незнакомка. И в конце концов дело не в терминах... А что скрывается — я и сам до конца не разобрался. Знаю одно: исполинский город, в котором ты живешь, стал единоличным властелином планеты.

— Ты хочешь сказать... Земли?

— Нет, — капитан покачал головой, — в этом я пока не уверен. Вернее, очень хочу верить, что это не Земля. Как говорится, не дай ей бог такого будущего... Если бы ты знал, Сережа, как это страшно: пустыня, планета без людей...

— Без людей?!

— А зачем они Абсолюту?.. В Вечной Гармонии люди превратились в мертвые символы. Правда, иногда всеведущий повелитель дает им на короткое время материализоваться. Вот как я сейчас... Абсолют протянул свои щупальца сквозь время и пространство — туда, где еще есть живые. А вступать в контакт с живыми он может только через своих посланцев.

— Значит, это он тебя...

— Не прерывай! — В голосе капитана зазвучали знакомые властные нотки. — Мое время на исходе... Да, меня послал Абсолют. Велено передать, что тебя ждет

райская жизнь здесь, в Электронной эпохе, а затем бессмертие в Вечной Гармонии, — если ты...

«Бессмертие в Вечной Гармонии...» Снова то, что изрекал Хабор! И, не выдержав, я перебил капитана:

— Хабор... Ты знаешь его?!

— Знаю, что такой есть... Что-то вроде резидента Абсолюта в этой эпохе. Возможно, ему и поручена твоя переброска...

— Переброска... куда?

— Если б я знал!.. Ясно одно: Абсолют хочет использовать тебя в каких-то своих целях... Ты недослушал: райская жизнь и бессмертие обещаны, если ты «доверишься течению событий». Обрати внимание на формулировку! От тебя не требуют никаких усилий, только «доверься», а все остальное, видимо, будет должным образом подстроено... Помнишь капсулу, доставившую тебя сюда?

— Смутно... Фиолетовое пламя, потом свернулась в пояс, исчезла...

— Она вернется к тебе. Может быть, очень скоро. И унесет... туда, куда нацелился Абсолют... Я с самого начала понял, что ты им зачем-то нужен. По каким-то там параметрам сочли тебя наиболее подходящим для некой миссии. Потому и оставили в живых, забросили сюда. Видать, отсюда удобней выстрелить тобой в намеченную точку. И у меня есть основания предполагать, что это какая-то очень недобрая миссия, Сергей. Не исключено, что тебя хотят использовать в качестве лазутчика. Могут обставить это так хитро, что ты и сам не догадаешься.

— Лазутчика?! — Я изумленно уставился на капитана, хотя, кажется, уже неспособен был ничему удивляться после всего услышанного.

— Абсолют стремится подчинить все, что ему еще не подвластно. Непрерывная, безостановочная экспансия во времени и пространстве! А захвату всегда предшествует разведка...

— Но зачем экспансия этому... как его... Абсолюту? Каким бы он ни был могучим, к чему ему это?

— Он так запрограммирован, Сережа. Те, кто создавал в Электронной эпохе зародыш нынешнего Абсолюта, вложили в него четкую и безжалостную программу: жестоко подавлять и унифицировать все, что не укладывается в рамки Гармонии или мешает ее совершенст-

ванию, и при этом распространять «гармонические порядки» всюду, где только возможно. Вот он и распространяет... Сама Гармония «усовершенствована» так, что люди упразднены за ненадобностью, но программа продолжает выполняться с железной неукоснительностью...

Капитан вдруг замер, точно прислушиваясь к чему-то в себе.

— Все... Сейчас будет сигнал... Ничего толком не успел...— Он заторопился.— Я был слишком наивен, Сережа. Согласился служить Абсолюту... Думал: разберусь — и взорву изнутри. Оказалось, невозможно... Я бессилен против этого чудовища. Давящего и страшного. Враждебного всему живому... Единственное, что могу, — предупредить тебя. Не дай сделать себя покорным орудием!.. Борись как можешь... Отомсти за всех нас... Это приказ, слышишь! Последний приказ... Во имя всего живого...— Лицо его исказилось.— Конец... Сейчас Абсолют погасит искорку жизни. Прощай, Сережа...

Капитан протянул руку — и исчез. Будто погас... Так и погас с протянутой рукой.

Я ошеломленно смотрел на то место, где он только что стоял. Секунду назад видел его лицо, слышал такой знакомый голос — и вот пустота... Что это? Сон? Галлюцинация?

В том, что это была не галлюцинация, я убедился на следующее утро, когда двое хранителей схватили меня еще сонного и доставили в камеру пыток. Там они усадили меня в опутанное проводами массивное черное кресло, крепко пристегнув руки к подлокотникам, и удалились. Вошел Хабор, деловито уселся за пульт, к которому тянулись провода от кресла. И начал без предисловий:

— Твой капитан аннулирован. Абсолют стер его запись. Так будет с каждым, кто попытается злоупотреблять доверием Великого...

«И он все знал, — мелькнуло у меня. — Знал, что все станет известно и не пощадят... Хотел любой ценой предупредить...»

— А для тех, кто еще не приобщен к Вечной Гармонии, — продолжал Хабор, — кто находится в низшем биологическом состоянии, у нас есть кары понаглядней и побольнее. Например, вот это креслице... Оно, так сказать, двойного подчинения. Ты ведь уже уяснил, что я

служу не столько Электронной Гармонии, в которой официально проживаю, сколько Абсолюту, чьей волей сюда тайно заброшен. Парадоксальная ситуация: Абсолют засылает резидента в собственную предысторию. — Он усмехнулся. — Но Великий любит парадоксы... Итак, вернемся к креслицу. — Рука Хабора поползла по пульту. — Видишь, вот здесь индикатор боли. Приятная стрелочка, правда? А это — диагностер, регистрирующий внутренние кровоизлияния и переломы костей. Рядом кнопка, которой мы одеваем на пациента магнитный сапог. Может, включим для пробы?

Он нажал кнопку — и мою правую ногу пронзила нестерпимая боль.

— Ну, ну, не обижайся. — Хабор щелкнул переключателем.— Это я так, в шутку... Хочу, чтоб ты ознакомился с нашими возможностями. Магнитным полем можем изжевать ногу так, что кости станут не тверже мяса... Но думаю, что в отношении тебя к подобным воздействиям прибегать не придется. Ты человек благоразумный и, надеюсь, уже понял: с Абсолютом и теми, кто ему служит, лучше не ссориться. А теперь давай ближе к делу...

Хабор поднялся, отстегнул мои руки от кресла, помог встать. Даже ногу слегка помассировал. Потом усадил на стул в углу комнаты.

— Так вот. Твой капитан наболтал тебе много вздора. Абсолют не нуждается ни в каких лазутчиках. Великий просто хочет использовать тебя для испытания нового типа капсулы. Это одно из замечательнейших достижений Абсолюта, чудо волновой микротехники. Куда унесет тебя капсула — не так важно. Главное — проверить ее в полете... Через сто дней капсула — она настроена на твое личное биополе — вернется за тобой. Прилетишь обратно, и больше от тебя ничего не требуется. Если все пройдет нормально — займешь высокое положение в Вечной Гармонии, станешь бессмертным. Абсолют умеет ценить верных слуг... Но не вздумай нарушать волю Великого! Абсолют найдет тебя, где бы ты ни укрылся. Найдет и покарает страшной карой!

Хабор замолчал, испытующе глядя на меня.

— Итак, ты согласен?

— Согласен!

Мог ли я ответить что-нибудь иное? У меня было одно желание: поскорей вырваться из этого страшного

мира. Что со мной будет, куда попаду — ни о чем таком в ту минуту не думалось. Только бы вырваться!

...И вот на мне загадочный энергопояс. Вспыхнуло холодное фиолетовое пламя: пояс развертывался в капсулу. Меня окутало прозрачное, как сгустившийся воздух, неведомое поле. Несколько секунд я еще видел комнату, Хабора, стоявшего у своего пыточного агрегата. Потом началась пульсация — и все исчезло. Не знаю, сколько продолжался полет: я ничего не видел и не слышал — сознание отключилось...

Приземление вспоминается так же смутно, как и то, первое, в Электронном супергороде.

На миг вспыхнувшее и тут же погасшее пламя. Капсула, свернувшаяся в энергопояс... Когда я окончательно очнулся, пояса на мне уже не было. Но удивило меня не это, а совсем другое: вместо крикливого костюма Электронной эпохи, на мне был... привычный пилотский комбинезон. Минуту я размышлял, как это могло случиться, но так и не мог найти никакого объяснения.

Я лежал на левом боку, пытаясь рассмотреть приютивший меня мир. Была ночь. Спина моя упиралась во что-то твердое. Камень? Обернулся и в темноте увидел сизый, туманно светившийся ствол березы. На лесную прогалину пробивался сверху дымный лунный свет. Я сразу почувствовал доверие к этому миру. Смело откинул на спину гермошлем и вдохнул ночной воздух, насыщенный лесными ароматами. Встал и побрел наугад.

Нога болела. «Примерка» магнитного сапога не прошла бесследно... Минут через десять я выбрался на посеребренную луной поляну. На краю ее притулилась к могучей сосне хижина. Открыл скрипнувшую дверь. В хижине было пусто. Я повалился на нары и проспал до утра.

Так я поселился в этой давно заброшенной избушке. Приладил на стене над дощатым, посеревшим от времени столом маленький цветной портрет Элоры. Портрет, большой блокнот и авторучка — все, что осталось у меня от Электронной эпохи. На вырванных из блокнота листах начал писать — решил рассказать обо всем, что со мной произошло. Быть может, кто-нибудь когда-нибудь прочтет... Но о самом главном — о зловещей Вечной Гармонии с ее загадочным Абсолютом — ничего решительно не мог вспомнить. Как ни вглядывался в тот черный колодец памяти — ничего...

Жаркая волна ненависти захлестывала меня при воспоминании о Хаборе. Этот палач «двойного подчинения» олицетворял для меня сейчас ту страшную безжалостную силу, которая погубила моих товарищей, — проклятую мертвящую силу, угрожающую всему живому. Перед глазами возникло лицо капитана, я слышал его голос: «Отомсти за всех нас... Это приказ, слышишь!» У меня сжимались кулаки. И я снова давал себе клятву бороться, сделать все, чтобы сорвать черные замыслы Абсолюта.

Если б только разгадать, что это за замыслы!.. Зачем меня забросили сюда? Лазутчиком — в лесное безлюдье? Нет, тут что-то не так... И неужели этот мир действительно Земля?

Я неотступно думал обо всем этом, когда бродил по лесу, ловил на самодельный крючок рыбу в небольшом озере у подножья горы, варил на костре уху. Поляну окружали сосны и березы. На огромной раскидистой сосне, подпиравшей стену хижины, мелькал рыжий хвост белки. В глухой чащобе глухо барабанил дятел, а леса звучали, как орган: их наполняли струнные песни синиц...

И вот теперь я твердо знаю: это Земля. Только что на ней случилось, почему она так безлюдна?

ДЫМ НА ГОРЕ

Нет, далеко не безлюдна!.. На планете есть люди! Только не знаю, радоваться или печалиться по этому случаю. Может быть, их надо опасаться?

Вечером хотел прогуляться к озеру и взобраться на горный перевал. Отошел от хижины сотню шагов и остановился как вкопанный. Мое любимое место занято! Над вершиной горы струился дым костра.

Я прислушался. Тишина... Чуткая, первозданная тишина. Лишь какие-то птахи подняли возню, уютно устраиваясь на ночь. Я прислонился к шершавому стволу сосны и стал наблюдать. Над горой клубился подсвеченный снизу пепельный дым. Когда совсем стемнело, я видел лишь пляшущие багровые блики.

Наконец костер погас. Я постоял еще полчаса и вернулся в хижину. Прилег, не раздеваясь. Мое воображение было взбудоражено, как никогда. Вдруг отчетливо

представилась толпа одетых в звериные шкуры людей. С палицами и дротиками в руках, они расположились на лысой горе вокруг тлеющих головешек. Я убеждал себя, что этого не может быть, но так до конца и не убедил...

Незаметно уснул. А проснулся — сам не знаю почему — с таким светлым, приподнятым настроением, какого у меня давно не было.

Я вышел из хижины. По макушкам деревьев скользили лучи утреннего солнца. На ветках раскидистой сосны прыгала белка. Увидев меня, она на миг остановилась и приветливо взмахнула рыжим хвостом. Росистое утро казалось необычно приветливым и звонким. Все кругом звучало радостью. Пели струнноголосые синицы, тонко звенели корабельные сосны, а по земле тянулись, словно поющие, струи тумана.

С надеждой и опаской я посмотрел на запад, в сторону горы. Настроение тут же упало: на ярко освещенной вершине ни дымка, ни малейшего движения... Ушли?

Сел на камень и начал разжигать костер. Еще раз взглянул на гору и невольно вздрогнул: над вершиной тянулся в чистое небо гибкий сиреневый столб дыма...

С того памятного певучего утра началась новая полоса моей жизни.

Увидев дым, я притушил костер и решительно направился в сторону горы: будь что будет! Пусть там даже дикари... Мне надоело одиночество, я истосковался по людям.

На вершину поднимался с севера, где рос густой кустарник. Оттуда можно было подобраться незамеченным. На лужайке наткнулся на две палатки, напоминающие небольшие юрты. Две серебристо-серые полусферы увенчивались металлическими стерженьками. Сначала подумал, что палатки сделаны из какой-нибудь пленки. Осторожно подошел ближе, потрогал. По еле заметному мерцанию догадался, что это не пленка, а неизвестное мне поле — прохладное и шелковистое на ощупь. Ясно, что ночевали здесь не одичавшие люди, а представители высокоразвитой, быть может инопланетной, цивилизации...

За кустами послышался невнятный говор. Я сделал несколько шагов, чуть раздвинул ветки и увидел такую картину.

На залитой солнцем поляне весело трещал костер.

Перед ним на плоском камне сидели светловолосый молодой человек и тонкая, стройная девушка. Немного в стороне, прямо на траве, расположился здоровенный детина, этакий былинный молодец с добродушной и простецкой физиономией. Все трое одеты почти так же, как в родном двадцать первом веке одевались туристы. Пожалуй, и мой пилотский комбинезон сейчас мало отличался от их удобных для походов костюмов.

Светловолосый сунул в костер сырую зеленую ветку, Видимо, нарочно, чтобы дым был гуще и ядовитей. Ветер дул в сторону девушки, и та, хмурясь и отмахиваясь рукой от едкого дыма, сказала своему соседу:

— Патрик, перестань дурачиться. Как ребенок...

Мне стало жарко от волнения: фразы были произнесены на «юнионе» — всепланетном языке, который начал складываться в мое время. Тогда на нем говорили еще немногие, но наш экипаж знал его в совершенстве. Тем более что в «юнионе» было много русских слов... Я невольно покачнулся и переступил ногами. Под каблуком громко хрустнула сухая ветка. Скрываться больше невозможно. Я вышел на открытое место и несмело произнес:

— Здравствуйте.

Все трое без особого удивления взглянули на меня и дружелюбно ответили на приветствие. Девушка показала на камень.

— Присаживайся к нашему костру. Скоро будем есть грибницу.

— Грибницу? — удивился я. — Какие же грибы в начале лета?

— А маслята? Это наша Таня собирает их. Она у нас знаток... Кстати, где она?

Девушка сложила ладони рупором и крикнула, повернув голову к югу:

— Таня-а-а!

— А-а-а! — прокатилось эхо.

— Ау! Иду-у! — прозвенел снизу голос.

Я отметил про себя, что язык изменился не столь существенно. Во всяком случае услышанные мной слова произносились почти так же, как в мой век. Конечно, они не могли не заметить некоторую необычность моего произношения, но, видимо, не придали этому большого значения.

По южному склону горы легко взбиралась девушка с

гибкой и тонкой талией. Густые пушистые волосы ее рассыпались и закрывали лицо. Она подошла к костру и со счастливой улыбкой показала всем грибы в прозрачном мешочке.

— Смотрите, какие красавцы. Будто из сказки.

Девушка откинула назад волосы и подняла голову. Я встретился с ней глазами и обомлел. Кровь отлила от моего лица, частые и сильные удары сердца отдавались по всему телу. Смущенная моим взглядом, девушка смотрела на меня такими знакомыми темными, как ночь, глазами. Я был потрясен: передо мной стояла... Элора!

— Что с тобой? — участливо спросил молодой человек, сидевший на камне. — Ты побледнел.

— Я тебе кого-то напомнила? — спросила наконец девушка, по-прежнему глядя на меня.

— Да, очень, — торопливо заговорил я, стараясь овладеть собой. — Даже растерялся...

Сходство поразительное, но светло-золотистые волосы девушки, ее звонкий голос, жесты и манера держаться... Нет, конечно же, это не Элора!

— А кого напомнила? Не секрет?

— Конечно, не секрет. Да я вам покажу портрет. Он в моей хижине.

— Ты ночевал в хижине? — девушка приняла меня, видимо, за обычного туриста.

— А я слышал об этой избушке, — вмешался светловолосый молодой человек. — Она где-то здесь. Точно не знаю. Ее построил мой соотечественник — шотландец. Сколотил сам примитивным топором. Ему так полюбился Урал, что он прожил отшельником в хижине три года. И писал книгу. Все, конечно, помнят эту в свое время нашумевшую поэму «Внуки Оссиана».

— Вот видите, — пытался я шутить. — Моя хижина, оказывается, знаменитая. А вы не знали. Приглашаю вас к себе. У меня и уха почти готова.

— Приглашаешь, а мы даже не знакомы, — возразила девушка. — Давай знакомиться. — И назвала себя: — Таня. Татьяна Кудрина.

— Сергей, — представился я.

Пожимая всем по очереди руки, я узнал имена моих новых друзей. Светловолосый молодой человек — Патриций Рендон, его соседка — Вега Лазукович.

— Орион. Орион Кудрин. — Былинный молодец слегка привстал. Кивнул головой в сторону Тани и доба-

вил: — Мне крупно не повезло: я брат вот этой ехидной особы. Ты ее еще не знаешь. У нее не только осиная талия, она и жалится, как оса.

Таня лукаво усмехнулась.

— У тебя модное имя, Сергей, — заговорила она со мной. — Хорошо, что сейчас вернулись к простым народным именам — Сергей, Татьяна, Патриций. Ты заметил, что все реже дают имена по старинке — по названиям звезд и созвездий? Звучные имена... Вега! Посмотри на нее, ей так подходит это красивое звездное имя. Правда ведь?

Стройная и высокая Вега Лазукович и в самом деле отличалась незаурядной красотой. Несколько, правда, холодноватой. Но умные серые глаза оживляли ее строгие и правильные черты.

— А теперь посмотри на моего любезного братца. — Густые ресницы Тани затрепетали от еле сдерживаемого смеха.

— Татьяна! — Орион сурово повысил голос и погрозил крепко сжатым могучим кулаком.

Я невольно улыбнулся. Орион грозно сдвигал брови, стараясь, чтобы кулак выглядел устрашающе. И все напрасно. Удивительная вещь: от увесистого кулака так и веяло неистощимым добродушием. Мои новые знакомые покатывались со смеху, глядя на отчаянные усилия Ориона придать своему жесту свирепость.

— Да, да! Взгляни на него. — Таня подняла вверх указательный палец и торжественно продекламировала: — О-ри-он! Услышав гремящие, фанфарные звуки имени, поневоле вообразишь стройного и гордого красавца. А посмотри на конкретного носителя звонкого имени. Какой кошмар! Какое нелепое несоответствие. Это же медведь, неповоротливый, косолапый медведь.

— Ну ладно, Таня, хватит, — взмолился Орион. — Давайте обсудим предложение Сергея. По-моему, толковое предложение. Согласны? Тогда тушите костер и собирайтесь.

Орион, сидевший по-турецки, вскочил на ноги с легкостью кошки. «Не такой уж медведь», — подумал я и направился вслед за ним убирать палатки. Помощи, однако, не потребовалось. Орион протянул руку к стержню, металлически сверкавшему над палаткой. И стержень погас, целиком уместившись в огромной руке. А палатка как будто растворилась. Заструившись, она исчез-

ла в стержне. То же самое Орион проделал с другой палаткой, а стержни сунул в карман.

Через десять минут я, стараясь меньше опираться на палку, вел всех к хижине. «Кто они? — ломал я голову. — Из какой эпохи? И как им объяснить, кто я и откуда?»

А тут еще Орион смущал. Он шагал рядом и поглядывал на меня с таким выражением, будто силился что-то вспомнить.

— Где-то тебя видел, — промолвил он. — Но где?

— Наверное, в учебнике литературы,— отшучивался я. — Говорят, что похож на Маяковского — поэта двадцатого века.

Лес наконец кончился, и мои спутники ступили на цветущий ковер поляны. От согретой солнцем росистой травы поднимался легкий пар, окутывая хижину колышущейся кисеей.

— А здесь красиво! — прозвенел Танин голос. — Вега, посмотри на хижину. Она будто плавает в тумане. И костер дымится. А котелок... Какой странный котелок.

Котелок и в самом деле должен был казаться необычным моим попутчикам. Обожженный на огне и закопченный, он сейчас мало походил на прозрачный гермошлем, который я вывернул из комбинезона. Но Орион так и уставился на котелок, то и дело переводя изумленный взгляд на отвороты комбинезона, где еще сохранились пазы.

Я опустился на колени, нагнулся и начал подкладывать в костер сухие ветки. Костер запылал, обхватывая гермошлем огненными космами. Вега и Таня готовили какую-то хитрую смесь из грибов и ухи.

— Когда будет готово, — сказала Таня, — все равно никому не дам завтракать. Уморю всех голодом, пока Сергей не покажет, на кого я похожа.

Я пригласил всех в свое обиталище. Наверное, хижина никогда не принимала столько гостей. Стало тесно, под ногами Ориона треснула доска.

— Осторожней, медведь, — дернула его за рукав Таня.— Это тебе не сверхпрочный звездолет.

Она сразу умолкла, взглянув на портрет Элоры. Остальные гости были удивлены не меньше.

— Таня! — воскликнула Вега. — Это же ты! Ну почти копия. Только вот волосы... У нее они совсем черные. А твои волосы словно вымыты в золотой воде. И загар у тебя золотистый. А она белая.

— Не так уж сильно похожа, — возразил Патрик. — Выражение лица другое.

— Совсем не похожа, — вставил Орион и притворно зевнул. — Никогда не поверю, что моя вертлявая сестра походит на эту спокойную мраморную красавицу.

Когда все вышли из хижины и уселись вокруг костра, Таня сказала:

— Мне она не очень понравилась. Слишком строгая, даже высокомерная.

— Ничего удивительного. Она аристократка.

— Аристократка? — оживилась Таня. — Из средневековья? Да тут, я вижу, целая романтическая история. Расскажи!..

— Она аристократка, но не из прошлого, а... — хотел сказать «из будущего», но осекся. Наступал решительный момент: надо рассказать о себе, о своих приключениях. Поверят ли?..

— Вспомнил! — воскликнул Орион и вскочил на ноги.— Но это же невозможно! Невероятно!

Потом подошел ко мне, нерешительно потоптался и сказал:

— Я, кажется, знаю, кто ты. Видел... Ты Сергей Волошин — астронавигатор старинного гравитонного звездолета «Орел».

— Плохо придумал, Орион, — сказал Патрик. — Все знают, что «Орел» вылетел к системе Альтаира в двадцать первом веке и не вернулся. Погиб, не долетев до цели.

— Орион у нас выдающийся мистификатор, — с улыбкой пояснила Таня. — Любит разыгрывать.

— Нет, Орион не выдумал, — проговорил я, стараясь быть спокойным. — Вот только где ты видел меня?

— В Музее Астронавтики. Там портреты всего экипажа... Но... если ты тот самый, где же корабль? И как сам очутился здесь?

— Сначала объясните, в каком я веке.

— Сейчас двадцать четвертый век, — прошептала Таня, глядя на меня расширенными глазами. — Две тысячи триста шестьдесят пятый год.

— Да мы с вами почти ровесники.— Я заставил себя усмехнуться.— Разница в триста лет — сущий пустяк по сравнению с тысячелетиями.

— Тысячелетиями? — пробормотал Орион. — При чем тут тысячелетия? Говори яснее.

Пока я рассказывал, со всех сторон, погрохатывая громами, наползали темно-синие тучи. Никто этого даже не заметил, забыли и о завтраке. Когда подул свежий ветер и защелкали по траве первые крупные капли, Вега зябко передернула плечами, взглянула на небо и сказала:

— Не перейти ли в хижину?

— Там тесно, — напомнил Патрик. — Но я выпрошу хорошую погоду.

Он взял у Ориона стержень, из которого раньше была развернута палатка. Стержень в его руках удлинился, острый конец Патрик воткнул в землю, а наверху появился тонкий обруч диаметром полметра. Пространство внутри круга затуманилось, замерцало и превратилось в серебристый экран.

Патрик нажал кнопку, и на экране возникла девушка с причудливой копной огненно-рыжих волос.

— Центральное управление погодой. Дежурная по сектору два-восемь, — четко доложила рыжеволосая девушка.

— Скажи нам, как тебя зовут, огненная богиня туч и громов?

— Ирина, — улыбнулась девушка. Нахмурив брови, добавила: — Это к делу не относится.

— Какая строгая. А мы по делу. Просим часа на два расчистить над нами небо.

— А еще туристы! Дождичка испугались. — Ирина насмешливо сощурила глаза. Затем снова нахмурилась и сухо отчеканила: — Частные просьбы выполняем в исключительных случаях.

— Орион, придется тебе, — развел руками Патрик. — Я бессилен.

— Орион у нас важная персона, — обратилась ко мне Таня. Полные губы ее дрогнули в усмешке. — Его слава гремит по всему мирозданию. Знаменитый астролетчик. Выдвигали даже в капитаны, но комиссия каждый раз браковала из-за мягкости характера. Вот он сейчас и тренируется в свирепости.

— Таня, не издевайся над братом, — улыбнулась Вега. — Может быть, он сумеет воспитать у себя командирскую требовательность.

Орион подошел к экрану. По приветливой улыбке можно было догадаться, что огненная девушка его узнала.

— У нас, Ирина, тот самый исключительный случай.

— Хорошо. Назовите квадрат.

Орион назвал цифры. Экран погас. Тяжелые редкие капли, казалось, вот-вот сольются в сплошной поток. Но вдруг тучи над нами заклубились, начали таять и раздвигаться в стороны. И вместо дождя на поляну полились теплые солнечные лучи.

Я глядел и не мог оторваться от этого зрелища. Лишь над нами голубел оазис чистого неба. Кругом же курчавились сизые тучи. Блистали ветвистые молнии, рокотал гром, чуть встряхивая землю. Из туч тянулись вниз седые бороды дождя.

— Правда, красиво? — услышал я рядом шепот Тани. — Ты, видимо, очень любишь природу.

— Ничего подобного не видел тысячи лет, — пошутил я. — Истосковался.

— Ты удивительный человек... — Она посмотрела на меня своими тревожно знакомыми глазами и почему-то смутилась. — Я имею в виду не только твою судьбу и скитания. А вообще...

— Татьяна! — послышался сзади окрик.

Мы обернулись и увидели подходившего Ориона.

— Отпусти Сергея, — сказал он. — Сейчас он мой. Мы немедленно отправимся с ним в Совет Астронавтики. Это же эпохальное событие!

— Сергей не твой, а наш, — перебила Таня брата. — Сначала он расскажет о себе. Потом позавтракаем. И вообще не командуй. Не получается у тебя.

Орион поворчал и унялся. Я почувствовал растущую симпатию к этому былинному богатырю. Мягкие линии его лица словно излучали неистребимое добродушие, которое он пытался скрыть. «Да, видимо, не получится из него командира корабля», — подумал я и с грустью вспомнил нашего капитана Федора Стриганова — человека железной воли, с твердыми, гранитными чертами лица.

Все снова расселись вокруг костра. Я коротко поведал о последних днях жизни в Электронной эпохе, о появлении Федора, о том, как я очутился в пыточном кресле Хабора.

— Вот, оказывается, почему прихрамываешь, — сказала Вега. — Покажи ногу. Я ведь как-никак врач.

Я оголил до колена правую ногу. Синяки и кровоподтеки произвели впечатление. Особенно на Таню. Она

смотрела на меня с таким страданием, как будто ей самой было больно.

— Вега, помоги ему.

— Сергею придется лететь со мной в кочующий аквагород, — ответила Вега. — Кстати, там исследуем его память. Орион со своим Советом Астронавтики подождет.

— Ладно, — неохотно согласился Орион.

Я выразил сожаление, что из-за меня расстраивается туристский поход, рассчитанный на много дней.

— А мы его повторим,— обрадовалась Таня.— С самого начала. И обязательно все вместе. А сейчас только позавтракаем.

Во время завтрака мне пришлось выслушать всевозможные предположения. Все сходились на том, что странствовал я не в будущих эпохах Земли, а в каком-то другом мире. В доказательство Орион привел пример, удививший меня. Оказывается, в системе Альтаира нет населенных планет. Вокруг голубой звезды вращаются не три, а пять планет — те самые безжизненные планеты, какие наблюдал Иван Бурсов до черной аннигиляции.

— Постойте! — воскликнул я. — Сейчас, когда узнал вас и вашу эпоху, верю, что Земля в будущем не может быть такой. Но... Но я ведь жил среди людей. Внешне таких же, как вы. Что же это?

— А вот что... — Орион немного подумал и воскликнул: — Дискретное развитие!

Торопливо и не очень ясно он начал излагать гипотезу дискретного исторического развития. По словам Ориона, получалось, что странствовал я в реальности... несуществующей.

Таня иронически захлопала в ладоши, затем, подняв палец, пояснила мне:

— Орион у нас не только мистификатор, но и выдающийся мистик.

— Тебе, Орион, надо излагать свои гипотезы в художественной форме, — сказала Вега. — Пиши фантастические романы. А сейчас слово Сергею. Что ты подумал, когда очутился в нашей эпохе?

— Подумал, что с высот будущего упал в семнадцатый или восемнадцатый век. А потом вот что произошло...

Мой рассказ о том, как я нашел остатки высоковольт-

5 Заказ 128

ной линии и шоссейной дороги, развеселил слушателей. Орион встрепенулся.

— Сергей ошеломил нас своими приключениями. Сейчас мы возьмем реванш!.. Вот слушай. Еще в твоем столетии леса и луга отступали под натиском гремящей техники. Кругом дымили заводы и фабрики, земля содрогалась от железнодорожного и автомобильного транспорта, а в воздухе с каждым годом нарастал реактивный гул. Человек и природа сжались и потеснились. Так вот, сейчас ничего этого нет. У нас произошло возрождение природы. Да, да! Настоящее возрождение... Обшарь, Сергей, всю планету и нигде не найдешь ни заводов, ни шахт, ни дорог. Одни только города и поселки, утопающие в зелени и шумящие фонтанами. Никаких колес. Люди ходят пешком, а в воздухе одни птицы... Как ты думаешь, в чем дело?

— Наверное, электростанции, заводы, транспорт и все прочее под землей, — предположил я. — Изгнание техносферы под землю.

— Не только под землю, но и в космическое пространство, — сказала Таня. — Основную энергию, например, отсасываем от расточительного Солнца. Вот и получилось: земля — людям, воздух — птицам. А люди летают и перемещаются в подпространстве.

— В гиперпространстве,— бросил Орион.— Невежда.

— В гиперпространстве, — с улыбкой поправилась Таня. — Пассажирский и грузовой гиперфлот.

— Сергею я все потом объясню. Нам пора, — заговорила Вега. — Патрик, вызови дежурную станцию вакуум-такси.

Шотландец, как я заметил, охотно слушался Вегу. Он подошел к экрану-обручу, с кем-то переговорил, назвал квадрат и еще какие-то цифры. Затем выдернул из земли стержень, который в его руках стал расти и достиг трех метров в длину. Экран-обруч растаял.

— Сейчас этот карманный кибер-универсал превратится в аварийную причальную мачту, — объяснил мне Патрик.

Он отошел на край поляны, воткнул мачту в землю и вернулся к угасающему костру.

Через минуту острая вершина мачты с сухим треском заискрилась, засверкала бенгальским огнем.

— Вот и такси, — с улыбкой кивнула Вега в сторону мачты.

Бенгальский огонь погасал. Медленно, как изображение на фотобумаге, «проявлялась» сигарообразная машина. Наконец она полностью выплыла из гиперпространства и уткнулась игольчато-острым носом в вершину мачты.

Когда прощались, Орион смущенно попросил:

— Сергей, на столе я видел твои записки... Можно ими воспользоваться? Все останется на месте. Только снимем копию для нескольких членов Совета Астронавтики. Можно? Ну и прекрасно! Больше в дневнике никто не будет рыться. Даже вот эта нахальная особа. — Орион с добродушной ухмылкой взглянул на Таню.

Пожимая руку, Таня посмотрела на меня долгим взглядом и сказала:

— Наш медведь не отличается вежливостью. Не догадался пригласить в гости. Приходи к нам. Мы живем на Урале, недалеко от твоей хижины. Вега расскажет, как нас найти. А мы с братом придем к тебе в кочующий аквагород.

КОЧУЮЩИЙ АКВАГОРОД

Мы с Вегой уселись в мягкие кресла двухместного вакуум-такси, или гиперлета, как его иначе называют. Прозрачная кабина заволакивалась туманом.

— Переменное поле дает возможность машине соскальзывать в гиперпространство и перемещаться там практически мгновенно, — пояснила Вега. — Гиперлет как бы проваливается из видимого пространства в вакуум и в тот же миг всплывает в любой заданной точке земного шара. А теперь смотри, как управлять машиной. Это очень просто. — Вега повернулась к пульту и четко произнесла: — Аквагород Риори... Вот и все. В каком бы месте Мирового океана ни плавал этот город, гиперлет найдет его и причалит к стационарной мачте. В морях и океанах несколько тысяч дрейфующих городов. В них почти четверть населения планеты.

— Но я не чувствую никакого полета...

— А мы уже на месте. — Вега не удержалась от смеха. — Вот смотри.

Стенки кабины подернулись светлеющим туманом и вскоре стали совсем прозрачными. Верх кабины, щелкнув, откинулся назад.

Переход был ошеломляющим. Только что над утренним лесом грохотала гроза и молнии обжигали края черных туч. А сейчас надо мной синела огромная чаша безоблачного вечернего неба. На западе багрово распухшее солнце коснулось края океана, прочерчивая на воде золотую дорожку. С высоты трехсотметровой причальной мачты я увидел город-сад, окруженный со всех сторон океаном.

Лифт опустил нас вниз. Мы шли по широкой аллее, по краям которой шелестели пальмы. Вскоре очутились на берегу. Волны плескались у самых стен двух санаторных зданий — белоснежных дворцов с парками на плоских крышах.

Меня поселили в комнате с верандой, нависающей прямо над водой. Ногу облучили, а затем наложили пухлую повязку, пропитанную целебным раствором.

Мы с Вегой долго стояли у перил парка, любуясь лунными бликами и прислушивались к дремотному гулу засыпающего океана. Освещенное луной лицо Веги казалось мраморно-холодным и строгим. Но я уже знал, что внешность обманчива, — знал удивительную доброту и душевность этой девушки. Вот и сейчас она чутко уловила мое настроение.

— Мне кажется, ты немного побаиваешься, — осторожно начала она. — Как-никак триста лет разделяют наши эпохи. Иная техника, иной быт... И ты боишься, что будешь выглядеть немножко дикарем?

— Да, — признался я.

— Вот этого и не надо опасаться. Мы такие же люди. А ко всему прочему — обычаям, технике — ты быстро привыкнешь. У тебя пластичная, мобильная психика. Вот только многие слова упорно произносишь не так. И вообще тебе необходимо основательно пополнить словарный запас. Я помогу тебе в этом.

Протянув на прощанье руку, Вега улыбнулась:

— Спокойной и целительной ночи.

Спать я лег на веранде, открытой с трех сторон океанским ветрам. Внизу с еле слышным стеклянным звоном плескались волны. «Рай», — усмехнулся я и еще раз подивился фантастичности своих скитаний. Неожиданно возникло ощущение эфемерности, шаткости, почти иллюзорности моего нынешнего положения. Ведь через три месяца вернется капсула. А я дал себе клятву бороться. Хотя еще не знаю как... Вспомнилось лицо Федо-

ра в те последние секунды. Взгляд, полный безмерной тоски, будто капитан смотрел из немыслимой дали, из мира, откуда еще никто не возвращался...

Я ворочался в постели, перед закрытыми глазами кружились смутные видения.

Вмонтированные в колоннаду веранды невидимые кибер-врачи и кибер-сестры почувствовали смятенное состояние и раскинули надо мной силовую излучающую сферу. Зазвучала тихая, убаюкивающая музыка. Я заснул.

Проснулся с бодрым чувством, с ощущением, что я так же свеж и могуч, как вот этот синий бескрайний океан, сверкающий под косыми лучами утреннего солнца.

Пришла Вега.

— Ну давай полюбуемся твоей ногой.

Она сняла повязку. На ноге — ни одного кровоподтека, ни одной ссадины.

— Вот так же легко можем убрать и шрам на щеке.

— Пусть остается, — усмехнулся я. — Это память о Вечной Гармонии. С ней еще не рассчитался...

— Надо сначала вспомнить эту нелюбезную Гармонию, — сказала Вега. — Для этого и пришла за тобой. Ты готов?

По переходному мосту мы направились в соседнее здание. Мост выглядел, по-моему, слишком театрально. По бокам рдели цветы величиной с блюдце. Журчали фонтаны.

Тенистый парк, раскинувшийся на крыше, был скромнее. В конце его, опираясь на перила, стоял высокий пожилой мужчина с загорелым лысым черепом и любовался океанской гладью.

— Мы к нему, — шепнула Вега.

— Доктор Руш, — коротко представился мужчина и, кивнув в сторону океана, добавил с усмешкой: — Застоялись молодцы... Пираты... Ждут не дождутся шторма.

На пологих волнах покачивались два парусных корабля, похожих на каравеллы Колумба. На мачтах, закрепляя снасти, висели загорелые ребята.

— Ну-с, молодой человек. — Доктор Руш взглянул на меня проницательным острым взглядом. — Загадка номер один? Так, кажется, именуют сейчас тебя. Очень рад, что загадка сразу попала ко мне. Идемте.

Втроем спустились вниз и вошли в просторный, залитый светом зал.

— Ну-с, загадка номер один. — Доктор Руш приглашающе взмахнул рукой: — Садись сюда.

Я чуть не попятился, увидев сложный агрегат, смахивающий на пыточное кресло Хабора. Сел. К вискам, к запястьям мягко присосались датчики. Антрацитово-черные острые глаза доктора останавливались то на мне, то на экране, занимавшем противоположную стену. Я видел на экране сменяющиеся расплывчатые фигуры, переливы красок, змеистые переплетающиеся нити — непонятную для меня картину моей психической жизни. Но для Веги и доктора Руша экран был книгой, которую они свободно читали.

— Психика в хорошем состоянии, — произнес доктор Руш. — Гибкая, отлично натренированная. Вот только иногда какие-то навязчивые мысли... Но это не болезнь, а результат несколько недисциплинированного богатого воображения. У тебя фантазия поэта-романтика... Ну и еще некоторая импульсивность.

— Говорите прямее. Раздражительность, вспышки необузданного гнева и такой же необузданной радости. Так ведь?

— Импульсивным и, так сказать, художественно впечатлительным ты был всегда, — уточнил доктор Руш. — А раздражительность временная, последствия какого-то длительного шока.

— Следы пребывания в Вечной Гармонии, — понимающе кивнула Вега.

— Теперь насчет памяти. Здесь труднее... — Доктор Руш помолчал, пожал плечами. — Блокада памяти... Тонкая, кружевная, прямо-таки ювелирная работа. Блокада локальная. Определенные ячейки памяти замкнуты. Информация в них не стерта, но основательно подавлена. Память постепенно восстановится. И здесь помогут только отдых и душевное равновесие.

— Ассоциативная память,— подсказала мне Вега.— Стоит вспомнить какую-нибудь яркую деталь или ряд деталей, слов, образов — и в запертых ячейках начнет всплывать информация... Но блокада может прорваться и мгновенно.

— Ну-с, загадка номер один, — улыбнулся доктор Руш. — Попробуем прочитать кое-что из твоих таинственных приключений. Эпизоды, которые удастся выхватить, запишем на микрокристалл. Это по просьбе Совета Астронавтики. Сейчас окутаю тебя «читающим обла-

ком» — клубком излучений. Постарайся думать о таинственном царстве Абсолюта. Может быть, удастся кое-что выхватить из недр...

Опустилась тьма, и я уже не слышал, что говорил дальше доктор. Напрягая память, я пытался штурмовать блокаду. Внезапно ощутил боль в левой скуле и удар. Такой сильный, что перед глазами поплыли радужные круги. Заметил даже очертания огромного кулака, влепившего затрещину — первый привет Вечной Гармонии... Пробовал высветить в памяти весь эпизод, но безрезультатно. В космически непроницаемой тьме роились неуловимые образы. Вероятно, это «читающее облако» последовательно перебирало заблокированные ячейки.

Так продолжалось довольно долго. И вот следующая картина — яркая, объемная. Целый кусок моей прошлой жизни. Правда, началось все не с видимого изображения, даже не со звуков, а с настроения. Захлестнула волна невыразимого горя и отчаяния. И только потом увидел себя, бредущим с членами экипажа по лунному космодрому. Мы несли тело погибшего капитана...

Странное ощущение: я был одновременно в кресле и там, в голове печальной процессии. Мои ноги утопали в пыли: космодромом никто не пользовался уже сотни лет. Кругом виднелись следы всесокрушающего времени: упавшие постройки, скелеты поникших зданий.

Мы похоронили капитана на краю космодрома. Поставили памятник с вечным огнем наверху... И вдруг картина оборвалась, погасла вместе с рубиновым вечным огнем. Снова тьма, густая и липкая, с колышащимися неясными образами.

Тьма рассеялась, и я увидел просторный светлый зал, Вегу и доктора Руша, глядевшего на экран.

— Небогато,— сказал он, обернувшись ко мне.— Небогато. Всего две картинки... Не поискать ли еще между этими двумя эпизодами. Попробуем...

И снова удар в скулу и круги в глазах... Немного погодя чудом перенесся из тьмы на солнечную, покрытую изумрудной травой поляну. В середине ее — небольшое овальное озерко с прохладной и чистой водой. Мы, члены экипажа, с наслаждением плескались в нем, ели бананы и ржали от удовольствия. Даже наш строгий капитан вел себя, как мальчишка.

Опять черный провал, густая клейкая тьма. Затем в клубящемся тумане начали медленно проступать какие-

то очертания. Внезапно почувствовал, что сижу не в мягком кресле, а на жестковатом сиденье у пульта управления вездехода. Рядом — члены экипажа. Перед нами расстилались унылые, наводящие тоску ландшафты. Плоские как стол. Какие? Трудно сказать, потому что наше внимание поглощено многотысячным, может быть даже многомиллионным, войском. Солдаты изумительно правильными рядами двигались прямо на нас, четко печатая шаг. Чем ближе, тем явственней вздрагивала земля: туммм... туммм...

— Капитан! — услышал я голос Ивана Бурсова. — Капитан! Что они? Взбесились?..

— Не знаю... Попытка вступить в контакт? Не похоже.

Капитан, наморщив лоб, размышлял.

— Не бойтесь, — произнес он наконец. — Мне кажется, они решили просто попугать.

— Попугать? — Иван пытался улыбнуться. — Феноменально...

А солдаты все ближе и ближе. Они шли, встряхивая землю чугунным топотом: туммм... туммм... На плечах — ружья с расплюснутыми на концах стволами. По неведомо кем поданной команде солдаты взяли оружие наперевес.

— Капитан! — Иван был не на шутку встревожен. — Капитан! Это же психическая атака! Они же сотрут нас сапогами... Разрушитель! Я пущу в ход биологический разрушитель. Превращу их в атомную пыль!

— Никаких эксцессов! — прикрикнул Федор Стриганов. — Слышите? Никаких эксцессов! Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. Их не уничтожить никаким разрушителем. Они бессмертны, потому что давно мертвы...

— Капитан! — перебил планетолог. — Сейчас не до шуток.

— Я не шучу. Уверен: они не причинят нам вреда. Это не входит в их задачу. Пока не входит... Может быть, все же контакты? Нет, не то... Не сметь включать разрушитель! — Стриганов, сдвинув брови, предостерегающе поднял руку.

А солдаты — вот они, в двух десятках шагов. Мы видели их бессмысленные физиономии, покрытые капельками пота. Солдаты разевали рты, задыхаясь от жары. И вдруг все они пропали, будто провалились. Исчезнове-

ние было полным и ошеломляющим. Еще не осела пыль, поднятая сапогами, а их уже не было.

Капитан с облегчением опустил руку.

— Так и есть! Это просто парад. Парад мертвецов... Не спрашивайте, братцы. Сам толком не знаю. Одно ясно: с планетой случилось что-то страшное.

На этом все оборвалось. Густая, как нефть, тьма прочно завесила память. Но вот тьма рассеялась, и я увидел светлый зал, Вегу и доктора Руша.

— ...Ну и ну! — развел руками доктор. — Вот уж действительно загадка.

— Сережа,— утешающе ласково сказала Вега.— Ты не расстраивайся. Я убеждена, что это не наша планета.

— А может... это был просто бред? — со смутной надеждой спросил я доктора Руша.

— Нет, не бред! — строго возразил он. — Не бред. Ячейки памяти объективны, как фотоаппарат. Они сфотографировали реальную картину... Но расстраиваться и в самом деле не стоит, — добавил он, положив руку на мое плечо. — Ученые разберутся. А ты пока отдыхай.

Мне ничего не оставалось делать, как последовать этому совету.

Наш дрейфующий город медленно двигался на север. Днем далеко на западе проплыл встречный аквагород. Мелькнул сверкающими шпилями, тонкими иглами причальных мачт и утонул за горизонтом. Мы находились на широте Гавайских островов. Было очень жарко. Я купался, ныряя прямо с веранды, загорал. Много читал, пополняя знания и словарный запас.

Вечером услышал в комнате сигнал вызова. На засветившемся экране возник Орион Кудрин. Он лениво сидел в кресле, закинув ногу на ногу.

— А, космический бродяга! — Орион вместо приветствия чуть привстал и снова сел. — Звездный странник! Так именуют тебя телекомментаторы. С легкой руки Тани. Кстати, ты произвел на мою сестру сильнейшее впечатление. О тебе только и трезвонит...

Заметив мое смущение, Орион сказал:

— Извини, Сергей, за болтовню. Я по делу. Можно ввалиться к тебе в гости?

— Что за вопрос. Конечно, можно.

Я сел, предполагая, что Орион через несколько минут на гиперлете появится в городе. Но случилось неожиданное. Орион прямо с экрана буквально ввалился

в комнату и вместе с заскрипевшим креслом придвинулся ко мне почти вплотную. Я вскочил на ноги. Что это? Розыгрыш?

Орион тоже встал и с ухмылкой сунул мне свою широкую, как лопата, ладонь.

— Давай поздороваемся, что ли?

В растерянности я протянул руку и пожал... пустоту. Орион расхохотался.

— Слушай, ты, мистификатор! — воскликнул я. — За такие шутки...

— А давай влепи. — Орион охотно подставил ухмыляющуюся физиономию. Рассмеялся. — Уж и пошутить нельзя?.. Давай лучше сядем, поговорим. Ты видишь не реального Ориона. Это новый экран.

— Телевоссоздание?

— Правильно. Последняя новинка техники... Но давай к делу.

Орион сел и закинул ногу на ногу.

— Посмотрели мы картинки, расшифрованные доктором Рушем. Да-а... Ошеломляющие картинки. Да и записки твои тоже... Отрезвляют! Еще бы — царство символов. В общем, твое сказочное появление поразило всех. Озадачен даже невозмутимый академик Фирсанов — председатель Солнечного Совета. Спрашиваешь, что такое Солнечный Совет? Главный координирующий центр, что-то вроде правительства всех населенных планет Солнечной системы — Земли, Луны, Венеры, Марса, спутников Юпитера. Но дело не в Фирсанове. С тобой хочет встретиться сам Спотыкаев.

— Спотыкаев?

— Да. Академик Спотыкаев. Своеобразная личность. Новичку нелегко привыкнуть к нему. Но я буду с тобой, поддержу. Спотыкаев — милый, обходительный, корректный человек. Но это в обычном, как он выражается, суетном настроении. Мой мозг, говорит он, отдыхает, погруженный в житейскую суету. Зато в ином, рабочем настроении, так сказать, в научно-эвристическом... Вот тогда он настоящий Спотыкаев. Рассеян, невнимателен к собеседнику. Может ответить колкостью и даже грубостью. По рассеянности наступит на ногу и не извинится, способен споткнуться на ровном месте. Ничего не видит, кроме своих мыслей... Но в этом своем эвристическом настроении он нередко натыкается на удивительные открытия и догадки, переворачивающие обычные представления.

В общем, сам увидишь. Через пару дней заявимся к тебе.

— Надеюсь, не так, как сейчас.

— Нет, нет. В натуральном виде. А теперь, извини, тороплюсь. До свидания.

Орион привстал и с невозмутимым видом протянул руку для прощания. Но я погрозил пальцем. Орион хохотнул и вместе с креслом втянулся в экран, который тотчас погас.

Нет ничего томительнее безделья. Не привык я к отдыху, который прописал мне доктор Руш. Вся жизнь моя была полна тренировками и работой, тревогами и опасностями. А сейчас... Весь следующий день купался и загорал. Вечером гулял в парке на крыше санаторного здания. Подошел к малахитово-зеленым перилам, хотел встретить здесь закат, но услышал сзади голос Веги:

— У нас, Сережа, гости.

Обернулся и рядом с Вегой увидел Таню.

— Ну, здравствуй, скиталец! — подала она мне руку с какой-то несмелой улыбкой.

— Орион выражается точнее: бродяга, — шутил я. — Да, космический бродяга. Ничего не имею за душой. Даже воспоминаний. Нечем порадовать ученых.

— Воспоминания кое-какие имеются, — поспешила утешить Вега. — Остальные придут позже. А сейчас, извините, оставлю вас. Есть работа. Кстати, Таня покажет тебе город.

— С удовольствием, — обрадовалась Таня. — Люблю быть экскурсоводом. Особенно для странников, прибывших из прошлых столетий и будущих тысячелетий.

— Не верю я в эти тысячелетия. Все больше склоняюсь к мысли, что это был какой-то чужой мир.

Мы с Таней долго ходили по паркам и площадям, по удивительно нешумным улицам города. Шелест движущихся дорожек сливался с шорохом листвы, а редкие гравимашины, похожие на лодки, скользили над деревьями совершенно беззвучно.

Я не нашел ни одного здания, которое было бы похоже на какое-то другое. Словно люди, они отличались своеобразием, неповторимой индивидуальностью. В каждом дворце, даже в каждой арке и набережной запечатлелась личность творца, художника-архитектора. Большинство городских сооружений были красивого изумрудного цвета.

— Это потому, что город почти целиком сделан из затвердевшей морской воды, — объяснила Таня. — А ты не знал? Как-нибудь я покажу тебе наших архитекторов за работой. Это очень интересно. За своими башенными пультами они лепят из воды, как из глины.

— Лепят? — удивился я.

— Именно лепят! Под воздействием особых силовых полей вода становится густой и вязкой. Видел бы ты, как это красиво, когда океан вдруг вспучивается огромным зеленовато-синим водяным айсбергом! Пальцы архитектора скользят по клавишам пульта, и бесформенная пластичная гора прямо на глазах превращается в здание. У подножия айсберга возникают ступени, над ними вытягиваются колонны... С помощью силовых полей архитектор поворачивает свое детище, как чашу на древнем гончарном круге. А вокруг бурлит вода... Зрелище такое, что не оторвешься! Наверно, так когда-то представляли себе люди акты божественного творения... Ну а в конце наносится квантовый удар, мягкое здание кристаллизуется и становится прочнее гранита.

— И дом готов?

— Ну что ты, нет, конечно... Предстоит еще отделка интерьеров, монтаж обслуживающей аппаратуры, озеленение крыш. Но главное — ваяет архитектор. Вот так возникают города из воды, дрейфующие аквагорода. Города-сады, города-симфонии. Архитектура — застывшая музыка.

Пока мы шли берегом, бронзовое солнце легло на водный горизонт и пологие волны лизали его огненный диск. Вечер... Тихий, задумчивый. Мне же рисовалась почему-то иная картина: росистое утро, луг с шалфейными ароматами и жаворонок, повисший в небе серебряным колокольчиком. Почему? Быть может, потому, что рядом видел утренне радостную Таню, слышал ее чистый звонкий голос. «Жаворонок»,— с нежностью подумал я. Вспомнилась Элора с ее низким грудным голосом. До чего они разные! Трагически одинокая Элора с душой загадочной и сложной, как лабиринт. И Таня — ясная, светлая, как солнечный луч. Совсем разные, несмотря на довольно заметное внешнее сходство, которое меня уже больше не смущало.

Вот только глаза... Прощаясь у станции гиперлетов, Таня смотрела на меня пугающе знакомыми, ждущими глазами. Потом, ложась спать на веранде, я никак не мог

забыть этого волнующе долгого взгляда. Может быть, она и в самом деле неравнодушна ко мне, как утверждал Орион? А я?.. Не влюбился ли я сам? Это я-то, которого члены экипажа называли схимником, равнодушным к женской красоте... Долго еще ворочался, вспоминал солнечную улыбку Тани, ее чистый голос и звонкий смех. Жаворонок...

Академик Спотыкаев оказался не таким уж страшилищем, как его расписывал Орион. Правда, встретившись со мной на веранде, он без всякого приветствия ткнул пальцем и равнодушно, погруженный в свои думы, спросил:

— Этот, что ли?

— Да,— ответил Орион и подмигнул мне: дескать, не робей.

Я и не робел. Чем-то располагал к себе этот высокий, средних лет человек с гладко зачесанными волосами. Он бегло окинул взглядом мою подтянутую широкоплечую фигуру, загорелые мускулистые руки и одобрительно проговорил:

— Ничего экземпляр. Подходящ... Значит, говоришь, в Электронной Гармонии сочли первобытным типом? С первобытным мышлением? Так, так...

Словно спохватившись, он взял мою руку, крепко пожал и сказал извиняющимся голосом:

— Спотыкаев. Цефей Спотыкаев. Очень рад. Есть ряд вопросов. Присядем?

Но тут же снова погрузился в себя, стал рассеянным и сел чуть не мимо кресла.

Задавал он вопросы как-то странно. Как мне казалось, без всякой логики, непоследовательно. Досконально выяснял незначительные детали Электронной эпохи, потом нетерпеливо, почти раздражаясь, перебивал, интересовался капсулой, об устройстве которой я и сам не имел никакого представления. Я никак не мог приноровиться к течению его мыслей, к причудливому бегу ассоциаций и чувствовал себя порой просто бестолковым.

Неожиданно Спотыкаев вскочил, как будто вспомнив что-то важное. Молча сунул мне руку на прощанье и, постояв минуту в глубокой задумчивости, отправился к станции гиперлетов.

— Видел?— спросил Орион, собираясь идти вслед за академиком.— Это ты виноват, задал ему задачку... Да, редко увидишь Спотыкаева таким рассеянным, как

сегодня. Ничего. Завтра-послезавтра он окунется в море житейской суеты и станет как все. И ты его по-настоящему узнаешь. Милейший человек!

ПАРАДОКС СТРАННИКА

Цефей Спотыкаев и в самом деле оказался милейшим человеком. Я убедился в этом через несколько дней, когда доктор Руш и Вега освободили меня от своей опеки.

Академик и я стояли в то утро на гравибалконе, парящем на полукилометровой высоте. Поднебесная тишина. Не слышно даже гомона птиц. Лишь ветер насвистывал в ушах разгульную песню просторов и странствий. Под нами, среди русских лесов, голубели полусферы Дворца Астронавтики. Далеко впереди, на самом горизонте, возвышались причудливые пирамидальные здания — гигантские дома-сады. Своими вершинами они почти касались кучевых облаков.

— В каждом таком домике живет до тридцати тысяч человек,— охотно рассказывал Спотыкаев.— Они кольцом опоясывают исторический центр Москвы. Он остался таким же, как и в твоем столетии.

Академик повернулся ко мне. На лице — дружелюбная улыбка. Стройный, подтянутый и корректный, он нисколько не походил на прежнего Спотыкаева.

— А теперь, Сергей, спустимся вниз. Нас ждут в Малом зале.

Гравибалкон снизился до уровня десятого этажа, подплыл к раскрытой двери, состыковался со стеной дворца и стал обычным балконом.

В Малом зале на предварительное обсуждение «парадокса странника» собралась группа ученых во главе с председателем Солнечного Совета академиком Фирсановым.

Сначала выступали социологи. По их мнению, так называемая Электронная Гармония отдаленно напоминает сплав тоталитарных режимов Западной Европы, Азии и Америки, существовавших в середине и конце двадцатого века. Но очень своеобразный сплав, возникший в условиях высокого технического потенциала. А дальше случилось то, что и должно было случиться: функции тоталитарного государства были переданы электронному

супергороду — автомату, который вышел из-под власти людей и стал независимой, саморазвивающейся субстанцией. Именно в этом надо искать разгадку последовавшей затем Вечной Гармонии.

Все выступавшие утверждали, что скиталец, то есть я, побывал не на Земле будущего, а на совсем другой планете.

— Но где? На какой?— вырвалось у меня.

— На это ответить потруднее,— сказал Спотыкаев, положив руку на мое плечо.

Он встал и обратился ко всем:

— Да, это главный вопрос. Ответить на него мы сейчас не в состоянии. Разгадку можно искать отчасти в капсуле, в которой Сергей Волошин совершил рейды во времени. И, думаю, не только во времени... Хотя никто из нас не видел этой загадочной капсулы, можно сказать, что принцип ее работы нам известен. По этому принципу мы строим гиперлеты и скоро создадим первый гиперзвездолет. Как вам известно, тахионы — частицы, во всем сходные с фотонами, за исключением отрицательного энергетического заряда и мнимой массы покоя. Частицы были предсказаны еще в двадцатом столетии, но только в прошлом веке получены в лаборатории. Тахионы могли бы существовать в нашем пространстве-времени, если бы обладали скоростью, значительно превышающей световую, то есть скорость фотонов. Но такие скорости в нашем мире невозможны. Вот почему лабораторно полученные тахионы на глазах исследователей мгновенно исчезали. Я утверждаю, что они уходили в свою стихию — в другое пространственно-временное измерение. Вот эти-то частицы, очевидно, и использует Абсолют в своей капсуле... Упрощенно говоря, тахионы — это фотоны противоположного нам пространственно-временного континуума, континуума со знаком минус.

В последних рядах, среди физиков, послышался шепот. Спотыкаев поднял руку и с улыбкой сказал:

— Знаю, что некоторые ученые к идее минус-континуума относятся с недоверием. Но время покажет мою правоту. Уверен: в самом недалеком будущем удастся доказать, что вакуум, эта не наблюдаемая нами область мироздания, обладает удивительными свойствами. Видимо, здесь нет ни пространства, ни времени в привычном понимании этих слов. По моим расчетам, в приграничных областях время может идти в разных направ-

лениях и с разной скоростью. Если капсула запрограммирована на полет в прошлое, то она попадает в ту область нуль-континуума, где время течет вспять, от будущего к прошлому,— образно говоря, подхватывается встречной рекой времени. Наши гиперлеты тоже просачиваются в гиперпространство. Но они способны мгновенно перемещаться только в пространстве и никак не реагируют на потоки времени. А в Вечной Гармонии создано нечто принципиально новое. Гиперлет так же отличается от загадочной капсулы, как телега наших предков от ионной ракеты.

— Не слишком ли сильное сравнение?— спросил кто-то.

— Может быть,— согласился Спотыкаев.— Но этим сравнением хочу подчеркнуть, что к созданию чистого тахионно-фотонного поля мы пока не знаем как подступиться. Если бы мы могли увидеть капсулу в действии, нам многое бы стало ясно. Но это невозможно.

И тут будто какая-то пружина рывком сорвала меня с места.

— Вы увидите ее в действии!.. И довольно скоро. Пройдет сто дней с моего прибытия — и капсула вернется... Да, она настроена на мое биополе и не дастся в другие руки. Но если заранее подготовить и разместить аппаратуру, можно будет зафиксировать мой отлет во всех деталях.

Поднялся шум.

— Опомнись, Сергей! — воскликнул Спотыкаев. — Неужели ты всерьез допускаешь мысль...

— Это не мысль, а твердое решение! — запальчиво перебил я.

Мы стояли друг против друга под взглядами снова притихшего зала. И тут раздался голос председателя Солнечного Совета академика Фирсанова:

— Прости, Сергей, но решения, от которых слишком многое зависит, не могут приниматься одним человеком. Мы будем принимать их все вместе, тщательно взвесив все «за» и «против»... А для начала я хочу задать тебе два вопроса. Допускаешь ли ты, что Абсолют решил использовать тебя в качестве лазутчика?

— Не сомневаюсь в этом! Не знаю, какие толщи времени и пространства отделяют Вечную Гармонию от нашей сегодняшней Земли, но, видимо, Абсолют сумел нащупать какую-то щель в этих толщах и замышляет

агрессию. А для этого ему прежде всего нужна информация о нас...

— Ясно,— удовлетворенно кивнул головой академик Фирсанов.— Теперь вопрос номер два: допускаешь ли ты, что Абсолют сумеет извлечь из тебя нужную информацию, как бы ты ни сопротивлялся этому?

— Да уж наверно в Вечной Гармонии умеют «вычитывать мозг» не хуже доктора Руша. И церемониться со мной, понятно, не будут...

— И отдавая себе во всем этом отчет, ты тем не менее намереваешься вернуться в лапы Хабора и тех, кому он служит? Чтобы погубить себя и облегчить врагу нападение на нас?

— Считайте, что нападение уже совершено! Там, где высадился один лазутчик, завтра может так же скрытно высадиться целый десант. Вот такие же солдаты-автоматы, воспоминание о которых сумел пробудить доктор Руш... А что может противопоставить этому Земля? У нас нет ни капсул, ни методов их обнаружения...— Я обвел взглядом зал.— Вы, сидящие здесь, многократно превосходите меня и по знаниям, и по опыту. Я искренне уважаю вас всех, я благодарен за все, что вы для меня сделали, но... мне непонятно, как вы можете так недооценивать опасность.

— Почему же ты думаешь, что мы ее недооцениваем?— возразил председатель Солнечного Совета.— Многие наши институты заняты сейчас поисками средств противодействия возможным рейдам врага. Да, капсулы у нас пока нет... Но мы не можем форсировать ее создание ценой твоей гибели. Тем более — нет никакой уверенности, что наблюдение за отлетом даст нам всю необходимую информацию. Но даже если бы уверенность была... Пойми, Сергей, мы не можем принять такой жертвы.

«Не убедить...— понял я.— Нужны веские доводы, расчеты, а где мне их взять? Вот если бы поддержал кто-нибудь из них...» Но все молчали. Спотыкаев так и продолжал стоять рядом со мной, сосредоточенно глядя в пол.

— Поставьте себя на мое место...— Я крепко, до боли сцепил пальцы.— Все мои товарищи погибли. Капитану оставили какую-то призрачную полужизнь и погасили за то, что посмел предупредить... Поймите, если б я даже очень захотел, все равно не смог бы жить здесь, среди

6 Заказ 128

вас, спокойной счастливой жизнью. Потому что не могу простить убийцам... Я дал себе слово отомстить. Но один бессилен... Единственное, что могу,— помочь вам разгадать секрет этой проклятой капсулы. Неужели лишите меня этой возможности?..

Больше мне нечего было сказать. С замиранием сердца ждал, что ответят.

Академик Спотыкаев поднял голову.

— Волошин прав,— произнес он в напряженной тишине.— Мы не можем, не имеем права упустить этот шанс. Но позволить Сергею принести себя в жертву тоже не имеем права. Выход? Зафиксировав отлет Волошина, мы должны бросить весь научный потенциал планеты на создание капсулы в самые сжатые сроки. Пусть даже она будет на первых порах не такой совершенной, как у Абсолюта... Главное — создать ее как можно скорее, испытать и послать Сергею на выручку. Риск велик, но я верю: мы справимся...

В зале снова стало шумно.

— Авантюра!..— громко проговорил кто-то.

Академик Фирсанов повернулся ко мне.

— Ты пока свободен, Сергей. Обсуждение продолжим, как говорили в старину, за закрытыми дверями.

...Результаты обсуждения стали известны поздно вечером. Предложение Спотыкаева было принято с некоторыми поправками большинством голосов.

Я снова поселился в хижине. В мое отсутствие Орион и Патрик кое-что переделали. Вместо старого колченогого стола у окна белел новый. Но не современный пластиковый, а дощатый, сколоченный с нарочитой грубоватостью, чтобы не нарушать гармонию старины. Рукопись на прежнем месте. В темном углу справа тускло поблескивал небольшой экран всепланетной связи. Теперь могу включить любой концертный зал или стадион, вызвать любого человека.

На чисто прибранных полках лежали пакеты с консервированными продуктами. «Наверняка Таня похозяйничала»,— подумал я, стараясь подавить вспыхнувшее теплое чувство. Нет, романтические увлечения не для меня. Я просто не имею права добиваться любви этой девушки. Сейчас уже конец августа, скоро появится капсула. Я снова улечу туда, в мир Элоры, Актиния и Хабора, и неизвестно, смогу ли вернуться... Чтобы реже

встречаться с Таней, я ссылался на совет доктора Руша: отдых и уединение. На весь день уходил из хижины. Брал с собой этюдник, краски, кисти и долго бродил в поисках подходящего уголка.

Надо отдать должное академику Спотыкаеву и его помощникам: следящая, фиксирующая, анализирующая аппаратура, молчаливо окружившая со всех сторон мою избушку, была так хорошо замаскирована, что, даже долго вглядываясь, трудно было что-нибудь заметить. К тому же я знал, что основное наблюдение за отлетающей капсулой будет вестись в гиперпространстве.

Я забывал обо всем, растворяясь в окружающем мире. Под ногами колыхались утренние, стеклянные от росы травы, вверху лениво плыли облака. Обрызганные солнечными бликами, тонко и чуть заунывно пели сосны, будто струны звенели в их рыжих стволах. Наконец нашел то, что искал. Начал рисовать пейзаж в манере Куинджи: негустую рощу, напоенную светом. Вроде ничего особенного: обычная, очень русская березовая роща. Но эта простота волнует меня куда больше, чем яркие краски кочующих в океане аквагородов, с их водопадами цветов и лазурью волн.

В полдень я оставлял этюдник на месте и шел обедать в ближайший небольшой город. В мое время его называли бы городом металлургов. Гигантский металлургический комплекс растянулся на километры в глубоких и безлюдных подземных лабиринтах. На поверхности земли только пульты управления.

После обеда возвращался к этюднику, а к концу дня был уже в хижине. Включал экран. Передавали последние приготовления к старту гиперкрейсера «Лебедь». Скоро он отправится в первый экспериментальный гиперперелет к созвездию Лебедя. В вакууме он почти мгновенно преодолеет расстояние во много световых лет и вернется на Землю через месяц без всяких релятивистских фокусов со временем.

Затем смотрел фильмы. Сначала они меня удивляли: при общем оптимистическом тоне в них было немало драматизма и трагических ситуаций. Нет, я попал не в Аркадию, не в страну блаженных улыбок и песнопений. Люди здесь понимали счастье как вечную неудовлетворенность и вечное движение вперед, полное радости и горя, побед и поражений. В обывательском смысле покинутая мной Электронная Гармония была чуть ли не

идеалом «благополучия». Но это довольство нерассуждающего стада, электронная Нирвана...

А последовавшая за ней Вечная Гармония? Несмотря на отдых, я так ничего о ней и не вспомнил. Ни капельки. Заблокированная память спала.

Безделье мне изрядно надоело, и я упросил Ориона помочь мне разобраться в теоретических основах гипернавигации. Он согласился «давать мне уроки» раз в неделю.

В тот день мы занимались в его домашнем кабинете. Жил Орион на окраине большого уральского города, который на много километров тянулся вдоль берега Камы.

— Деревенская глушь.— Орион с улыбкой кивнул в сторону раскрытого окна, откуда лились запахи сухой солнечной осени.

Перед одноэтажным пригородным домом зеленела поляна, пересекавшаяся тропинками. Одна из них вела к излучине Камы, где высилась причальная мачта, немного напоминавшая очертаниями старинную Эйфелеву башню. Когда солнце клонилось к закату, оттуда пришла жена Ориона — маленькая, изящная и хрупкая Инга, полная противоположность своему мужу.

— Хватит работать,— решительно заявила Инга.— Будем чай пить. Гости идут.

Секундой позже вошла Таня. Будто золотистый луч коснулся меня. В комнате словно стало еще светлее от ее открытой улыбки, сияющих глаз и даже от прически, напоминающей солнечную корону.

Увидев меня, она улыбнулась широко и открыто, протянула руку.

— Ну здравствуй, скиталец. Странник-отшельник...

— Странник, но не отшельник,— возразил Орион.— Сергей перестал запираться в свою сказочную избушку, как улитка в раковину... А Татьяна не знала,— повернулся он ко мне.— Надоела мне: «Где он? Что с ним?»

Стали пить чай. Болтали о разных пустяках. По молчаливой договоренности никто не заговаривал о том, что мне вскоре предстояло.

Орион посмотрел в окно и вдруг нахмурился. Мы увидели на поляне Настю, пятилетнюю дочь Кудриных. Она шла по пояс в траве. В левой руке девочка держала букет из кульбабы, ромашек и еще каких-то цветов. Я уже знал слабость Ориона: он буквально вздрагивал, как от боли, когда на его глазах рвали цветы.

— Варварство,— шептал Орион, стараясь отвести взгляд от окна.— Какое варварство...

Настя замерла перед крупным цветком. В его чашечку вползла пчела, и цветок закачался и зажужжал изнутри. Настя приложила ухо и с блаженной улыбкой прислушивалась к струнному гудению. Но вот пчела улетела. Настя печально вздохнула и... сорвала цветок.

— Анастасия!— не выдержал Орион и погрозил кулаком.

Девочка вздрогнула. Но взглянув еще раз на увесистый кулак, так и излучающий добродушие, смешливо прыснула в букет и пропищала:

— Папа, больше не буду.

Таня смеялась. Орион с досадой смотрел на свой кулак, видимо недоумевая, почему он производит такое комическое впечатление. Потом махнул рукой.

— Не понимаю, почему женщины так люто ненавидят цветы. Увидят — и сразу же рвать...

Таня начала рассказывать о диковинных цветах, выращенных ею в Австралии. Она только что вернулась оттуда. А мне было так хорошо, что не хотелось даже говорить. Никогда я еще не чувствовал себя так раскованно, так спокойно и уютно, как в этом семейном кругу — рядом с Ингой, Таней и неизлечимо добродушным Орионом.

Когда солнце, прочертив малиновую дорожку на речной глади, скрылось за зубчатой стеной леса, я пошел провожать Таню. Она жила рядом, вместе с матерью и отцом, в таком же простом доме, как и Орион. Мы с ней долго бродили по поляне, по сухо шуршащей осенней траве. Молчали. Потом Таня стала рассказывать о наших общих знакомых.

— Ты знаешь, Спотыкаев — убежденный холостяк. Вернее, был им. Недавно женился. И на ком? На Андре Таун — первой красавице Солнечной системы.

— Андромеда Таун?— удивился я.— Видел на экране. Прекрасная артистка.

— Да. И вот Спотыкаев покорил ее. Ученый с мировым именем, обаятельный, душевный, находчивый и остроумный. Андра еще не знала, каким он бывает в своем рабочем настроении. И вот однажды на пляже Спотыкаев сидел и увлеченно рисовал на песке какие-то формулы. Как Архимед. Подошла Андра и заговорила с ним. Спотыкаев сердито вскинул голову. Он был настоль-

ко погружен в свои математические видения, что не узнал ее. Угрюмо посмотрел на Андру и... обозвал нахалкой. Представляешь? Хорошо еще, что Андра оказалась девушкой неглупой, не обиделась и все поняла...

Разговор зашел об искусстве. Таня призналась, что и сама пишет музыку. Только пока скрывает это от Ориона, боясь его насмешек.

Незаметно подкралась, развернув свои черные крылья, ранняя осенняя ночь. Стало прохладно. В небе задрожали звезды. Лицо Тани в голубом небесном сиянии было бледнее обычного и снова напомнило мне чем-то беломраморный профиль девушки из иного мира, Элоры. Но насколько эта, земная, была теплее, ближе, родней...

Стали прощаться. И я вдруг остро ощутил, что расстаюсь с Таней, быть может, навсегда...

— Таня,— зашептал я.— Слышишь?.. Хочу что-то сказать.

Она подняла ресницы и смотрела мягкими, отдающимися моей воле глазами. И этот взгляд решил все.

— Таня, я люблю тебя. Слышишь? Очень люблю.

— И я, — радостно выдохнула она и уткнулась головой в мою грудь.

«Не имеешь права»,— хлестнул в мозгу будто чей-то чужой голос. Мягко отстранив девушку, я повернулся и побежал к станции. Скользящий поезд в считанные минуты перенес меня на другую станцию — «Лесная». От нее до хижины — семь километров.

Лесная темень... Я бежал, изредка останавливаясь, чтобы перевести дух. Вдыхал прелые запахи осени, ловил руками падающие листья. Прекраснейший мир! Неужели больше его не увижу... Пройдет еще день — и я, точно в холодную воду, нырну в таинственную реку времени. которая вынесет меня на другой берег, в иной мир.

Но я вернусь. Может быть, вернусь...

СНОВА ХАБОР

Капсула опустила меня — удивительное постоянство!— в той же самой роще, на том же месте.

Роща почти исчезла. Вокруг жалкой кучки деревьев высились недостроенные корпуса: город-автомат наползал со всех сторон.

В свое время я неплохо освоился с лабиринтами супергорода. И теперь, умело переходя с одной движущейся параболы на другую, довольно быстро добрался до дома, где жил раньше. На лифте взлетел на верхний этаж. Подошел к двери соседки, с нетерпением нажал клавишу.

Открылась дверь, и выглянувшая было Хэлли быстро отступила назад. Ее глаза, окруженные веером морщинок, расширились от страха.

— О небеса!

— Где Элора? — спросил я, входя и кивнув головой в знак приветствия.

— Элора?— растерянно переспросила хозяйка.— О небеса! Хранитель Гриони?! Вы ли это? Говорят, вы так неожиданно пропали...

— А Элора, где она?

— Элора?.. Бедная девочка.— По глубоким морщинам ручейками потекли слезы.— Нет ее больше. Не увидим мы ее никогда. Она... Она сама... Она перешла в храм бессмертия.

— Сама?.. Покончила с собой?— холодея, спросил я.— Что за храм такой? Мавзолей? Пантеон?

— Не знаю... О небеса! Я ничего не понимаю.

Старая женщина путанно заговорила о храмах, которые были новинкой и попасть в которые считалось большим почетом. «Нет,— решил я,— сегодня от нее ничего путного не узнать». Но все-таки задал еще один вопрос:

— А Актиний, он спрашивал обо мне?

— Актиния нет в живых...

— Что, тоже храм бессмертия?

— Нет... самоубийство.— Хэлли понизила голос до полушепота.— Говорят, он оставил очень странную записку...

— Какую?

— «Чем хуже, тем хуже».

Я промолчал. Мне-то был ясен смысл записки. Актиний отчаялся в своих усилиях одиночки, понял, что общество неудержимо катится в пропасть.

Я попрощался, обещав зайти завтра. Спустился в подземные лабиринты и в темном закоулке завалился спать. Конечно, я понимал, что Хабор уже знает о моем появлении в городе. Но где-то в глубине жила смутная надежда, что, если буду скрываться, неизбежную встречу,

может быть, удастся хоть немного оттянуть. Оттягивать финал — это была теперь моя главная задача...

Не знаю, сколько проспал. Из полумрака подземных коридоров поднялся наверх. Одуряющий городской свет, ударивший в глаза, создавал впечатление вечной ночи, опустившейся на планету.

Над одной из площадей сквозь паутину парабол еще проглядывало солнце. Значит, все-таки день! Здесь маршировало подразделение Армии вторжения. На соседней площади жители, проходя мимо статуи Генератора, вскидывали руки и издавали верноподданнический вопль: «Ха-хай! Ха-хай!»

Унылая картина. Я сел в кресло транспортной эстакады и укрылся от мира силовой сферой — экраном. Но город и здесь напомнил о себе своей стандартной продукцией: замелькали кадры очередного секс-детектива.

Я спустился вниз и нырнул в чернеющий зев подземной дороги. Проехал сотню километров. Потом вышел и углубился в боковые безлюдные коридоры. Шаги мои гулко раздавались в тишине. Изредка попадались деловитые и безмолвные роботы, ремонтирующие сложную систему труб и проводов.

Один из них только что вылез из колодца. «Нижний этаж подземного хозяйства»,— подумал я и решил, что там надежней всего можно укрыться. Сунул ноги в черную дыру и неудержимо заскользил вниз. Начал шарить вокруг руками. Но уцепиться не за что — ни выступов, ни ступенек. Круто наклонные стенки колодца были гладкими, как стекло. Очевидно, робот поднимался с помощью пневматических присосков.

Наконец очутился внизу. В полумраке лабиринтов прошел километра два. Но усталость взяла свое. Я спрятался в нише и уснул.

Снился страшный сон. Будто у меня срослись руки и я никак не могу отодрать одну от другой. Вскрикнул, проснулся. И увидел: запястья скованы наручниками. Надо мной нагнулся какой-то рослый мужчина. Согнув средний палец с перстнем-фонариком, он с любопытством меня рассматривал. Пошарил по пустым карманам и приказал двум стоявшим рядом роботам:

— К Хабору!

Хабор встретил меня веселой ухмылкой.

— Га! Га! Провокатор!.. Что-то ты ко мне не спешишь, а?

Жестом отпустив роботов, он велел мне сесть и сам опустился рядом.

— То, что ты вернулся, говорит о твоем благоразумии. Бессмертие — высший дар, и даровать его может только Абсолют — это ты, я вижу, хорошо понял. При необходимости мы бы, конечно, нашли способ вернуть тебя насильно, но добровольность всегда предпочтительнее... А встречу со мной ты зря оттягивал. Уверяю тебя: все будет совершенно безболезненно. Просто сядешь в кресло и будешь вспоминать день за днем, а анализатор будет развертывать и уточнять особо интересующие нас детали... Сейчас немного отдохни — и приступим.

— Я не собираюсь ни к чему приступать.

— Не собираешься?— Хабор изумленно уставился на меня.— Это как понимать?

— Вы говорили тогда: Абсолют не нуждается ни в каких лазутчиках. А теперь выясняется... Выходит, это был обман?

— Ну зачем такие страшные слова.— Хабор усмехнулся.— Просто верный психологический ход. Мне не хотелось, чтобы ты чувствовал там себя шпионом. Это внутренне сковывало бы.

— Хотели сделать шпионом против моей воли? Но я им никогда не был и не буду!

— Ну вот что, мне надоел этот дурацкий разговор.— В глазах Хабора загорелись злые огоньки.— Он, видите ли, хочет остаться чистеньким и высоконравственным... Запомни раз и навсегда: в мире есть только одна нравственность — верное служение Абсолюту. Все, что делается по воле Великого, дозволено и оправдано.

— И все-таки мне противно быть шпионом...

— Тем хуже для тебя!.. Собственно, я мог бы сегодня же выпотрошить из тебя всю информацию о том мире. Наша аппаратура умеет обшаривать мозг до самых дальних закоулков. Но, когда объект вспоминает добровольно, получается детальней... Что ж, ладно, дам тебе еще некоторое время поразмыслить. Не образумишься — пеняй на себя!..

Роботы волокли меня в подземелье, а во мне все пело от радости. Что бы ни ждало впереди — первый раунд выигран!..

Меня привели в просторную пещеру. На грубых нарах здесь сидело и лежало несколько десятков человек. «Гуманитарии»,— догадался я.

— Ты из какой пещеры? — обратился ко мне один из незнакомцев. — Из соседней? Пытался бежать? Зря. Отсюда не убежишь.

— Да и некуда, — откликнулся другой. Ткнув пальцем вверх, добавил: — Там не лучше.

Загнанные в подземелье, художники и мыслители оказались людьми очень жизнестойкими. Глядя на них, я вспомнил стихи Брюсова «Грядущие гунны»:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры...

Едва успели «мудрецы и поэты» пообедать, как появились хмурые инженеры — гунны Электронной эпохи. Они брезгливо взглянули на нас, дали какие-то указания роботам и ушли.

Под охраной равнодушных роботов мы отправились на строительную площадку. Запомнился длинный, усеянный камнями и тускло освещенный туннель. В полумраке иногда коротко вспыхивали голубые молнии: это роботы наводили порядок электрохлыстами. Человекоподобные машины гнали людей, как стадо.

На строительной площадке, в гигантской куполообразной пещере, стоял скрежет и лязг. Циклопические машины дробили гранит, расширяя подземное помещение.

Люди, одаренные «нестерпимым зудом» самостоятельно мыслить и создавать произведения искусства, считались в Электронной Гармонии неспособными ни к какому труду, кроме физического. Они вручную расчищали от щебня и камней площадку для генераторов подземной энергостанции. Роботы жестами и световыми сигналами давали указания. Нерасторопные вздрагивали от электронаказаний.

Но люди не унывали. А в перерывах начинались настоящие интеллектуальные пиршества. Поэты читали свои стихи. Художники пытались что-то рисовать на тускло освещенных стенах, историки рассказывали анекдоты о Генераторе Вечных Изречений. Часто завязывались серьезные философские споры. Гуманитарии, получив здесь, под землей, духовную свободу, отводили душу. Никто им не мешал. Одни лишь роботы с электроразрядниками наготове окружали площадку и тупо взирали на непонятное оживление.

Тут, в катакомбах, я впервые узнал от одного из историков о прошлом Харды, об отношениях ее обитателей с жителями планеты Аир, находящейся в соседней звездной системе.

Обе цивилизации жили сначала в дружбе. Но общественное развитие шло разными путями. Аиряне создали общество, основанное на равенстве и уважении к личности. По-иному сложилась судьба Харды. У власти утвердилась технократическая элита. Всюду насаждались стандарты: и в производстве, и во всей структуре общества. Людям внушали: главное, чтобы все были похожими, внутренне одинаковыми. «При высоком совершенстве отдельных личностей целому угрожает хаос»,— учил Конструктор Электронной Гармонии. Подавлялось искусство, как выражение индивидуальности каждого творца-художника, истреблялась природа. Происходила своеобразная инфляция личности: чем больше одинаковых людей, тем меньше ценность каждого отдельного человека. «Ты — ничто, гармония — все».

Гости, прилетавшие с планеты Аир, вольно или невольно становились возмутителями этой «гармонии». Тогда правители Харды запретили людям Аира появляться на планете, объявили их опасными пришельцами. За такого пришельца едва не приняли вначале и меня...

Одно мне только не удалось выяснить: кто такой Генератор? Жив ли он или давно умер? Может быть, Генератор просто миф? А Вечные Изречения генерирует сам город, этот всевластный Электронный Дьявол? Я все больше склоняюсь сейчас к этой мысли. Думаю даже, что статуи Генератора — просто абстрактные идолы, воплощающие идею тоталитарной государственности.

В обществе изгнанников я провел в подземельях, наверно, несколько месяцев. Сколько именно — не знаю: потерял счет дням. Это были бы, в общем, не такие уж плохие дни, если бы не изнуряющая напряженность ожидания...

Дважды меня приводили к Хабору, и дважды он отсылал меня обратно, все еще уверенный, что в конце концов сдамся. А на третий раз началось то, о чем лучше не вспоминать.

— Что ж, приступим к потрошению,— объявил Хабор.— Учти: я такой же фанатик, как и ты. Только со знаком минус. Га! Га! Га!

Это была пытка, изощренная и мучительная. Каза-

лось, у меня выдирают мозг — клетку за клеткой, кусок за куском. И чем больше картин земной жизни проплывало на экране, тем больше сатанел Хабор. Наверно, он с наслаждением бы прикончил меня, если бы не оставшаяся во мне информация, которую ему велено было выцедить до последней капли.

Время от времени мне давали немного прийти в себя, вливали что-то укрепляющее и снова тащили в «вычитывающую камеру»... И когда уже не оставалось ни сил, ни надежды, я, почти теряя сознание, вдруг ощутил под рубашкой трепетное прикосновение энергопояса. В первую секунду не поверил. Но вспыхнуло фиолетовое пламя, и меня радостно пронзило: «Сделали! Сумели!..» Пояс стремительно развертывался в капсулу. Для Хабора я уже был невидим и неощутим. На какой-то миг мелькнули его глаза, обалдело взирающие на опустевшее кресло, и все померкло...

ВСТРЕЧА С ДРУЗЬЯМИ

Еще не открыв глаза, я услышал знакомый шум леса, птичьи пересвисты, и сердце счастливо забилось: до́ма! Голова кружилась. Хотелось долго-долго вот так неподвижно лежать в траве, всеми порами вбирая в себя запах влажных листьев, хвои, лесных цветов. Я перевернулся на спину, приподнялся на локтях и прямо перед собой увидел ставшую такой родной хижину под раскидистой сосной. На пороге стоял высокий мужчина и внимательно, словно с трудом узнавая, смотрел на меня. Но я-то его узнал сразу: академик Спотыкаев! — и тут же вскочил на ноги. Мы обнялись.

— Коллеги рвались тебя встречать, но я не пустил,— говорил Спотыкаев, вводя меня в дом.— Объяснил, что тебе будет не до многолюдья. Пришел вот один. За капсулу было тревожно: она у нас еще не очень-то отработана...

— Но как вы смогли? Ведь прошло всего...

— Год прошел, Сергей... У нас, на Земле, прошел целый год.

Академик подвел меня к постели, стал помогать укладываться. И тут только я разглядел, какое у него усталое лицо, как заметно прибавилось морщинок у глаз.

— Да, пришлось крепко поломать голову,— прогово-

рил он, заметив мой взгляд.— Всем нам. Так сказать, всепланетная мозговая атака... Ты, Сергей, отдыхай эти дни. Отоспись. Поброди по лесам. О твоем прибытии никому пока не сообщим. Только ученым. Но все разговоры с ними — не раньше чем недели через две. А сейчас лежи и жди врачей. Вот-вот должны прилететь. Вижу, досталось тебе там...

Чуть поколебавшись, он достал из кармана металлический стерженек, неуловимым движением развернул его в небольшое зеркало и протянул мне.

И я увидел, что стал совсем седым.

Проснувшись, я вышел из хижины. Вчерашние лекарства оказались чудодейственными: я чувствовал себя почти здоровым.

Было роскошное летнее утро. Редел туман, уползая в таинственные чащобы. И на поляне перед хижиной многоцветным полотном засверкала под солнцем трава, обрызганная росой. На сосне возилась моя старая рыжая приятельница — белка.

И вдруг — точь-в-точь как год назад!— вдали над вершиной горы закачался столб дыма.

У меня перехватило дыхание от нахлынувших воспоминаний. Мигом вспомнился тот день, как живых увидел Ориона, Патрика и Вегу перед весело потрескивающим костром. Незнакомая девушка поднималась в гору. Густые золотистые волосы закрывали ее лицо. Она откинула их назад и посмотрела на меня...

«Может быть, и сейчас все они там,— подумал я.— Это было бы здорово!»

Быстро дошел до подножья горы, по камням, как по ступенькам, взобрался на вершину. Осторожно раздвинул ветки и перед костром увидел незнакомых людей: высокого худощавого мужчину и его точную, но помолодевшую копию — юношу лет семнадцати. «Сын»,— догадался я и вышел из-за кустов.

Поздоровались. Старший предложил разделить с ними завтрак. Он не узнал меня. Зато юноша так и уставился изумленными глазами.

— Сергей Волошин?— несмело улыбнулся он.

Пришлось за завтраком коротко рассказать о своем последнем «визите» на Харду. Старший — лесничий Эридан Потапов — слушал мое повествование, как неразре-

шимую научную загадку. Но его сын Алеша верил мне безоговорочно.

— Вот теперь и у нас есть своя машина времени,— сказал он.— Но мне бы хотелось слетать к Харде маршрутом вашего «Орла» — через звездные бездны. Ведь все равно рано или поздно придется сражаться с Абсолютом в космосе...

— Полюбуйтесь на него,— хмуро бросил взгляд на сына Эридан Потапов.— Десять лет я рассчитывал, что он будет мне помощником, продолжит мое дело. Станет ну хотя бы ботаником... Только что закончил первый круг обучения. И вдруг объявляет, что он, видите ли, кибернетик. Ему, видите ли, тошно на Земле. Ему космос подавай... Не понимает, что родная планета — лучшая лаборатория. Да! Да! Лучшая!.. Земля...— Голос Потапова зазвучал почти торжественно...— Горы, пронзающие облака своими снежными вершинами, и цветущая лужайка, парящий в небе орел и жук, качающийся на зеленой травинке, лучше помогут понять место человека в окружающем мире, чем Галактика, чем огненное безумие звездных потоков. Чему смеешься?

Но никто не смеялся. Напротив, мы с удовольствием слушали энтузиаста. Алеша шепнул мне на ухо:

— Он у меня ученый-поэт. Недавно закончил книгу «Зеленая сказка». И правда — сказка, поэма!

— Я даже не свои слова сейчас говорю,— продолжал лесничий.— Все это прекрасно понимали наши предки. Дерево, говорили они, подчиняется тем же законам тяготения, что и звезды. Более того, дерево состоит из тех же сложных молекулярных соединений, что и гнездящиеся в его ветвях птицы, живущие в его корнях насекомые и размышляющие над всем этим ученые. Хорошо сказано!

— Действительно хорошо,— согласился я.

— Знай же, отступник,— обратился Потапов к сыну,— на Земле целая вселенная таинственного и непознанного. Гудящий над цветком шмель, зеленый листок клена и даже твой незрелый мозг, напичканный кибернетической чепухой,— все это вскормлено излучением звезды. Все мы непостижимым образом сотканы из той же космической пыли, что и шаровые скопления, что и...

— ...Созвездие Эридана,— невинным голосом вставил Алеша.

— Смеешься над отцом? Да, смешнее не придумаешь: до мозга костей земному человеку дали такое не-

лепое космическое имя. Надо же — Эридан! Насмешка судьбы! Ирония! Назвали бы уж сразу — Змееносец! Или Скорпион. А еще лучше — Водолей...

Алеша упал на траву и хохотал как одержимый.

— Водолей Скорпионович!.. Ха! Ха! Ха! Здорово звучит!

Потом встал и, вытирая выступившие от смеха слезы, проговорил:

— Ну не сердись, папа. Эридан — хорошее имя. И на меня не сердись. Надо же кому-то заниматься таким нудным делом, как космос и кибернетика.

— Кто знает, Алеша, может быть, с годами у тебя все это пройдет,— сказал я, желая утешить Потапова-старшего.— В твоем возрасте я тоже бредил звездными приключениями. А сейчас по горло сыт ими. Неудержимо тянет на Землю.

После завтрака Потаповы уговорили меня совершить маленькое путешествие.

— Не такое, конечно, головокружительное, как у тебя,— добродушно сказал Эридан.— И не на хитроумной машине времени, а на гравиплощадке — вот на этой телеге и лошади двадцать четвертого столетия.

И он показал на странный и внешне простой аппарат, стоявший поодаль в кустах. Круглая платформа с перилами, три кресла и перед ними — пульт управления. Вот и все.

— Это редкостная привилегия,— смеялся Алеша.— Летать над землей позволено только птицам и... лесничим.

Мы сели в кресла. Эридан дотронулся пальцем до кнопки. Гравиплощадка бесшумно взмыла вверх. У меня захватило дух — так великолепны были всхолмленные лесистыми горами дали, подернутые сиреневой дымкой. Внизу протянулась светлая лента березняка — бывшая высоковольтная. Ее пересекала вдали полоса кустарника — все, что осталось от шумного когда-то шоссе.

— Эту бывшую дорогу,— заметив мой взгляд, сказал лесничий,— давно надо было засадить деревьями. Но сейчас поздно. Не будем же выдирать великолепный кустарник, в основном малинник.

— Пап, подлетим туда. Мне вдруг захотелось малины. Аж слюнки текут.

— Тут же недалеко малиновые плантации.— Потапов показал на запад.

За плантациями, километрах в десяти, я увидел в бинокль небольшой город. И вообще только вокруг моей хижины простиралась дремучая тайга. Далеко на горизонте я замечал то поселки, то отдельные здания и множество едва заметных даже в бинокль причальных мачт. Из любой точки можно полететь куда угодно: в один час побывать в Антарктиде и Гренландии, в плодовых садах Сахары и санаториях Камчатки. В сущности, весь земной шар — это единый город, рассеянный в заповедных лесах и лугах, в синих океанских просторах...

— Сейчас на плантации малина уже с детский кулак,— продолжал Эридан.

— А я хочу дикой малины,— упрямился сын.— У нее особый, лесной аромат.

Гравиплощадка снизилась и летела, едва не касаясь верхушек деревьев. Эридан внимательно оглядывал сосны и березы, делая пометки в блокноте.

Около малинника лесничий приземлил свою «лошадку» так искусно, что не хрустнула ни одна ветка. Но не успели мы с Алешей как следует насладиться спелой малиной, как кустарник перед нами зашевелился.

— Это, наверное, он, Угрюмый. Хозяин здешних мест,— прошептал Эридан, предостерегающе подняв указательный палец.

Я вопросительно взглянул на Алешу. Тот склонился ко мне и на ухо сказал:

— Папа знает у себя почти всех зверей. Каждый лось имеет имя. А кто такой Угрюмый, не знаю.

— Не бойтесь, он не тронет. Только тише,— шептал Эридан.

Кусты раздвинулись, и мы замерли: перед нами стоял на задних лапах огромный, матерый медведь. Он неприветливо взглянул на нас и коротко, словно для пробы, рявкнул. «Действительно угрюмый»,— подумал я. Медведь нерешительно потоптался, потом повернулся и неторопливо побежал через полянку в лес. На полпути Угрюмый обернулся и недовольно взревел. Затем неспешным шагом хозяина удалился в темный ельник.

— Зря потревожили,— улыбнулся Эридан и продолжал, явно обращая свои слова сыну:— В биосфере Земли происходит, очевидно, обмен не только биохимический, но и нравственный. Незримыми путями обогащают нас духовно и медведь, и цветок одуванчика, и вот этот муравей, эта тончайше сбалансированная — не кибернетиче-

ски, а биологически!— структура. Что будет, если на планете не останется никаких других живых существ, кроме человека? Страшно подумать! Это будет началом гибели человечества. А ведь еще в двадцатом веке, в эпоху второй промышленной революции, находились люди, которые в погоне за минутной выгодой уничтожали леса, отравляли реки. А сейчас?..

Эридан нахмурился и, показав на сына, с раздражением сказал:

— Да, дай только волю вот этим кибернетическим пройдохам, вот этим разбойникам...

Алеша расхохотался.

— Пап, будь объективным... И какой же я разбойник?

Эридан еще долго ворчал и успокоился только за работой. Мы скользили над лесом бесшумнее птиц, и он отмечал на карте каждое больное или поврежденное дерево.

Потом гравиплощадка поднялась на головокружительную высоту. На юге как на ладони лежал огромный город, залитый утренними лучами. В нем я был триста лет назад. Но сейчас это другой город. Выпрямленная, как стрела, река Исеть стала широкой и глубоководной: в бинокль я различал быстроходные гидроавтобусы, медлительные парусные яхты. Среди парков возвышались причудливые здания. И все они, как шпилями, увенчивались серебристыми причальными мачтами. На их остриях беспрерывно вспыхивали и погасали искорки-гиперлеты.

— Столица Урала,— сказал Эридан.— Бывший город машиностроителей...

— Почему же бывший?— возразил Алеша.— Он и сейчас полмира снабжает уникальными машинами, космическими аппаратами. Только машиностроительные комплексы и грузовые транспортные магистрали глубоко под землей. Там ни одного человека. Лишь роботы следят за технологическим режимом, а сам город действительно стал садом... Кстати,— Алеша улыбнулся,— нельзя умолчать об одном парадоксе. Наш уважаемый энтузиаст леса, враг космоса и кибернетики, сам живет не в лесной глуши, как космический скиталец Сергей Волошин, а в центре города, в окружении киберслуг...

Гравиплощадка опустилась на поляне, и я, попрощавшись с Потаповыми, вернулся в свою хижину.

7 Заказ 128

Захотелось повидать друзей: Ориона, Вегу, Патрика. Особенно Таню...

Вызвал комнату Ориона, но экран не засветился. Попробовал еще раз, нажав одновременно кнопку звукового сигнала. С тем же успехом. Подождал, побродил в лесу около часа. Потом вернулся и снова нажал кнопку. Через минуту экран вспыхнул, выхватив окно, стол и часть стены с фильмотекой. И по-прежнему никого. Кто же тогда отозвался?

И вдруг сбоку стал медленно выплывать огромный букет полевых цветов, который детским голосом пропищал:

— Дома никого нет.

Из-за букета несмело выглянули глаза Насти, дочери Ориона. Узнав меня, она радостно захлопала в ладоши.

— Дядя Сережа вернулся! Дядя Сережа! — Цветы упали на пол, но девочка уже забыла о них. Залпом выложила все новости: папа с мамой в Чукотском космопорте, тетя Таня в Антарктиде. Вернутся все к четырем часам.

— Не говори им пока обо мне,— сказал я.— Не выдавай меня. Знай молчи себе с таинственным видом. Сможешь?

— Смогу, дядя Сережа, смогу!

Но что делать до четырех часов? Вспомнил, что на экране можно обозревать с высоты любой город, любой крупный научный или космический центр. Вспомнил и номер Чукотского космопорта — ЧК-81. Набрал его и с высоты птичьего полета увидел бетонированное поле, окруженное движущимися решетчатыми эстакадами. Здесь царство машин, всевластие электроники. Вот несколько остроносых беспилотных разведракет, космический крейсер старого типа.

Невидимый телепередатчик выхватил огромный диск — гиперзвездолет. Его-то мне и надо. Нажав кнопку, зафиксировал изображение.

Несколько десятков людей в гермошлемах и комбинезонах расставляли какие-то приборы. Раздался рев сирены. Люди быстро, но без суеты забрались с приборами в открытые люки корабля. Через три минуты люки закрылись. Гигантская чечевица гиперзвездолета поднялась в воздух и вскоре исчезла из поля зрения.

Члены экипажа отрабатывали, видимо, действия по сигналу тревоги. В одном из них я, кажется, узнал Ориона. Но как повидать Таню? Антарктида! Это для меня

новость. Что делать там биологу с широким профилем? И где ее искать на огромном материке?

Кое-как дождался четырех часов. Помедлил еще минут пятнадцать и нажал кнопку. За столом спиной к экрану сидел Орион, уткнувшись в аппарат для чтения фильмокниг.

— Кто там еще?— пробормотал он и обернулся к экрану. Грузный и обычно медлительный, Орион вскочил на ноги с такой живостью, что стул отлетел в сторону.— Сергей! Вернулся!.. Когда?.. Как же мог столько молчать?

Он забросал меня вопросами. Потом, вдруг вспомнив что-то, приложил палец к губам:

— Т-с-с...

«Мистификатор,— подумал я, испытывая теплое чувство, словно попал в долгожданные дружеские объятья.— Сейчас начнет кого-то разыгрывать».

— Таня!— крикнул Орион в окно.— Тут тебя кто-то спрашивает.

— Кто?— послышался звонкий голос.

— А я почем знаю?— недовольно пробурчал этот артист.— Разве в лицо запомнишь всех твоих муравьиных знатоков и приятелей тигров?

И с равнодушным видом уселся за стол, углубившись в светящуюся фильмокнигу.

Вошла Таня, подняла голову и слегка побледнела, а потом ее глаза вспыхнули таким счастьем, что я вздрогнул. Сияющий взгляд этих глубоких глаз — лучшая награда за все мытарства в страшных мирах.

— Ты?.. Сережа?..— прошептала она и облегченно вздохнула.— Наконец-то! Ты у себя?.. Я сейчас... Сейчас... Ты подожди. Мы сейчас все вместе.

Экран погас. Пока соберутся все вместе, думал я, пройдет не менее часа. Но уже через пятнадцать минут скрипнула дверь и в хижине стало тесно. После первых приветствий, междометий и восклицаний Орион поднес кулак к самому моему носу.

— Чем пахнет? Ну подожди, космический бродяга, тебе еще попадет от меня! Прибыл — и ни гу-гу...

Взглянув на притихшую Таню, он обратился к Веге и Патрику:

— Пойдемте-ка разводить костер. Мы еще устроим ему сцену у костра!

Мы с Таней остались вдвоем. И снова я вздрогнул от

радости, почувствовав взгляд черных, глубоких глаз. Таня протянула руку и еще раз облегченно вздохнула:

— Ну, здравствуй, странник.— Она уронила пышноволосую голову на мое плечо.

— Не надо, Таня.— Мне показалось, что она плачет.— Я же здесь... Теперь уже навсегда.

Я взял ее за плечи и посмотрел в лицо. Но Таня не плакала, она смеялась тихим и таким счастливым смехом, что я тут же дал себе торжественную клятву никогда с ней не разлучаться.

Когда мы вышли из хижины, на поляне уже плескались веселые языки костра.

Таня, бережно оправив платье, села на камень.

— Вырядилась,— кивнул в ее сторону Орион.— Всегда так, когда у нее хоть маленький успех. Оказывается, моя сестра почти композитор! А сегодня... Ее цветы сегодня впервые зазвучали, заквакали, как лягушки. Вернулась из Антарктиды, сразу же облачилась в свой распрекрасный пенелон и целый час вертелась перед зеркалом.

Таня метнула на брата укоризненный взгляд: он разоблачил перед всеми ее маленькую слабость.

— Да, я и забыла!— вдруг воскликнула она и показала на Вегу и Патрика. — Поздравь их, Сережа: новая супружеская пара.

— Где будете жить?— спросил я.— В кочующем городе?

— Нет, не могу привыкнуть к зною. Будем жить на моей родине — в Шотландии,— ответил Патрик и пошутил:— Там у меня древнее родовое имение. Замок с привидениями.

— Ты подожди со своими инженерными привидениями,— сказал Орион.— Пусть сначала расскажет Сергей о своих приключениях.

Я рассказывал долго, заново переживая все, что произошло со мной в Электронной Гармонии. Сгустились летние сумерки, стало прохладно. Но Орион забыл подкладывать ветки в костер. Головешки багрово тлели. В фиолетовом небе повисла огненная роса. Танино праздничное платье излучало в темноте такой тонкий свет, словно оно было соткано из танцующей звездной пыли, словно девушка укуталась не в пенелон, а в кусочек Млечного Пути.

Когда я кончил, все долго молчали.

— Даже не верится, что такое может быть,— проговорила Вега.— Как в страшном сне...

— А о Вечной Гармонии ты вспомнил?— спросил Орион, подбросив в костер сухих веток.

— Вспомнил,— кивнул я.— Видимо, Хабор, выдирая из меня информацию, сбил с памяти все запоры. А может, и время сделало свое дело... Все разом высветилось.

— Расскажи!— почти хором попросили Вега и Патрик.

— На ночь рассказывать не стоит,— проговорил я и сам подивился, что здесь, в кругу друзей, тот мир показался вдруг почти нереальным.— А если говорить честно — слишком тяжело рассказывать. Там остались мои товарищи... Лучше я об этом напишу, а вы потом почитаете. Ладно?

— Ну что ж, так и быть, подождем твоих мемуаров,— сказал Орион.— Только пиши побыстрей. И вообще, довольно жить отшельником. Хочешь, за полчаса отгрохаем тебе такой дворец — закачаешься. А эту избушку — ко всем чертям!

— Пират!— с веселой иронией воскликнула Таня.— Посмотрите на этого космического пирата. Он усвоил все замашки древних морских разбойников. Ругается как шкипер.

Беседа наша затянулась до полуночи. Говорили и никак не могли наговориться. Все чувствовали себя удивительно легко и раскованно. Таня подтрунивала уже не только над Орионом, но и надо мной. Расстались мы, когда костер окончательно погас.

...Пока писать нельзя. Но как только разрешат врачи, вернусь к своим записям. Я должен рассказать человечеству о страшном царстве Абсолюта. Прав Алеша Потапов: нам рано или поздно еще придется сражаться с этой темной безжалостной силой. А врага надо знать... Начну с того момента, когда открылась и тотчас захлопнулась за нами дверь в сатанинскую Вечную Гармонию — царство Абсолюта.

ЦАРСТВО АБСОЛЮТА

На нас обрушилась тишина. Заглохли планетарные двигатели, перестали петь приборы. Прозрачная полусфера пилотской каюты потемнела — ни солнца, ни звезд. Ко-

рабль будто провалился в угольную яму. Погасли даже приборы пульта управления, многоцветные мигающие огоньки которого создавали ощущение уюта. Лишь плафоны освещали каюту мертвенным светом.

С электронным универсалом что-то случилось. Он буквально мямлил, на вопросы отвечал с перебоями. С трудом удалось выяснить, что звездолет, как муха, попал в паутину силовых полей. Его будто сунули в мешок и волокли в неизвестном направлении.

— Выясни, что с двигателями,— приказал мне капитан.

Я спустился в кормовую часть корабля. Из машинного зала вырывался сноп света, и на полу коридора вздрагивала тень неизвестного человека.

С излучателем в руке я подкрался к двери и увидел широкую спину незнакомца. Тот склонился над приборами. Левую руку он отставил в сторону и опирался ладонью на предохранитель. Пломба почему-то сорвана. Стоило по неосторожности нажать кнопку предохранителя, и свинцовый шар, получивший из-за утечки гравитонов отрицательный заряд, освободится от пут силовых полей. Он может коснуться корпуса реактора. И тогда — черный взрыв! Та самая черная аннигиляция...

Что делать? Окликнуть незнакомца и попросить убрать руку — бессмысленно. От неожиданности он вздрогнет и заденет кнопку. А главное, я знал и чувствовал: передо мной враг... И я поступил, быть может, не лучшим, но радикальным образом: тонким и острым как бритва лучом отрубил руку. Не задев кнопки, рука упала на пол.

Взревев от боли, незнакомец обернулся и увесистым правым кулаком с размаху ударил меня по скуле.

Удар был хорош. Я отлетел в другой конец коридора. Слизнув соленую струйку крови, вскочил на ноги. В ту же минуту за моей спиной появились члены экипажа.

Незнакомец шагнул в коридор, левая рука, к моему изумлению, оказалась на месте. Заметив людей, он остановился, что-то пробормотал и растворился в воздухе. К таким внезапным исчезновениям мы стали уже привыкать.

Взглянув на мою окровавленную щеку, капитан сердито сдвинул брови.

— Опять эксцессы? Я предупреждал!..

Я привел товарищей в машинный зал, где на полу

валялась отрубленная по локоть рука, и рассказал о случившемся.

— Не очень остроумно поступил, братец,— заметил капитан.— Впрочем, ничего другого не оставалось.— Он повернулся к Зиновскому: — А ты, Яков Петрович, возьми эту чертову руку, исследуй и доложи.

Поставив на предохранителе новую пломбу, мы тщательно заперли за собой машинный зал. Как будто это имело какое-то значение для вездесущих и всепроникающих гостей.

Через полчаса в пилотскую каюту пришел из лаборатории Зиновский.

— Рука как рука,— сказал он.— Из той же плоти и крови, что и у нас. Могу сообщить группу крови, РОЭ, процент гемоглобина...

— Не надо,— отрезал капитан.— Выкинь ее за борт. Кажется, начинаю о чем-то догадываться...

Стычка в машинном зале имела одно положительное последствие: таинственные незнакомцы оставили нас в покое. Никто больше не следил за нами, не рылся в каютах.

Малыш повеселел, а планетолог, поглаживая бороду, благодушно острил:

— Феноменально! Понимаешь, Сережа? Любезным потомкам мы осточертели. Изучали они нас, изучали, а потом, треснув тебя по физиономии, поставили на этом точку.

— Хороша точка,— смеялся Ревелино, показывая на мою левую щеку.— Может быть, всего лишь запятая?

Шрам на щеке и в самом деле смахивал на багровую запятую.

Лишенный управления, звездолет продолжал нестись в полной темноте и тишине. Неведомая сила тащила нас куда-то. Однажды утром, когда я только что проснулся, корабль сильно вздрогнул, словно ударившись обо что-то.

Я быстро оделся и прибежал в пилотскую. Весь экипаж был на месте.

— Мы на Луне!— крикнул Иван Бурсов.

Каюту заливал солнечный свет: полусфера снова стала прозрачной, будто кто-то сорвал с нее черное покрывало.

Мы натянули комбинезоны с гермошлемами и вышли из корабля. Над нами колыхался огненно-косматый шар Солнца. Почти рядом чернел диск, окруженный голубым

ободком подсвеченной сзади атмосферы. Земля, ее ночная сторона... Да, вместе со всеми членами экипажа я был уверен тогда, что мы попали в свою Солнечную систему, на родную Землю.

Звездолет стоял на космодроме, опоясанном какими-то строениями. Город? В наше время его не было... Мы шагали, оставляя глубокие следы в многовековой пыли: видимо, с космодрома уже сотни лет не взлетал ни один корабль.

Вошли в лунный город. Он напоминал почерневший лес, по которому когда-то прокатилась волна пожара. Кругом, как темные стволы циклопических деревьев, высились многоэтажные здания, переплетенные лианами провисших мостов и эстакад. Ноги утопали в пыли, как в пепле. Многие дома покосились, часто попадались обломки рухнувших эстакад. Город был мертв. Ни малейшего движения, никаких признаков жизни. Внутри зданий — такое же запустенье: ровный слой пыли, истлевшая мебель.

— Где же люди? Хотя бы те призраки?— спросил Иван так тихо, будто боялся, что от громкого голоса развалятся здания.

— На Земле,— уверенно ответил капитан.— То есть людей скорее всего не найдем и там. Но там разгадка...

К экспедиции на Землю готовились два дня. У нас была вместительная шлюпка — посадочная ракета, которую с помощью механизмов поставили рядом с кораблем.

Ракета стартовала, взметнув облако пыли. У всех нас зачастил пульс, когда стал наплывать, увеличиваться темный диск в голубом ореоле атмосферы. Что ждет нас там, на родной планете? Она молчала. Ни звука в микрофонах, ни одного светового всплеска на черном диске. В наш двадцать первый век ночная сторона Земли казалась из космоса мерцающей. Светились города, в океанах проплывали ярко иллюминированные лайнеры. А сейчас — ничего. Огни цивилизации погасли...

Приборы показывали высоту сто километров, потом пятьдесят. Ракета, выпустив планирующие крылья, входила в плотные слои атмосферы.

Мы прильнули к экрану радароскопа. Он серыми красками, но в сильном увеличении рисовал неясную картину — лениво перекатывающиеся волны океана. Затем водные просторы сменились сушей. Однако это была

странная суша: те же волны, но неподвижные, закаменевшие.

— Что за черт,— бормотал планетолог.— Хотя бы руины, как на Луне... А то ведь ничего. Какой-то застывший океан.

— Скоро будет освещенная сторона Земли.— Капитан хмурился, около губ залегла жесткая складка.— Сейчас увидим.

И мы увидели... Трудно передать охватившее нас чувство смятения. Под нами расстилалась серо-желтая пустыня, безграничный застывший океан песков.

Планирующая ракета еще снизилась и замедлила полет. Внизу мелькали барханы. Ни одной зеленой рощицы или дерева, ни одной нежданно сверкнувшей реки.

Океан, сменивший под крыльями пустыню, ослепил слюдяным блеском. Здесь хоть движение, какое-то подобие жизни. Но какой это океан? Индийский? Атлантический? Очертания берегов так сильно изменились, что никто из нас не мог дать точного ответа.

Кружили над мертвой планетой долго.

— Будем садиться,— сказал наконец капитан.

Ни один мускул не дрогнул на его каменном лице. Эта волевая непроницаемость смущала. У нас сжимались сердца от предчувствия беды, постигшей человечество. Но что думал он, Федор Стриганов? Трудно сказать. Движения его рук за пультом управления были по-прежнему уверенными и спокойными.

Место для посадки капитан выбрал удачно — ровную гранитную площадку, почти незанятую песком.

Иван Бурсов и биолог выпустили на волю автономные приборы-автоматы. Первые показания их не радовали. Песок и воздух не содержали не то что капли, но и росинки воды. О жизни и говорить нечего. Чуткие приборы не обнаружили даже микроорганизмов. Это была стерильная пустыня, пустыня-абсолют.

И вдруг...

— Человек! В пустыне человек! — закричал Ревелино.— Он зовет!

Мы поспешили к бортинженеру. С вершины горбатого бархана заметили вдали одинокую фигурку, точнее — силуэт. Человек поднял руку, не то показывая вверх, не то подзывая к себе. Рядом с ним — решетчатый остов полуразрушенного здания. И ничего больше. Кругом унылая холмистая равнина.

— Это контакты! — воскликнул легко возбуждающийся Иван.— Скорее в вездеход.

Под прозрачным бронекуполом гусеничного вездехода разместился весь экипаж. Взвыл двигатель. Машина покачиваясь переваливала через бугры и оставляла за собой рубчатые следы. Когда до цели оставалось метров триста, мы поняли свою ошибку: это был не человек, а внушительных размеров статуя.

Двигатель внезапно заглох. Ревелино долго копался в нем, но повреждений не нашел. Что это? Снова шутки невидимок?

Мы выпрыгнули из кабины и осмотрелись. Позади остроносой гусеницей-шестиножкой серебрилась горизонтально поставленная ракета. В крайнем случае к ней можно вернуться пешком.

Подошли к статуе. Металлический идол с застывшей усмешкой простирал руку вверх. На постаменте какая-то надпись из замысловатых знаков, которые раньше, очевидно, светились.

Сейчас, побывав в Электронной эпохе, я смог бы объяснить товарищам, что это статуя Генератора Вечных Изречений. Прочитал бы надпись: «Болезней тысячи, а здоровье одно». Сотни лет простоял чугунный Генератор — сначала во всемирном городе, затем в глобальной пустыне — пустыне абсолютного «здоровья». Идеальное воплощение Вечных Изречений!

Это сейчас... А тогда вместе со всеми с недоумением взирал на статую. Она вызывала тревогу, ощущение забытой вехи погибшей цивилизации. Но какой цивилизации? Сфинкс пустыни с загадочной усмешкой молчал. Ничего не дал нам и осмотр металлического покосившегося скелета здания. Между зданием и статуей под слоем песка нашли круглый люк. С трудом открыли крышку и увидели уходящие в глубину ступени.

— Закройте люк,— приказал капитан.— Подземелье потом. Сначала осмотрим поверхность.

Прошли еще километра два. Ракета утонула за горизонтом. Компасы не работали, словно планета лишилась магнитного поля. Среди пухлых холмов четко вырисовывался на белесом небе единственный ориентир — силуэт статуи. За нами цепочкой тянулись глубокие следы. Мы надеялись, что они приведут нас обратно к вездеходу. Это был просчет.

Пустыня, до того неподвижная и немая, вдруг зашеве-

лилась и заговорила звенящим шепотом. Задымились макушки барханов, поползла, скручиваясь в желтые веревки, струистая поземка. Потом поднялся сильный ветер и началась песчаная крутоверть, быстро стершая наши следы.

Обернулись, но ориентира своего не увидели. Горизонт затянуло колышащейся мглой. Мы крепко взялись за руки, чтобы не потерять друг друга, и зашагали, как нам казалось, в нужном направлении. Хотя бы дойти до вездехода — там баллоны с жидким кислородом и запасы питательной пасты.

Серая пелена скрыла не только статую, но и солнце. Но мы упорно брели. Шли долго и, конечно, сбились с пути.

Ветер усиливался. Тугие струи воздуха, взвинчиваясь пыльными вихрями, пошли гулять по барханам. С шипением и грохотом налетел ураган. Тысячи песчинок щелкали по гермошлемам, густые потоки песка сбивали с ног.

Бурю решили переждать около скалистого обнажения. Тем более что, по нашим часам, на планете наступила ночь. Однако не было ни Луны, ни звезд. Ничего, кроме мчавшейся с визгом и воем песчаной мглы.

Ураган смолк внезапно. Пустыня замерла. Засверкал ночной небосвод, усыпанный мириадами искрившихся песчинок-звезд. Но на земле непроницаемая тьма. Лучи наших фонарей выхватывали только ближние холмы, покрытые мелкой песчаной рябью.

Искать ракету сейчас не имело смысла. Надо ждать утра. Мы уселись плотнее друг к другу. Я опирался на широкую, как плита, спину Ивана Бурсова и чувствовал его учащенное дыхание. Могучим легким планетолога не хватало воздуха. Кислород кончался и в моих баллончиках. По показаниям приборов, воздух планеты содержал кислород. Но годился ли он для дыхания? Я осторожно приподнял, а потом совсем откинул назад гермошлем.

— Не курорт, но дышать можно,— сказал я Ивану.

Планетолог открыл гермошлем и облегченно вздохнул. Остальные последовали нашему примеру. Мы даже вздремнули до рассвета.

Утреннее солнце осветило безотрадную картину — безбрежный песчаный океан. Мы сориентировались по солнцу, посовещались и направились на северо-запад. Там, казалось нам, была надежда найти ракету или вездеход.

Через час мы чувствовали себя, как в раскаленной

печи. Сколько бы ни двигались, все так же оставались в центре ослепительной и знойной бесконечности. А еще через три часа едва плелись. Голод, который ночью сосал желудки, отступил перед новым врагом — жаждой. Жгучее солнце выжимало из нас последние соки. А мы все брели и брели, с трудом вытаскивая ноги из сыпучего песка. Ступали словно по расплавленному желтому металлу.

Первым свалился с ног самый старший из нас — Яков Петрович Зиновский. Капитан подхватил биолога за плечи и помогал ему идти. Я присматривал за Иваном Бурсовым. Крупному, полнотелому планетологу приходилось туго, но он крепился. Даже разразился витиеватой бранью по адресу статуи:

— Чугунный подонок... Стоит сейчас где-то в пустыне и ухмыляется. Это он завел нас...

В горле пересохло. Сухой и шершавый язык с трудом ворочался во рту. От усталости шатало из стороны в сторону. В голове закружилось, и я готов был упасть, но в это время услышал крик Ревелино:

— Оазис! В пустыне вода... Оазис!

«Бредит»,— подумал я, еле взбираясь на вершину бугра, где стоял Ревелино. На западе, куда клонилось перешагнувшее через зенит солнце, увидел деревья и блеснувшее между ними зеркальце воды.

— Мираж?— спросил я капитана.

— Не похоже,— ответил он.— В такой глобальной пустыне миражей не бывает.

Вид деревьев и воды приободрил нас. И все же мы едва доплелись до оазиса — зеленого островка в желтом океане. Последние метры преодолели чуть ли не ползком. Ивана мне пришлось тащить на спине. А оазис не пускал нас: руки наткнулись на упругое энергетическое поле. Но оно тут же завибрировало, вспыхнув на секунду голубоватым пламенем, и втянуло нас внутрь полусферы. Оазис был под невидимым силовым колпаком.

Легкие судорожно расширялись. Я глотал свежий воздух, обильно насыщенный кислородом и ароматом лугов. Иван очнулся, с изумлением взирал на высокие ветвистые деревья и озерко чистейшей воды.

— Феноменально!— прошептал он.— Мы что, уже в раю? Мы умерли?

Жажда так иссушила нас, что мы забыли о всякой умеренности. Встав на четвереньки и погрузив лица в

воду, пили, как животные на водопое. Потом разделись и бросились в озерко, напоминавшее скорее глубокую лужу. Обезумев от радости, плескались, как дети, ели плоды, похожие на бананы...

Когда наши животы разбухли от воды и сочных плодов, мы вылезли на берег и осмотрелись. Диковинный оазис не имел ничего общего с пустыней. Он был инородной частью. Словно круглую травянистую платформу с деревьями кто-то поставил прямо на песок. Журчащий ручеек, впадающий в озерко, начинал течь из пустоты — от границы силового барьера. Еще одна странность — ветер. В пустыне, окружающей оазис, не шевельнется ни одна пылинка: кругом мертвая раскаленная неподвижность. Здесь же дул прохладный порывистый ветер. Густая листва деревьев звенела, переливаясь серебром и чернью.

— Смотрите! — воскликнул Ревелино.

В небе, над кроной самого высокого дерева, кружилась птица. К ней присоединилась другая, влетевшая внутрь невидимого колпака неведомо откуда. Птицы описали круг и улетели в пустоту, в ничто.

— Почти все ясно,— сказал капитан.

— Модель?— спросил планетолог.

— Нет, оазис не смоделирован, это частица реальности, выхваченная из прошлого. Вероятно, из очень далекого, доисторического прошлого. Как это сделано? Понятия не имею. Но это так, братцы. Это кусок действительности...

— Поданный нам на блюдечке с голубой каемочкой,— подхватил Иван.— Феноменально!..

Похоже, что Федор был прав. Опасаясь, как бы перемещенное во времени чудо не исчезло, мы еще раз искупались, наелись впрок плодов, напились. Капитан приказал надеть комбинезоны.

— Всякое может случиться.

— А не провалимся ли мы в прошлое вместе с этой платформой?— спросил я.

Федор пожал плечами. Планетолог выразил согласие провалиться хоть в преисподнюю, только бы остаться в этом райском месте.

Мы не заметили, как заснули. Проспали, вероятно, больше суток.

Разбудил нас капитан глубокой ночью и молча обвел вокруг рукой: смотрите!

Вид был ошеломляющий. Мы сидели на берегу знакомого озерка, тускло посеребренного луной. Над нами склонялись ветви тех же деревьев. Но пустыни — вот что нас поразило! — пустыни не было. Оазис естественно вписывался в пейзаж, который заворожил нас первобытной красотой. До самого горизонта холмистым ковром расстилалась лесостепь, залитая дымным лунным сиянием. Вдали темнели две или три рощи вроде нашей. Справа — лес.

Силовой колпак исчез. Ручеек начинал свой бег не из пустоты, не от границы, где раньше был барьер, а из травянистой ложбины. Удивительный ручеек! Раньше он весело звенел и журчал, а сейчас беззвучно переливался в траве, играя слюдяными блестками. Видимо, дул ветер. Но мы не ощущали его упругости.

Странный, молчаливый мир. Мир без звуков, без запахов, без ощущений. Одни лишь зрительные восприятия.

— Фотонный мир,— сказал Стриганов.

— Не темни, капитан,— проворчал Иван.— Объясни.

— Слышали про эффект Ньюмена?

— Да,— ответил я.— Ньюмен предсказал эффект несовмещенного времени. Его гипотезу поддержал ты и еще кто-то. Остальные специалисты иронизировали.

— Вот именно. Иронизировали,— хмыкнул капитан.— А теперь смотрите.

Федор встал и, наклонив голову, решительно направился прямо на дерево. Все ждали, что он стукнется лбом о шершавый ствол. Но произошло невероятное — капитан прошел сквозь дерево, как призрак. А точнее — дерево было призрачным.

— Поняли, братцы? Фотонный мир. Две несостыкованные эпохи. Нас разделяют, быть может, биллионные доли секунды. Мы видим вторичные фотоны, световое изображение прошлой эпохи, но не пребываем в ней. А жители той эпохи нас даже видеть не могут. Мы вроде незримых наблюдателей из будущего — из пустыни. Не спрашивайте, как это делается. Не знаю.

— А главное, кто это делает? Может, они? — планетолог показал в сторону степи. Там, за гребнем холма, светилось багровое зарево.

— Сходим и посмотрим,— предложил капитан.

Мы осторожно передвигались, испытывая непривычное ощущение нереальности, призрачности окружающего.

Сквозь холм с кустарником проплыли, будто он был соткан из подкрашенного воздуха.

За холмом, в полукилометре от нас, извивались космы большого костра. Около него скакали крохотные человеческие фигурки.

— Можем подойти поближе,— сказал капитан.

Подошли. Вокруг костра плясали, разевая рты в беззвучных криках, голые волосатые люди. Очевидно, это было племя людоедов. Рядом лежали связанные гибкими ветвями пленники и двое дикарей точили каменные ножи.

Беззвучная картина начала растворяться, размываться, заволакиваться дымом.

— Этой безобразной сценой нам, видимо, хотели что-то сказать, — предположил я. — Подать какую-то мысль.

Федор согласился со мной и потом добавил:

— А чтобы их мысль стала еще более наглядной, сейчас по контрасту, наверно, увидим мирную, идиллическую сцену.

На этот раз капитан ошибся. Сначала его предположение как будто оправдывалось. Клубящийся вокруг нас туман редел, насыщаясь светом. Торжественно и мирно выплывало солнце, рассеивая клочья мглы. Медленно проступали очертания большого города, окруженного горами. Необычные купола многоэтажных зданий жарко сверкали под утренними лучами.

Город просыпался. По широким проспектам, радиально расходящимся от центральной площади, катились каплевидные машины. На окраине, которая подступала к нашему наблюдательному пункту — высокому холму, люди неторопливо выходили из подъездов, щурясь на солнце.

И вдруг что-то стряслось. Город обезумел, охваченный внезапной паникой. Машины увеличили скорость, стремясь вырваться из города. Они сталкивались, врезались друг в друга, образуя груды металла. Люди заметались с широко открытыми и ничего не видящими от ужаса глазами. Они натыкались на стены, падали. Рты их были искажены беззвучными воплями.

Кошмар, навалившийся на город, казался таким чудовищно реальным, что и нас охватил страх.

В чем дело?

Из-за гор, в противоположной от нас стороне, выглянула антрацитово-черная туча. Ее клубящиеся края меняли очертания и форму. Во всем туча была обычной,

естественной, кроме стремительной скорости, с которой она передвигалась.

Туча налетела на кипящий ужасом город, как коршун, распластав свои необъятные крылья. На город упала ночь. Засверкали молнии, заискрились капли дождя. Вскоре дождь превратился в ливень.

Однако не вода обрушилась вниз, а какая-то вязкая жидкость, облепившая дома и людей. Тучи не стало — она вылилась вся без остатка. А жидкость взрывоподобно вспыхнула, взметнув до неба пламя. Люди мгновенно превращались в пепел, в дым, в ничто. Машины, бетон и металлические конструкции зданий плавились и разливались потоками.

Все произошло в считанные секунды. В котловине между горами образовалось озеро еще неостывшей, пузырящейся жидкости, густой, как магма.

— Чистая работа!— воскликнул Иван.— Нет, Федя, это не история. Страшновато для истории. Нам показали научно-популярный фильм о действии нового оружия массового истребления. Контакты! Таинственные потомки с помощью фильмов пытаются вступить с нами в контакты. Сначала попугать нас...

— Попугать — это верно. Но с помощью кусков реальной истории. Мы в несовмещенном времени. Нагнитесь и пощупайте траву.

Я наклонился и обнаружил, что трава, росшая на холме, протыкала наши ноги. Попробовал схватить ее. Но трава оказалась неосязаемой. Ее будто не было. Зато ладонь загребла горсть песка. Невидимого, но раскаленного, обжигающего песка глобальной пустыни.

Вслед за мной то же самое проделал Иван Бурсов.

— Убедились, братцы?— подошел к нам Федор.— По-настоящему мы не на холме, а на песчаном бархане. Мы на стыке двух эпох.

— Ты хочешь сказать, что мы были свидетелями события, происшедшего после нашего отлета, после двадцать первого века?— спросил я.— Но это же немыслимо! Войн не могло быть!

Капитан развел руками.

— Мне тоже не верится. Не хочется верить. Но прошли, видимо, тысячелетия...

Пока разговаривали, кругом сгущался шелковистый туман. Очевидно, это был какой-то вид энергии, поддерживающий нас в несовмещенном времени.

Густой и непроницаемый туман понемногу рассасывался и накалялся. Это не было похоже на предыдущий тихий солнечный рассвет. Ослепительные блики теснились со всех сторон. Раскаленные шары проплывали и внутри нас.

Когда последние клочья тумана истончились и распались, мы долго не могли ничего понять. Разноцветные огни мигали, извивались, крутились, брызгали искрами. Сквозь огненную пляску проступали человеческие лица, равнодушные и неподвижные, как маски. Угадывались фасады огромных зданий, переплетенных сетью движущихся эстакад и светящихся парабол.

Кое-как разобрались: мы — в чреве чудовищного мегаполиса, сверхгорода-автомата. Замелькали сцены безобразнее прежних. Кто-то выхватывал из сытой жизни супергорода самое отвратительное и показывал крупным планом. Вот с огромной высоты бросился вниз человек. Он врезался в каменное покрытие с такой силой, что буквально расплескался. Откуда-то выскочил дворник-автомат и смыл кровавое месиво, оставшееся от самоубийцы. Запестрели перекошенные лица сумасшедших. Затем началось такое, о чем и сейчас не могу вспоминать без дрожи. Какие-то застенки, пытки.

Мы закрыли глаза руками, стараясь подавить тошноту. Сквозь пальцы почувствовали, что пляска огней прекратилась. Мы открыли глаза и увидели клубящийся туман — сгустки энергии, своего рода облака времени, на которых нас переносили из одной несовмещенной эпохи в другую. Обволакивающий туман не рассасывался, наливаясь светом, а пропал моментально. И так же мгновенно исчезло ощущение призрачности окружающего. Мы в реальной, в совмещенной эпохе — в пустыне. На голой равнине только наши сиротливые следы.

— Нам наглядно показали, до чего безобразна человеческая история и вообще вся земная жизнь,— с усмешкой проговорил капитан.— Дескать, быть покойниками лучше...

Я и сейчас, когда прошло много времени, не перестаю удивляться прозорливости капитана. Да, сам Абсолют пытался разговаривать с нами без посредничества своих слуг. Он хотел убедить: живое человечество — мятежное, буйное и никчемное племя. То ли дело пустыня — идеал вечного успокоения, мира и гармонии...

Мы огляделись. До самого горизонта желтыми холмами

8 Заказ 128

простиралась раскаленная пустыня. Оазиса нет. Он остался в недостижимом прошлом. И не было никаких надежд, что могущественные силы захотят еще раз побаловать райскими уголками. Похоже, они бросили нас на произвол судьбы.

Что делать? Где искать ракету? Чувство безнадежности все больше овладевало нами. Капитан ободрял как мог:

— Не вешать носы, братцы. Накачали брюхо первобытной водой — и будьте довольны. С таким запасом воды не пропадем. Разобьем пустыню на квадраты и будем искать ракету.

Посовещались и пошли сначала на восток. Старались не смотреть вниз, на ослепляющий песок. От него, как от раскаленной плиты, струился горячий воздух. Сверху немилосердно жгучим потоком лились солнечные лучи. Ни ветерка, ни малейшего движения. И тишина. Такая тишина, что наш шепот казался шумным обвалом в горах — пустыня откликалась стократно звенящим и шелестящим эхом.

Первый день шагали сравнительно бодро. Ревелино поднимался на остроконечные холмы и осматривал горизонт. Мы останавливались, с волнением ожидая его крика: «Ракета!» или «Оазис!». Но Малыш, опустив голову, каждый раз молча спускался вниз.

Ночь переспали, приютившись у одинокой скалы. После полуночи из космического пространства опустился пронизывающий холод. В черном омуте неба тонкими льдинками сверкали бесчисленные звезды.

Со второй половины следующего дня начались кошмарные часы. Пустыня и беспощадное солнце высосали из нас последние капли влаги. В переливах горячего воздуха кружился рой огненных мотыльков. Временами казалось, что мы тонем в расплавленном металле.

С трудом переставляя ноги, я поддерживал обессилевшего планетолога.

— Бросай, Сережа,— шептал он.— Иди сам. Ищи...

— Молчи! Ты же знаешь, что не оставлю.

— Человек в пустыне!— неожиданно раздался крик Малыша.— Человек!..

— Наконец-то!— встрепенулся Иван.— Это тот самый чугунный идол... Сейчас найдем ракету.

Поспешно, насколько еще хватало сил, поднялись на гребень пухлого бугра и встали рядом с Ревелино.

Дальше нам пришлось пережить одно из самых сильных потрясений.

Вдали, в той стороне, куда показал Малыш, мы заметили одинокую фигурку. Иван ошибся: это была не статуя, а человек. Живой человек! Он стоял на гребне серповидного бархана и правой рукой подзывал к себе. Потом повернулся спиной и стал ждать.

— Призрак? Мираж?— прошептал Иван.

— Не призрак и не мираж,— ответил капитан.— Следы...

В самом деле: пологий склон испещрен черными точками — следами незнакомца. А призраки следов не оставляют.

— Тогда контакты,— оживился Бурсов.— Подойдем?

— Если зовут, надо идти,— кивнул капитан.

Чем ближе подходили, тем сильней росла безотчетная тревога. Незнакомец все так же стоял спиной к нам. Его невысокая, но стройная фигура кого-то напоминала. Одет он был в такой же комбинезон, как и у нас. И то и дело рукавом стирал с лица пот: видно, ему, как и нам, тяжко приходилось в адском пекле.

Когда расстояние сократилось до пяти метров, человек медленно обернулся. Мы остановились как вкопанные. Несмотря на жару, по спинам пробежал мороз: на нас запавшими, мертвенными глазами смотрел... Федор Стриганов! Наш капитан! А какой взгляд!.. Полный тоски взгляд из какой-то немыслимой дали. Дали, из которой нет возврата.

Вселенская тишина. Не шелохнется ни одна песчинка. И в непоколебимом молчании пустыни громом прозвучал знакомый четкий голос:

— Не пугайтесь. Вот я какой стал... Не бойтесь, идите за мной.

Хотел еще что-то добавить. Но раздумал, махнул рукой и начал спускаться вниз, печатая глубокие следы.

Когда оцепенение прошло, мы взглянули на капитана: вот же наш вожак! Стоит живой среди нас! И тут на лице Федора я впервые обнаружил подобие страха. Сейчас, вспоминая те минуты, я думаю, что Стриганов, видимо, уже тогда почувствовал: двойник явился из его, Федора, будущего... Капитан побледнел, но быстро овладел собой и твердо сказал:

— Идемте! Ничего больше не остается.

Он был прав: нам ничего не оставалось, как только

следовать за таинственным проводником. Кругом раскаленный океан песков. Сверху давил такой же пустынный белесый купол неба, с которого насмешливо взирал на нас один лишь огненный глаз солнца.

Двойник капитана шагал гораздо быстрее нас. Удалившись на порядочное расстояние, он останавливался и поджидал. Потом, обернувшись и махнув рукой, двигался дальше. На одном из барханов, жестом подозвав к себе, он показал на запад. А затем внезапно исчез. Будто провалился.

С трудом поднявшись на бархан, мы посмотрели в ту сторону, куда показывал провожатый, и увидели наш вездеход. Направо, метрах в трехстах, знакомо высилась статуя со вздернутой вверх рукой. Налево остроносой гусеницей серебрилась ракета. Но до нее было далеко.

Кое-как доковыляли до вездехода, забрались в кабину. Тщательно задраили бронекупол и закрылись от мучительного блеска пустыни светонепроницаемой шторкой. Долго и жадно пили воду, глотали питательную пасту. Потом уснули.

Народ мы были крепкий и выспались хорошо. Разбудил нас Федор. Он казался веселым и бодрым.

— Что сейчас? День или ночь?— спросил Иван.

— Не знаю. Сейчас увидим.

Капитан нажал кнопку. Шторка разошлась в стороны.

Было раннее утро. Под косыми лучами сверкали макушки холмов и барханов. От них тянулись длинные тени.

— Что будем делать?— спросил капитан.— Ждать контактов?

— На Луну!— воскликнул Иван.— В звездолет!

— На Луну так на Луну,— согласился капитан.— В километре позади наша ракета. Надеюсь, добежим до нее без приключений.

Открыли бронеколпак. Но выпрыгнуть из вездехода не успели: в пустыне начался парад символов — страшное шествие временно оживших мертвецов... Кусок этого зрелища, выхваченный доктором Рушем из недр моей заблокированной памяти, я уже описал. Но сейчас расскажу подробней, ибо сцена эта, на мой взгляд, наиболее полно выражает сущность Вечной Гармонии.

Далеко впереди, прямо за статуей, неведомо как и откуда появилась колонна солдат. За ней, с небольшим интервалом,— вторая колонна. Потом третья, четвертая.

И так до самого горизонта. Сотни тысяч, может быть, миллионы солдат. Правильными квадратами отлично вымуштрованное войско приближалось к статуе.

Мы схватили биноскопы. В изумительно ровных рядах насчитали по пятьдесят человек. На плечах солдаты несли странное оружие: длинные стволы были расплюснуты на концах. Ружья мерно покачивались и поблескивали на солнце.

Когда первый квадрат четко вышагивал перед статуей, солдаты дружно вскинули вверх правые руки. В один миг, как по команде, раскрылись рты, и пустыня содрогнулась от громоподобного вопля:

— Ха-хай! Ха-хай!

Крик отражался от скалистых выступов, от ребристых барханов и холмов. По пустыне долго гуляло затухающее эхо:

— А-ай! А-ай!

А под статуей — уже второй квадрат. Снова вздернутые руки, и снова оглушительный вопль, вырвавшийся будто из одной мощной глотки:

— Ха-хай! Ха-хай!

Первая колонна, а за ней вторая на ходу повернули в нашу сторону. Солдаты при этом не сбились с ноги, соблюдали поразительное равнение в шеренгах.

— Вот это выучка,— шепнул Иван.

Всем нам было немного не по себе. Но мы держались: таинственная пустыня уже основательно закалила нашу психику.

А солдаты все ближе и ближе. Теперь мы и без биноскопов видели, как из-под остроконечных касок по тупым и равнодушным лицам стекают ручейки пота. Солдаты задыхались от жары, но не допускали ни малейшего нарушения строя. Четко печатая шаг, они старательно и синхронно ударяли ногами. От чугунного топота вздрагивала почва: тумм... тум... тум...

На пульте управления в точности так же вздрагивал какой-то плохо закрепленный прибор: дзинь... дзинь... дзинь...

Дзиньканье становилось все громче и противней. И Зиновский не выдержал. Он выхватил излучатель и тонкой иглой плазмы полоснул по первой шеренге. Капитан отвел его руку. Все же луч коснулся крайнего справа солдата и отсек высоко поднятую ногу. Солдат заверещал от боли, но даже не покачнулся. Мгновенно

у него выросла новая нога вместе с сапогом, и солдат продолжал вышагивать как ни в чем не бывало.

— Спокойно, Яков Петрович,— сказал капитан.— Я же просил: никаких эксцессов. А солдат не бойтесь. Мне кажется, ничего страшного не произойдет.

И верно: солдаты не выразили ни малейшего желания отомстить. На их безучастных лицах вообще не было написано никаких чувств. Но они неумолимо приближались, и это начинало беспокоить.

— Капитан!— взволновался Иван.— Что это они? Взбесились?..

О дальнейшем уже известно из картин, проплывших на экране там, в аквагороде. Целый квадрат, насчитывающий пять тысяч солдат, исчез сразу. «Как будто корова языком слизнула»,— вспоминаю сейчас слова Ивана Бурсова. Вторая колонна проделала точно такой же маневр. За ней третья.

Но все новые колонны, мерно покачиваясь, тянулись длинной чередой, выплывая из-за горизонта. Через равные промежутки времени пустыня вздрагивала от восторженного вопля:

— Ха-хай! Ха-хай!

По холмистой равнине потом долго прокатывалось эхо:

— А-ай! А-ай!

А затем вдруг все колонны разом исчезли. Трудно было понять — провалились они под землю или растаяли в воздухе. Еще не осел песок, поднятый сапогами, а никого уже не было. Солдаты, марширововавшие под статуей, не успели даже прокричать клич до конца. Будто им заткнули рты.

— Ха-хай! Ха...

И эхо, ходившее по пустыне уже после исчезновения солдат, получилось таким же куцым:

— А-ай! А...

Бесконечная равнина опустела. Наступила тишина. Некоторое время в вездеходе царило молчание.

— Идеальное послушание! Приказано исчезнуть — исчезли,— заговорил наконец Федор Стриганов.— Мечта всех диктаторов — образцовые солдаты. Не знают ни страха, ни самой смерти, потому что давно мертвы.

— Капитан, ты действительно что-то понимаешь или делаешь вид?— недоверчиво поглядел на Федора планетолог.— Откуда вся эта чертовщина? И зачем?

— Будем надеяться, что нам все растолкуют,— сказал капитан.— А сейчас пора — на Луну!

Мы выскочили из вездехода, добежали до посадочной ракеты и закрылись в ее просторной кабине. Я сел за пульт управления. Ракета, выпустив крылья, пролетела несколько сот километров низко над планетой. В бесконечной пустыне заметили сверху еще одну уцелевшую статую. Около нее длинной цепью тянулись свежие следы, которые не успела замести песчаная поземка. Очевидно, и здесь состоялся парад.

Иван, чувствуя себя в безопасности, поглаживал бороду и благодушествовал.

— Феноменально! Сегодня здесь день всеобщей шагистики.

Когда ракета, взметнув клубы вековой пыли, села на лунный космодром и мы увидели свой звездолет — сразу почувствовали себя как дома.

Чаще, чем прежде, собирались мы теперь в просторной пилотской каюте. Подолгу засиживались, спорили, строили всевозможные предположения. Но капитан предпочитал отмалчиваться.

Бурсов изо всех сил старался нас расшевелить.

— Состоялся день Страшного суда,— пародийно ораторствовал он.— В точности по христианскому вероучению. Бесчисленные поколения выкарабкались из могил. Праведники вознеслись на небо и сподобились стать ангелами. Грешников низвергли в ад — в солдатчину.

Мы смеялись, не подозревая, что он, увы, был не так уж далек от истины. Страшной истины...

— Кто же тогда она?— поинтересовался Федор.— Та самая... Мимолетное видение, посетившее тебя в каюте.

— Конечно, ангел!— воскликнул Ревелино.— А тип, связавший его сонного,— безусловно, дьявол!

Но проводник наш, так похожий на капитана? Кто он и откуда? Мы почему-то избегали касаться этого вопроса. Все же Иван спросил как-то Федора:

— Как ты считаешь, откуда взялся провожатый наш? Довольно ловкая модель...

— Я этого не думаю,— сухо возразил капитан.— Боюсь, что это я сам. Каким образом — не знаю. Придут и скажут.

Так оно и случилось.

Однажды утром, когда в спортивном отсеке мы после купания делали пробежку, засветился экран внутренней

связи. Все остановились и с волнением всматривались в размытые очертания пульта управления и кресла перед ним. В пилотской каюте кто-то неумелой рукой наводил изображение на резкость. И вот на нас глянули темные выразительные глаза. Они занимали весь экран. Потом стали удаляться, и мы увидели женское лицо в короне черных волос. Неизвестная гостья низким грудным голосом произнесла:

— Здравствуйте, пришельцы. Не желаете ли побеседовать с обитателями этого мира?

При последних словах ее полные губы изогнулись в какой-то странной усмешке — иронической и печальной. Взглянув на нашу весьма лаконичную одежду (мы были в одних плавках), она улыбнулась одними глазами и добавила:

— Одевайтесь и приходите в пилотскую каюту.

Мы начали одеваться. Один лишь планетолог неподвижно стоял, тупо уставившись на погасший экран.

— Ты чего остолбенел?— спросил капитан.— Она, что ли? Та самая?

Иван молча кивнул.

В пилотскую вошли гуськом. Впереди капитан, я замыкал шествие.

У пульта управления стояла стройная молодая женщина в темно-синем платье. На нем вспыхивали и угасали искорки, подсвечивая снизу несколько бледное лицо гостьи.

— Еще раз здравствуйте. Прошу садиться.

Ближе всех к пульту расположился капитан. Я очутился в самом дальнем и плохо освещенном углу рядом с Ревелино. Тот сел и сжался в кресле, боясь шелохнуться.

— Давайте знакомиться.— Гостья, усевшись, старательно выговаривала русские слова.— Начнем с меня. В далекой земной жизни у меня было имя. А здесь... Здесь только шифр. Так что зовите меня просто Незнакомкой.

Она помолчала и вдруг, порывисто встав, заговорила быстро и взволнованно:

— О, если бы предки знали, что они творят! Если бы вовремя остановились и не лишили следующие поколения природы, искусства, любви, человечности... Тогда еще было время оглянуться и одуматься... А мы уже были бессильны. Электронный мир выскользнул из на-

ших рук, и мы стали его рабами. А потом... потом слугами Абсолюта. Всесильный Абсолют на краткий миг вызывает нас к жизни. Вы...— Голос ее срывался.— Вот вы пришли. Так освободите нас!.. О, ничего вы не можете. Никто не может...

И вдруг ее не стало. Только что слегка прогибался мягкий, упругий пластик под ее ногами, шелестело, переливаясь искрами, платье. И все исчезло.

Знакомство не состоялось. Мы переглянулись. А Ревелино выпрямился и облегченно вздохнул...

НЕЗНАКОМКА

...— Еще раз прошу тебя, Сергей: ничего не упускай. Каждая деталь, каждая подробность имеют сейчас, как выразились бы в старину, оборонное значение.

— Ясно,— сказал я, а про себя подумал, что уважаемый академик Спотыкаев, увы, начинает повторяться. Мы разговаривали уже часа три, и за это время он успел мне подробно обо всем рассказать. И о возросшей угрозе агрессии со стороны Абсолюта, заблокировавшего после моего бегства все пути-дороги для наших только что созданных капсул. И о строительстве новых гиперзвездолетов, способных проникнуть в тот загадочный минус-континуум, куда забросило черной аннигиляцией наш «Орел»... И о том, как важны мои воспоминания для возникновения новых теорий и гипотез о непознанных еще свойствах времени и пространства...

Все это я с интересом выслушал, но Спотыкаев все говорил и говорил, и постепенно я начал ощущать что-то вроде легкой досады. О, я охотно беседовал бы с ним еще хоть сутки, если б не ждал сегодня другого человека...

Словно почувствовав это, Спотыкаев стал, наконец, прощаться. Я вышел проводить его. Густели сумерки, и сердце мое тревожно и радостно забилось. Вот сейчас, может быть через несколько минут, на поляне появится Таня. Сегодня мы будем одни. Только мы и гаснущий закат, лунный свет в окне и невнятно шумящие сосны...

А потом снова настанет день, и я опять уйду с головой в свои невеселые воспоминания.

Итак, Ревелино облегченно вздохнул... Но радость его была преждевременной. В рубке электронного универ-

сала послышался шорох. Оттуда, шелестя длинным платьем, вышла Незнакомка. Села в кресло. Выглядела она еще бледнее прежнего.

— Извините за эксцессы.— Ее губы изогнулись в печальной улыбке.— Эксцессы... Так любит выражаться, кажется, ваш командир. Не выдержала я... Сотни лет небытия. И вот воскресла. Жизнь! Краткая, как вспышка, но жизнь... Тут любой не выдержит. Заговорила с вами, как человек. А я прежде всего слуга Абсолюта и должна выполнять его волю.

— Абсолюта?— удивился Иван.— Что это такое?

— Потом поймете... Продолжим знакомство. Я уже назвала себя. Теперь ваш черед.

Встал капитан. С жесткой иронической усмешкой отчеканил:

— Федор Стриганов. Начальник экспедиции. Научная специальность — дискретное время и пространство.

— Очень приятно.— На пухлых губах Незнакомки тоже дрогнула усмешка.— Мы с вами коллеги. Вам трудно представить, каких успехов добились мы в изучении времени и пространства. Абсолют многое сейчас умеет. Например, в пустыне вы видели три эпохи: первобытный мир, сверхатомную цивилизацию и Электронную Гармонию. Абсолют хотел вам показать, до чего неприглядна история живых.

— Мы видели и четвертую эпоху,— сказал капитан.— Парад мертвецов. Это уже, думаю, не история...

— О!— удивилась Незнакомка.— Вы догадливы. Да, шествие Армии вторжения — сегодняшний день. Так сказать, апофеоз, блестящее и гармоничное завершение мятежной истории.

Следующим был Зиновский. Доложил он о себе хмуро, неохотно. Когда встал и назвал себя планетолог, Незнакомка улыбнулась с мягкой, необидной иронией. Удивительная гамма улыбок была у нее!

— Извините. Я была не совсем осторожной в вашей каюте. Не успела вовремя дематериализоваться.

«Земля или нет?» — неотвязно думал я. Я знал, что все мои товарищи задают себе сейчас тот же самый вопрос и, так же как и я, не решаются задать его Незнакомке. Не решаются потому, что боятся услышать ответ, подтверждающий то, чему рассудок отказывается верить... Вероятно, каждый из нас смутно надеялся, что из слов Незнакомки все рано или поздно станет ясным.

— Ревелино. Бортинженер,— очень коротко, сдавленным, чужим голосом представился Малыш и сразу же сел.

— Сергей Волошин. Астронавигатор,— сухо проговорил я. И почти без паузы спросил:— Выходит, человек оказался в этом мире ненужным?

— А вы что, привыкли считать себя венцом творения?— вопросом на вопрос ответила таинственная гостья.— Высшим достижением природы?

— Вы хотите сказать, что природа допустила ошибку, создав...

— Нет,— перебила Незнакомка,— создав человека, природа нашла гениальное решение. Но на этом биологическая эволюция исчерпала себя, достигла потолка. И на нашей планете началась новая фаза эволюции разума — фаза технологическая.

— Технологическая?!— вскричал Зиновский. Размахивая руками, он подскочил к Незнакомке.— Какую же мерзость вы нам тут внушаете?! Это же...

— Яков!— Капитан схватил биолога за плечо.

— Уж лучше бы мы вернулись к таисянам,— как-то весь разом поникнув, пробормотал Зиновский.

Махнув рукой, он сел и замолк, видимо устыдившись своей вспышки. В дальнейшем он, как и Ревелино, не проронил ни слова.

— О, я понимаю вас.— Незнакомка с сочувствием посмотрела на Зиновского.— Но такова реальность. С биологической эволюцией, с биосферой у нас покончено навсегда. Ибо Вечная Гармония — полное отрицание человечества... Люди здесь существуют чисто условно, так сказать, символически. Символы, оживающие по воле Абсолюта...

Незнакомка с минуту помолчала.

— Да, человек зажег первый на нашей планете костер, обтесал первый камень и тем самым начал создавать свое собственное отрицание. В недрах биологической эволюции возник ее смертельный враг — эволюция технологическая. Она была еще в пеленках, но человек заботливо растил ее и нянчил. Понимал ли он опасность? Нет. Даже если бы и понимал, иначе поступать было уже нельзя. Люди изобретали все новые орудия труда, орудия взаимоистребления и истребления окружающей природы. Темпы технологического развития стремительно нарастали. Первобытная металлургия, изделия из бронзы и же-

леза. Затем век электричества, безудержной урбанизации — роста огромных городов. Над ними вместо чистого неба плескались клубы дыма и пыли. Люди бездумно отравляли воздух и воду, уничтожали леса и животных. Это опасность экологическая, опасность истребления окружающей природы. Люди осознали ее, не подозревая, что на смену идет еще более грозная опасность — технологическая.

— И вот век термоядерной энергии, полетов в далекий космос,— продолжала Незнакомка.— Люди, казалось, одумались. Заговорили о содружестве с природой. Сохраняя леса, жили среди садов и парков. Это была для человека прекрасная пора. Но техносфера продолжала расти, грозно и неотвратимо. И настало время, когда техносфера ураганом обрушилась на биосферу и стерла ее с лика планеты. Стерла, как плесень. Я жила как раз в ту эпоху...

— «Плесень»...— не выдержал Иван.— А кто только что радовался воскрешению из небытия?.. Чему же радоваться, если жизнь — плесень?

— Я стараюсь сейчас говорить так, как будто вам объясняет сам Абсолют... Я выполняю его задание.— Что-то дрогнуло в лице Незнакомки.— Для своего и вашего блага...

Она успокоилась и заговорила ровным грудным голосом.

— Вернемся немного назад. Техносфера впервые показала свое полное превосходство над биосферой, когда появилась ядерная бомба — этот топор в руках технологии, которым она рубила биологическую эволюцию сплеча. Но беда в том, что она одновременно уничтожала и себя. Техноэволюция на этом этапе еще не встала на ноги и нуждалась в человечестве — в своей няньке. К счастью, у нас этот кризисный этап миновал благополучно: ядерный конфликт не состоялся. В космосе только на одной планете биоэволюция в результате атомной войны уничтожила себя, положив тем самым конец эволюции технологической. И планета сейчас являет печальное зрелище: руины и тучи радиоактивного пепла... Другие миры, избежав атомного самоуничтожения, застыли на биологической фазе развития. Только наша планета сделала гигантский качественный скачок вперед.

— И вместо радиоактивного пепла — глобальная пустыня. Так?

— Именно так. Вы проницательны, Федор Стриганов. Вполне естественно, что вас, представителей биологической фазы развития, одинаково страшат и глобальные руины, и глобальная пустыня... Но я должна досказать главное. Итак, обитатели планеты избежали атомного топора техноэволюции. Но зато они попали в петлю еще более коварного врага — электрона. Если атом — глупый топор техноэволюции, то электрон — ее ум. Ум хитрый, изворотливый и обольстительный. Электрон расставил коварные сети, обещая человеку сытую, бездумную, комфортабельную жизнь. И человек охотно пошел в сладостный плен, не подозревая, что здесь ему конец...

— Как это произошло?— сухо спросил капитан.

— Я не историк и не могу детально объяснить... Протекли, вероятно, многие столетия. На планете не осталось почти ни одного зеленого островка...

Я рассеянно смотрел в угол каюты, и в моем воображении рисовалось футуристическое царство электронно-вычислительной техники, огромный всепланетный город и стадо стандартных людей — этих «капелек биосферы», затерявшихся в электронной утробе техносферы.

— Муравейник,— послышался голос Ивана.— Мы, кажется, видели его в пустыне.

— Да, муравейник... Я жила в нем четыреста лет назад,— задумчиво проговорила Незнакомка.— Да, вы видели этот копошащийся город. Вернее, его фотонный отблеск из несовмещенного времени. В нем уже властвует не человек, а электрон.

— А строй? Общественная система?— допытывался капитан.

Незнакомка не очень внятно рассказала о социальной системе, о Генераторе Вечных Изречений, о двух враждующих планетах.

— Выходит, виноват не электрон, а тоталитарное отношение к человеку,— сказал капитан.— Техника, кем-то повернутая против человека.

— Человек стал жалким узкоспециализированным винтиком технологической системы,— продолжала Незнакомка.— Технология, получившая у нас конкретное воплощение в саморегулирующемся кибернетическом сверхгороде, вышла из-под контроля людей, обрела самостоятельность, осознала себя как разум... И она...

— Упразднила человека?

— Да, упразднила. Но в снятом виде... В снятом...—

Незнакомка говорила торопливо, проявляя какое-то беспокойство. Потом встала.— Так приятно побыть в земной оболочке. Но она еще эфемерней вашей... Вихри... Там, в пустыне, мои вихри. Вихри... Они устают, расшатываются. Им надо стабилизироваться... Продолжим беседу завтра.

Незнакомка поспешно удалилась в рубку электронного универсала. Немного спустя Иван осторожно заглянул туда.

— Ну и как?— спросил капитан.

— Никого.— Иван развел руками.

Напряжение сразу исчезло. Все облегченно задвигались.

— Так и хочется ущипнуть себя,— проговорил Зиновский.— Капитан, как же ты все это себе объясняешь?

— Гравитационный коллапс,— загадочно ответил Федор.— Знаешь, что это такое?

— При чем тут коллапс?— удивился Бурсов.— Коллапс — это катастрофическое сжатие огромной массы звезды, неудержимое падение ее на себя, звезда сжимается и сжимается под действием возрастающих сил гравитации. Наконец тяготение образуется такое чудовищное, что ни свет, ни другие излучения не могут оторваться. И звезда становится невидимой, превращаясь в нечто крохотное. Как говорят, проваливается в гравитационную могилу... А тут что общего?

— То же самое — могила... Только технологическая. На планете произошел технологический коллапс. Но под решающим воздействием социальных факторов. Слышите? Социальных! Из того, что было сказано, можно заключить: город-автомат стал регулятором общества, тоталитарной государственной машиной. Так легче и надежнее управлять людьми... И получается, что технологический джин вырвался из бутылки из-за эгоизма господствующей верхушки...

— Все это философия,— проворчал Иван.— А конкретно, капитан? Конкретно?

— Если спрашиваешь насчет Абсолюта, — усмехнулся Федор,— то не знаю, что это за штука такая. Догадываюсь только...

— А вихри?— не унимался Иван.

— Надеюсь, завтра сама скажет...

— Да-а,— протянул Иван.— Темнит, красавица. Темнит.

На следующее утро в пилотской каюте снова ждала нас Незнакомка. Она приветствовала нас улыбкой.

— Кто же вы, наконец?— спросил Иван.— Призрак? Модель? Мираж?

— Человек.— Улыбка на ее лице погасла.— Человек, как и вы. И в то же время... Но об этом после. Сначала об Электронной Гармонии, о том, что вы вчера спрашивали... В условиях технического динамизма человек стал архаизмом со своими медленно протекающими реакциями. Если раньше человек нянчил и выхаживал технологического младенца, то затем техносфера сама превратилась в няньку духовно вырождающегося ребенка — нашего человечества. После моей смерти так называемые пришельцы и художники активизировались, пытались разрушить Гармонию. Но поздно... Город-машина стал автономной силой. Чтобы сохранить Электронную Гармонию и сделать ее Вечной, он поглотил людей, перевел их в качественно иное состояние.

— В какое?— криво усмехнулся капитан.— В покойников?

— Не знаю, как выразиться... Все началось вроде бы добровольно. Еще при мне для интеллектуальной верхушки были построены храмы бессмертия. Желающие могли оставить на века свою полную генетическую информацию. Сами при этом погибали... А потом настал момент, когда кибернетический город, уже не спрашивая желания, сразу, в одну ночь, перевел всех людей в информационное состояние.

— Вот оно что!— Иван привстал.— Город сожрал человека! Город-людоед!

— О!— воскликнула Незнакомка.— У вас образный язык... Нет, город не сожрал, а вобрал в себя человека. Если раньше человек был частицей и венцом биосферы, то впоследствии стал жалкой информационной частицей техносферы. Электронный город превратился в суперэлектронного Абсолюта. И мы — его слуги...

Я закрыл глаза. В ушах звучал голос Незнакомки, а воображение развертывало одну картину за другой.

...Бесконечный город-кибермозг. Все так же переливаются огни, движутся эстакады. Но людей уже нет, они «упакованы» в крохотные информационные ячейки. Бунтовать некому. Тишина, покой тотальности... Попутно ликвидирована проблема безработицы. Но город еще нуждается для обслуживания некоторых агрегатов в уме-

лых и умных руках людей. И он научился вызывать их из небытия. Вот из одной ячейки, где хранится информация специалиста, протянулся всепроникающий нейтринный луч. Кончик его застыл у пульта управления подземной энергостанции. Нажим неведомой кнопки — и по лучу течет поток концентрированной энергии, которая на кончике мгновенно превращается в вещество. Наследственная информация овеществляется. У пульта управления стоит уже человек. Настоящий человек, точно такой, каким он был в жизни. Он осматривает аппаратуру, выполняет кое-какие операции, иногда научные эксперименты. Электронный Дьявол постоянно держит специалиста на кончике луча, питая его энергией. Человек неуничтожим, любые отрубленные части тела восстанавливаются в соответствии с генетической структурой, записанной в ячейке. Человек — просто эманация, материальное истечение информации... Но вот специалист сделал свое дело. Нажим кнопки — и он исчезает. Биовещество снова превращается в энергию...

— Так вы просто кукла?— вопрошал Иван.— Марионетка? Абсолют дергает за ниточки, и вы...

— Нет, не марионетка и не кукла. Я живой человек, пользуюсь известной самостоятельностью, могу говорить от себя... Но я слуга и должна выполнить волю пославшего меня в мир. Иначе мою запись сотрут... И все-таки есть какая-то автономность. Вот другие, подавляющее большинство,— это действительно марионетки. Они полностью стандартизированы, лишены самостоятельных поступков и мыслей. Но зато какое послушание...

— Знаем. Видели парад мертвых символов...— прервал Иван Незнакомку.— Но видели в пустыне. А город? Этот всепланетный кибермозг? Где он?

— Его давно уже нет. Свернулся... Город — это неуклюжий и громоздкий мир вещества и электроники. Но электрон, как вы знаете, неисчерпаем. Кибермозг не без помощи эвристических способностей бывших ученых проник в глубины электрона и материи вообще. Открылся целый суперэлектронный и даже суперквантовый мир. У многоэтажного электронного города появилась возможность свернуться, перейти на микроуровень, а всю генетическую информацию людей записать с помощью тончайше сбалансированных вихрей суперполей. Вихри — невероятно маленькие, ультрамикроскопические силовые клубки. В них запечатлены не только люди, но и гро-

моздкие агрегаты, даже вещи. Произошла глобальная дематериализация. Огромные городские сооружения пошли на топливо в подземные энергостанции, которые остались на прежнем макроуровне — на уровне вещества. Планета оголилась. С ее поверхности исчезла не только биосфера, но и видимая техносфера. Видимая...

То, что мы услышали дальше, поразило всех нас и, кажется, даже проницательного капитана.

Над поверхностью голой планеты, не выше ста метров, плескался невидимый и неощутимый океан — вибрирующее и пульсирующее «мыслящее» суперполе. Это и есть бывший всепланетный город, перескочивший в иное качественное состояние и ставший суперэлектронным Абсолютом. В океане плавало неисчислимое множество клубков — информационных вихрей. Вот из одного технического клубка выскочил нейтринный луч. На его кончике в далеком межзвездном пространстве овеществился беспилотный корабль — космический пират, перехватывающий и уничтожающий звездолеты с «отсталыми биологическими структурами». А вот из тысяч других, так называемых «генетических» клубков нейтринные лучи упали вниз, как дождевые струи. На поверхности, как пузыри в луже, вспыхнули люди. И в четком строю зашагала, взметая пыль, Армия вторжения.

Но и это не все. Главная новость нас ждала впереди. «Эволюция» продолжалась. Поверхность планеты покрылась со временем единой мировой пустыней, по которой с визгом прокатывались песчаные бури. Но эта естественная геологическая эволюция помогала технологической. Абсолют, добиваясь стабильности, устойчивости информационных вихрей, заполнял межатомное пространство внутри песчинок клубками суперполей. Песчинки при этом становились тверже алмаза. Каждая песчинка в пустыне — либо генетическая (человек), либо техническая (вещь) информационная ячейка. Оттуда Абсолют мог выхватывать и овеществлять любую информацию.

Это было невероятней всего. Мы предполагали, что информация находится под землей в каких-нибудь кристаллах. Но что именно песчаная пустыня — необъятное хранилище информации, этого не ожидал даже проницательный Федор Стриганов. Он даже привстал с кресла, хотел что-то сказать. Но только махнул рукой.

— Пустыня!.. Ха! Ха! Ха! Вот это эволюция,— нервно захохотал Иван Бурсов. — Нет, ты только представь,

9 Заказ 128

капитан. Люди полностью превратились в песчинки. Да это же целый символ!..

— Для вас пустыня — нечто гротескное,— снова заговорила Незнакомка.— Но поймите: технологическая эволюция, сменив биологическую, руководствовалась идеей целесообразности. Так уж получилось: информационная пустыня и пульсирующее над ней суперполе. Вот вы видели недавно фотонный отблеск прошедшей Электронной эпохи — супергород. Никакой природы, искусство подавлено. Стандартные люди стали песчинками общественной гармонии и колесиками технологической машины. Скажите: такой город разве не пустыня?

— Пустыня,— охотно согласился Иван.

— А чем отличается та пустыня, пустыня на уровне вещества, от нынешней? Принципиально ничем. Только технологическим совершенством. Люди? Что ж люди... Люди есть, но в виде информации. Вы ведь в своей жизни претерпели то же овеществление информации, записанной в половых клетках на первобытном молекулярном уровне. Полное овеществление шло биологически очень медленно, все детские и юношеские годы. А здесь технически свернутую наследственную информацию Абсолют развертывает и овеществляет мгновенно.

— Да, это прогресс,— усмехнулся капитан.

— Так вы песчинка в пустыне?— спрашивал Иван.— А мы можем помочь вам освободиться от рабства? Например, перерезать нейтринный луч и отсечь от этого... От Абсолюта?

— Никто не может... И Абсолют не потерпит своеволия. За попытку к бегству он сотрет мою запись или переведет в низшие и наименее самостоятельные сферы. Например, в солдаты. Вот те — как куклы.

— Значит, высшие и низшие?— проговорил Иван.— Иерархия загробной гармонии...

— Именно загробной.— Незнакомка печально усмехнулась.— Человек, переведенный в информационное состояние, не знает ни жизни, ни смерти, не ощущает тока лет и веков. Получая на короткое время биологическую структуру, человек с ужасом осознает, что он давно мертв, а его информационная сущность закабалена Абсолютом. И вот тогда некоторые не выдерживают. Срываются, сходят с ума... Их генетические вихри перепутываются и распадаются. Солдаты, те никогда не сходят с ума, потому что у них его нет. Они послушные стандарт-

ные орудия. Однако солдат у Абсолюта много, а интеллектуально одаренных слуг все меньше и меньше...

Федор слушал, думая о чем-то своем. Тогда я не придал этому значения, но сейчас убежден: именно в те минуты ему впервые пришла мысль, которая потом оформилась в так поразившее нас решение...

— А солдаты для чего?— спросил Иван.— Какой от них толк Абсолюту?

— На других планетах продолжается биологическая фаза развития. Вечная и неистребимая Армия вторжения наведет там порядок...— Прижав ладони к вискам, Незнакомка прошлась вдоль пульта управления.— Вихри... Устали от напряжения. Сейчас Абсолют погасит меня...

Она вздохнула и, прошелестев платьем, скрылась в рубке ЭУ.

Утром Незнакомка казалась сильно взволнованной. Поприветствовав нас с вымученной улыбкой, она села и, не поднимая глаз, заговорила:

— Не знаю, как и приступить к главной части поручения... Абсолют принял вас, показал свое могущество. И все с одной целью. Не догадываетесь? Неавтономных слуг, то есть солдат, у него много. Но для работ и экспериментов в макромире, в мире вещества, ему очень нужны интеллектуально одаренные и автономные...

— Уж не хотите ли сказать?..— Пораженный догадкой, Иван встал с кресла.— Чтобы мы стали слугами? Информационное состояние?..

— Понимаю... О, как сочувствую вам. Абсолют не случайно продемонстрировал исторические сцены, показал ужас и никчемность биологической жизни... Психологически готовил вас. Он мог бы и без подготовки, насильственно перевести в солдаты. Но ему требуются автономные. А здесь нужно желание... Почти желание. И обязательно добровольность. Нет, нет!.. Абсолют готов дать вам время подумать. Но при условии, что кто-то один согласится уже сегодня... Добровольно хотя бы один...

Будто бомба взорвалась в пилотской каюте.

— Да как вы смеете!— с искаженным гневом лицом выкрикнул Зиновский.— Нам — такое!..

И уже кричали все разом, перебивая друг друга:

— Не дождетесь!..

— Будьте прокляты вместе со своим Абсолютом!..

— Тихо!— перекрывая шум, громыхнул голос Стриганова.— Молчанье!

И молчанье наступило. Все вдруг увидели в лице капитана что-то такое, отчего у каждого сжало сердце...

— Я согласен,— спокойно сказал Федор, обращаясь к Незнакомке.— Я — добровольно...

Он повернулся к нам.

— Прошу: никаких вопросов. Так надо...

— Федор!— я схватил его за руку.— Ты капитан и не имеешь права жертвовать собой ради... Ради чего?!

— Астронавигатор Волошин!— Голос капитана стал жестким.— Я знаю, что делаю... Ты остаешься пока за меня. Это приказ!

— Вы правильно поступили, Федор Стриганов,— одобрительно проговорила Незнакомка.— Для Абсолюта особенно ценно, что вы хороший специалист в области дискретного времени-пространства. Недавно генетические вихри ученого с таким же профилем пришли в негодность. При вызове в макромир он сошел с ума...

— И я займу его место?— с иронией спросил Федор.

Откуда он взял силы для иронии? Чудовищная, почти противоестественная выдержка была у этого человека!

— Да. Займете видное положение в вечных сферах,— ответила Незнакомка, явно довольная удачным исходом своей миссии.— С привилегированным правом автономного выхода в макромир, в мир вещества.

— А что будет с остальными членами экипажа?

— Если бы не было ни одного добровольца, Абсолют всех убил бы, изъяв генетическую информацию. Вероятней всего, всех ждала бы солдатская участь, а теперь у них есть еще время подумать и выбрать...

— Мы подумаем вместе,— сказал капитан.— И надеюсь, все сделают единственно возможный выбор... Мне дадут еще хотя бы час?

— Не знаю...— Незнакомка старалась не смотреть ему в глаза.— Сейчас вы должны пройти в свою каюту.

...Он так больше и не вышел оттуда. Когда мы взломали дверь, капитан лежал на постели и, казалось, спал. Но он был мертв. Разрушение генетической структуры — так определил Зиновский. Абсолют убил Федора, украв наследственный код и записав его в виде информационного клубка где-то там, в безбрежных песках... В тот же день мы похоронили капитана на краю лунного космодрома.

И там же, на мертвом, покрытом вековой пылью космодроме, я почувствовал прикосновение энергопояса.

Еще ничего не понимая, еще не зная, что через какие-то мгновения забуду обо всем, происшедшем со мной и моими товарищами, я изумленно глядел, как, вспыхнув огненной кисеей, стремительно развертывается неведомая капсула. Не догадывался, что избран для особой миссии. Сознание померкло, и очнулся я уже в Электронной эпохе...

НА ПОЛЮСАХ ЗЕМЛИ И ПОЛЮСАХ МИРОЗДАНИЯ

Проснувшись, я открыл глаза и затаил дыхание: из-за горизонта медленно выплывало огненное око чужого косматого солнца. Надо мной висел шар из синих листьев, скрепленных ветвями,— дерево без корней и ствола. Вопреки законам тяготения, оно парило в воздухе.

Где я? Неужели мои странствия не кончились и капсула занесла меня еще на одну неведомую планету?

Осторожно протянул руку и вместо травы или песка нащупал пушистый пластик постели. Вскочил на ноги и рассмеялся: я же на своей планете! На этом материке все необычно. Но пора бы привыкнуть: третий день я с Таней — теперь уже моей женой — живу в Антарктиде. Южный материк, закованный ранее в вековые льды, стал космическим музеем и заповедником инопланетной фауны и флоры. Часа через три искусственное кварковое солнце, полыхая зелеными гривами протуберанцев, поднимется к зениту и теплыми лучами зальет смущающий воображение растительный мир планетных систем Сириуса, Альфы Эридана, Тау Кита.

Быстро оделся и заглянул в наш «шалаш» — временный полупрозрачный домик, обставленный со спартанской простотой. Тани уже не было, но я знал, где ее искать. Раздвигая двухметровые листья, растущие прямо из земли, направился к небольшому водоему. Над ним густо сплелись кроны деревьев, сучья которых беспрерывно шевелились, как щупальца спрута.

На берегу увидел Таню. Лицо ее в полумраке экзотических зарослей озарялось разноцветными вспышками: она сидела в окружении мерцающих цветов.

— Что же ты,— с досадой обращалась она к своему питомцу, пылающему, как костер.— Хоть бы раз отозвался. Пятый день бьюсь над тобой, а ты ни звука...

У Тани своя мечта: вырастить такую разновидность инопланетных цветов, чтобы они не только светились, но и звучали. Она хотела составить из них полыхающий оркестр, который исполнял бы ее музыкальные произведения. Дело трудное, но не безнадежное: все растения с планетной системы Тау Кита очень чутки к радиоизлучению.

— Молчит?— спросил я, выходя из зарослей.

— Молчит,— с улыбкой, согнавшей недавнюю досаду, отозвалась Таня.— Но зато вот этот! Посмотри на него. Простой и скромный, величиной всего с ладонь. Но ты только послушай!

Она подошла к стоящему на треноге аппарату с решетчатой антенной наверху. Нажала несколько клавиш, и цветок отозвался на посланное в его сторону радиоизлучение. Световая гамма стала разнообразней, ярче и ритмичней. Мерцающие упругие лепестки затрепетали, и таинственные инопланетные джунгли наполнились такими мощными и красивыми органными звуками, что я вздрогнул от неожиданности.

— Это же здорово!..

Таня счастливо улыбнулась.

— А эти как?— показал я на крупное соцветие, взметнувшееся наподобие горящего фонтана.— Все так же?

— Все так же,— вздохнула она.— Все те же однообразно квакающие саксофонные звуки. Только не говори Ориону. Засмеет. Будет называть мои цветы жабами и лягушками.

— Кстати, Орион ждет нас. Как бы не опоздать.

Поблизости, в диковинном красном лесу, располагался научно-исследовательский институт со станцией вакуум-такси на крыше. Мы быстро собрались, и гиперлет в считанные секунды перекинул нас на берег Камы. Но как ни спешили, все же немного опоздали, и на наши приветствия Орион ответил грозным молчанием.

— Ваше счастье, что лекция откладывается на час,— проворчал он наконец.— Рассердился бы не на шутку.

— А ты способен и не на шутку?— подтрунивая, спросила Таня.

У одиноко возвышающейся на берегу причальной мачты толпилась очередь. Сегодня все спешили в одну сторону — на Северный полюс. В гигантском Северном Дворце дискуссий и зрелищ скоро начнется лекция под интригующим названием «Парадокс странника». Я уже

знал, что речь пойдет не столько о самих моих скитаниях по мирам и эпохам, сколько об осмыслении этих скитаний наукой, о новой картине мироздания, вырисовывающейся в еще неутихших жарких спорах физиков, философов, астрономов.

Мы не стали ждать свободного гиперлета. Сели в прозрачные вагоны скользящего поезда. Таня жаловалась брату:

— Ты представь, Орион. Сергей так толком и не рассказал, где же он побывал. Родной-то жене!.. Он усвоил твою отвратительную привычку мистифицировать.

Орион воспользовался случаем отомстить сестре. Изобразив на своем безнадежно добродушном лице жалкое подобие язвительной усмешки, сказал:

— Тебе все растолкуют на лекции. Она настолько наглядна, проста и популярна, что доступна даже твоему детски незрелому уму.

Поезд, набирая скорость, заскользил на невидимых магнитных опорах, возвышающихся над тайгой. По сторонам кружились, проплывая мимо, уральские ландшафты с городами и поселками. Стрелой ворвались в полосу Северного Урала. И так же стремительно, глотая пространство, поезд промчался дальше, оставив позади заснеженные вершины Денежкина Камня. Перед нами зеленым холмистым ковром расстилалась бывшая тундра. Полярное кварковое солнце согрело этот когда-то сумеречный край, и сейчас дети изучают его по учебникам под романтичным названием — Северные пампасы.

Полуостров Таймыр встретил нас зелеными купами дубовых рощ. Поезд остановился около Таймырского космодрома, который щетинился лесом ракет, иглами антенн и причальных мачт. Гиперлет мгновенно доставил нас на искусственный остров под Полярной звездой.

Я участвовал в монтаже подводного оборудования, но сам остров с пальмовыми и платановыми парками появился не так давно. В центре — внушительных размеров сплюснутый шар Северного Дворца. Сегодня он казался окруженным мерцающим ореолом: это беспрерывно искрились, озонируя воздух, острые вершины причальных мачт. Люди прибывали на гиперлетах со всех концов Земли, тонкими ручейками стекали по эскалаторам вниз, растворялись в аллеях и снова сливались потоками у входов Дворца.

Дворец вмещал двести тысяч зрителей. Но его хитро-

умная кибернетическая аппаратура имела еще десять миллиардов телемест. Каждый житель планеты, сидя в домашнем кресле, мог подключиться к Дворцу и чувствовать себя таким же зрителем, как и двести тысяч реально сидящих. Иллюзия присутствия почти полная.

Но главное чудо — сама лекция. Проводил ее не ученый, а сам Дворец-фантоматорий, этот сложнейший электронный организм.

Светящийся купол Дворца медленно погас и столь же незаметно и тихо растворился. Исчез полностью. Огромная чаша с рядами кресел очутилась под открытым небом. Изумрудное пятно кваркового солнца тускнело и наконец совсем растаяло. Солнце просто «выключили». Вверху на черном бархате засияла огненная роса: Малый Ковш с еле видимой Полярной звездой, вечно летящий Лебедь и сверкающая Вега.

И вдруг я услышал голос. Говорил, очевидно, сам Дворец-фантоматорий. Глубокий женский голос слышался ниоткуда и в то же время со всех сторон. Словно голос самого неба.

— Жители планеты Земля! Сидя в креслах, вы находитесь безраздельно в моей власти — иллюзорной, но могущественной. Вы совершите сейчас редкое по красоте и поучительности путешествие. Либо каждый в одиночку, либо вдвоем с другом или подругой. Для этого достаточно установить биоконтакт, взяв за руку соседа. Вы будете видеть только его и космос, слышать его голос и мой.

Незаметно сотни тысяч зрителей Дворца утонули во тьме. Их просто не стало. Я очутился в полнейшей изоляции. Лишь подлокотники моего кресла тускло серебрились под пепельным светом далеких миров, которые мерцали не только вверху, но и почему-то по бокам, вокруг. Наступило состояние невесомости, а затем ощущение полета. И тишина, великое безмолвие Вселенной.

Моей левой ладони коснулись длинные Танины пальцы. Наши руки встретились. Установился биоконтакт, и я увидел Таню, словно выхваченную из мрака сиянием звезд.

Таня взглянула вниз и слегка вскрикнула. Я тоже почувствовал холодок страха, увидев падающую куда-то Землю. Голубой шар с белыми хлопьями облаков стремительно уплывал из-под ног, уменьшаясь в размерах. Вскоре и само Солнце, окруженное хороводом искринок-

планет, показалось пылающим арбузом, а потом огненной горошиной. Нас окружала живая, кипящая звездами безграничность.

— Как хорошо! — прошептала Таня.— Мы одни во всей Вселенной!

Да, это было великолепное зрелище. Мы сидели в тепле, дышали воздухом и в то же время чувствовали: вокруг нас ледяная жуть безвоздушного пространства.

Мимо проплыли Магеллановы облака, и мы увидели со стороны, из далекой дали нашу Галактику — огромную звездную колесницу.

— Посмотрите кругом,— бархатный женский голос слышался рядом и в то же время, будто голос самой Вселенной, доносился из самых отдаленных сфер.— Вы видите миллиарды галактик. Все они составляют доступную обозрению Метагалактику, нашу Вселенную.

Держась за руки, мы с Таней по-прежнему парили в пространстве. Мимо проносились уже не звезды, а галактики в виде то огненных шаров, то закрученных серебряных спиралей. Неожиданно очутились за пределами Вселенной. Это, конечно, условность. Ни одно материальное тело не может покинуть свой континуум. Но зато мы могли со стороны наблюдать нашу Метагалактику. Вернее, одну из вероятных ее моделей — конечную во времени и пространстве. И в то же время безграничную, как безгранична поверхность шара.

— Вы видите Метагалактику, одну из форм бытия бесконечной материи. Что находится за ее пределами? Является ли она рядовым членом среди других метагалактик, которые составляют гиперметагалактику, или материя дальше существует в иных качественных состояниях? Наука об этом пока не знает. Как возникла Метагалактика, наша Вселенная? Вспомним слова ученого двадцатого века. Мыслима такая космологическая схема, говорил он, в которой Вселенная не только логически, но и физически возникает из ничто, притом при строгом соблюдении всех законов сохранения. Ничто (вакуум) выступает в качестве основной субстанции, первоосновы бытия *.

— Это была верная догадка,— продолжал голос.— Некоторые ученые того времени образно называли видимую Вселенную всего лишь мелкой рябью на поверхности не-

* Слова академика Г. И. Наана. (Примечание автора.)

ведомого вакуума. Но как представляли они рождение мира? Смотрите.

Перед нашими глазами Вселенная вдруг съежилась.

— Вы видите один сгусток сверхплотной материи без своей гравитационной противоположности. Этот сверхтяжелый первоатом взорвался миллиардами разбегающихся галактик. Так образовался наш пространственно-временной континуум, наша расширяющаяся Вселенная. Можем ли мы согласиться полностью с такой гипотезой? Нет. Это было бы странное мироздание — с одним континуумом без своего антипода. Это мир, где все со знаком плюс: течение времени положительное — от настоящего к будущему, все вещество и антивещество имеет один положительный гравитационный заряд. Такое мироздание было бы вопиющим нарушением симметрии и законов сохранения. В первую очередь закона сохранения гравитационного заряда. Вообразить только одну гравитационно-положительную материю, только один плюс-континуум так же нелепо, как представить правую сторону без левой, верх без низа, положительный электрический заряд без отрицательного. Электрон всегда рождается в паре с позитроном. Так же одновременно возникли из ничто положительно и отрицательно тяготеющие континуумы, не нарушая нулевого гравитационного баланса вакуума — этого океана нуль-материи. Мы сейчас немного больше знаем об этом океане. Давайте совершим путешествие в его глубины и будем присутствовать при гипотетическом, но более правдоподобном рождении миров.

Мы снова очутились в нашей Вселенной, в ее расширяющейся сфере, наполненной, как мешок горохом, галактиками. Пылающие миры стали меркнуть. И вот маяки Вселенной погасли совсем. Мы упали в черную бездну — в ту самую, в которую провалился наш корабль «Орел» во время черной аннигиляции. Ощущение для Тани настолько непривычное, что она в страхе прижалась ко мне.

Самой ее не видно: мы в стране черного безмолвия, где не было ни звездного сияния, ни одного кванта излучения. Перед нами иная Вселенная — не пылающая и мятежная, а умиротворенная, сбросившая оковы времени и пространства. Голос Дворца не утратил мелодичности, но, более низкий и глухой, чем раньше, доносился издали, будто из иного мира.

— Вы сейчас в глубине неизученного океана — вакуума. Раньше некоторые ученые предлагали считать его самодовлеющей пустотой, Великим Ничто. Мы не можем согласиться с такой точкой зрения. Нет, вакуум — особое состояние материи, недоступной нашим ощущениям. Так называемое Великое Ничто — конечный результат всех форм аннигиляции. В первую очередь гравитационной или, по счастливо найденному выражению одного из членов экипажа звездолета «Орел», черной аннигиляции. Вакуум — гравитационно аннигилированная, энергетически уравновешенная материя. Нуль-материя. Время и пространство приобретают там необычные качества. Академик Спотыкаев, например, находит, что время в вакууме теряет свое главное свойство — анизотропность, однонаправленность и становится парадоксально изотропным. Это и даст нам возможность в скором будущем совершать рейды во времени, используя в вакууме его изотропные, разнонаправленные потоки. Малоизученными, необычными свойствами вакуума люди научились пользоваться: мы мгновенно перемещаемся в гиперлетах, как бы соскальзывая из нашего пространственно-временного континуума. Куда? В нуль-континуум, нуль-пространство, гиперпространство. А теперь появились капсулы... Называйте вакуум как угодно, но это Великое Ничто есть Великое Все. Там происходят пока таинственные для нас материальные процессы, которые сопровождаются громадными энергетическими возмущениями и выбросами вещества. Они и приводят к рождению тяготеющих масс — к рождению миров. Не одной, а двух вселенных — в полном соответствии с законом сохранения гравитационных зарядов...

— Наконец-то,— вздохнул я с облегчением. Думаю, не одному мне надоело висеть в океане черного безмолвия, в этой нулевой жутковатой Вселенной, сбросившей цепи привычного порядка. Длинные теплые пальцы Тани подрагивали в моей руке: ей тоже не по себе. Неожиданно из густого и липкого мрака, точно в отсветах разгорающегося костра, возникло Танино лицо. Из глубин вакуумного океана, наливаясь светом, одновременно выплыли два сгустка протовещества. Один — с положительным гравитационным зарядом — для наглядности казался желтым. Другой — с отрицательной тяготеющей массой — выглядел голубым. Оба как бы внутри друг друга. И в то же время они не соприкасались и не взаимодейство-

вали, ибо каждый мгновенно замкнулся в свою скорлупу — в свой пространственно-временной континуум. В обоих континуумах возникло время, в каждом — свои, особые «часы». И стрелки космоса начали свой бег в противоположных направлениях.

Внезапно сгустки сверхплотной материи взорвались. Это были, конечно, беззвучные взрывы. Но создалось впечатление, что все мироздание содрогнулось от грохота. Осколки и брызги «проатомов» разлетались во все стороны, расширяя пузыри пространства. Каждый осколок — протогалактика. Они, в свою очередь, расплескивались, образуя шаровые, сплюснутые и спирально закрученные галактики из миллиардов звезд-росинок.

Две вселенные — желтая и голубая,— не соприкасаясь и одновременно «пронизывая» друг друга, расширялись. Так на энергетически (гравитационно) противоположных полюсах мироздания появились два континуума-антипода.

Зрители Дворца находились как бы на границе двух миров. Склонившись к Тане, я шепотом объяснил, что это сильное упрощение: ни одно материальное тело не может пребывать сразу в двух континуумах, в двух измерениях. То же самое сказал и голос Дворца:

— Такая система координат, конечно, невозможна. Займем философски допустимую точку наблюдения. Например, в желтом мире, считая его нашим, имеющим положительную гравитацию. Не будем, однако, упускать из виду другую Вселенную.

Желтые галактики и звезды засверкали ярче, а голубые фонари «потустороннего» мира чуть потускнели, но были хорошо заметны.

— Что это?— удивилась Таня.— Я слышала об этом, но не знала, что все будет так странно.

«Наше» пространство расширялось, желтые галактики, как и полагалось, разлетались во все стороны. Но вот «тот» мир... Его галактики, как голубые мотыльки, слетались к единому центру. Противоположная по гравитации Метагалактика съеживалась, как проколотый резиновый шар. Рядом проплывали отдельные звезды, и мы видели парадоксальную картину: голубые солнца не испускали лучи, а наоборот — поглощали их. На выхваченных из тьмы и показанных крупным планом планетах реки бежали вспять, невиданные животные пятились задом наперед. Все материальные процессы протекали там в

обратную сторону. Даже водопады, ощупывая скалистую крутизну, взбирались наверх.

— Из своего континуума вы наблюдаете необычные вещи,— продолжал умолкший на минуту голос.— Энергия звезд не рассеивается, а концентрируется, галактики сжимаются. Иными словами, поток времени течет в другую сторону — от будущего через настоящее в прошлое. Так ли это на самом деле? Сменим систему отсчета, вообразим себя разумными обитателями того мира. Предположим, что они обладают нашим даром проникать взором сквозь черную пелену вакуума. Что бы они увидели?

Желтые огни нашего континуума потускнели, словно подернувшись пеплом. Зато другая Вселенная засияла во всем своем волшебном блеске. И тут мы обнаружили, что она не сжимается, как это было минуту назад, а расширяется, развертывая свои голубые цветы — галактики. И время потекло нормально — от настоящего к будущему. Но наш мир, который мы только что покинули, сжимался. Желтые солнца, подметая пространство, всасывали в себя рассеянную в нем лучистую энергию. Нам показали удивительную планету, похожую на Землю. Дожди там лились от высыхающей почвы к облакам, которые разбухали, насыщаясь влагой. А действующий вулкан ошеломил нас. Мы видели, можно сказать, антиизвержение. Вулкан взрывоподобно втягивал своим жерлом, как жадным ртом, расплавленную магму и рассеянный в небе пепел.

Вот наши кресла качнулись, сделав рывок в сторону. Мы вернулись в «свой» мир, и все встало на прежние места.

— Итак,— зазвучал голос неба,— каждый наблюдатель в своем мире, в своей системе отсчета будет утверждать, что его Вселенная развивается во времени нормально, а противоположная — в обратном порядке. Кто из них прав? Оба правы и оба неправы. Земной житель, наблюдая за космическим кораблем, пролетающим мимо с околосветовой скоростью, заметит, что время там течет в два раза медленнее, а сам корабль сжался с двухсот метров до ста. Нет, возразит космонавт, с пространством и временем у меня все в порядке, а вот у вас, на Земле, пространственные интервалы сократились вдвое, а бег секунд замедлился. Кто из них прав? Вы знаете теорию относительности и понимаете, что вопрос этот бессмыслен. Приведем еще более грубую, но весьма наглядную

аналогию. Вы недавно стояли на искусственном Северном острове. Если бы вы могли видеть сквозь толщу Земли, как сейчас сквозь вакуум, то обнаружили бы, что жители Антарктиды по отношению к нам ходят вверх ногами и что дожди там льют снизу вверх. Нет, возразили бы южане, это вы передвигаетесь вверх ногами, а не мы. Кто прав? Вы сами без труда ответите на этот вопрос.

Таким образом, каждый мир сам по себе расширяется, развивается по второму началу термодинамики, по закону возрастания энтропии. Но по отношению друг к другу, находясь на противостоящих гравитационных полюсах мироздания, они сжимаются, развиваясь по принципу не рассеяния, а концентрации энергии. Они взаимно антиэнтропийны. Кто знает, может быть, здесь надо искать ответ на вопрос, так смущавший ученых двадцатого века? Может быть, отсюда идет спасение от «тепловой смерти» Вселенной? Миры-антиподы, видимо, как-то взаимодействуют, энергетически поддерживают друг друга, соблюдая закон сохранения энтропии. Материальные процессы в них протекают во встречном времени. То, что для нас было вчера, для них будет только завтра. Поэтому обе вселенные некоммуникабельны, неощутимы и невидимы друг для друга. Может быть, сейчас рядом с нами, даже внутри нас, проплывают пылающие солнца или населенные планеты. И в то же время оба мира неизмеримо далеки, разделенные беспросветным океаном вакуума. Обе вселенные составляют две половинки, два энергетических полюса единого мироздания, состоящего из трех континуумов. Причем нуль-континуум, вакуум — главный, первооснова всего.

Рассказ о симметричной структуре мироздания закончился. Дворец-фантоматорий приступил ко второй части лекции. Он показал десяти миллиардам зрителей странствия звездолета «Орел». У меня защемило в груди, когда увидел знакомые очертания родного корабля. В космосе он выглядел крохотной рыбешкой. Корабль несся в черном аквариуме Вселенной, мимо серебряными пузырьками проплывали звезды. Сейчас я со стороны мог наблюдать неудавшуюся попытку избавиться от выгоревшего топлива — свинцового шара, который после утечки положительных гравитонов стал чужаком в нашем континууме, телом из минус-материи. Пространство всколыхнулось от беззвучного взрыва черной аннигиляции. Имитация катастрофы — идеальная. Мы увидели пугающий

разрыв пространства. Воронкой взрыва звездолет «Орел» всосало в бездонный океан вакуума. В круговороте нуль-материи корабль вместе с экипажем получил отрицательный гравитационный заряд и был выброшен на другой полюс мироздания — в минус-континуум.

— Конечно, такой способ перехода в другой континуум весьма рискован,— произнес голос.— Корабль, например, мог вынырнуть в центре звезды и сгореть в ее атомном котле... Космонавтам неслыханно повезло. Их выкинуло в минус-галактику. По воле случая она структурно напоминала нашу спиральную Галактику. Более того, они попали в тот рукав минус-галактики, где взаимное расположение светил отчасти походило на звездную конфигурацию нашего неба. Поэтому у членов экипажа не было и тени сомнения, что они у себя, в своей области Вселенной. Недавно наши гиперзвездолеты через нуль-континуум просочились в другую Вселенную, в ту же область. Гиперастронавты познакомились с таисянами, на планете которых побывали наши предшественники — экипаж корабля «Орел». Подружились мы и со своими братьями по биологической расе и социальному устройству — жителями планеты Аир. Но речь сейчас о ее враждебной соседке — планете Харде.

Дальше Дворец говорил о моих странствиях и причинах технологического коллапса. Я не буду подробно излагать мнения земных ученых, так как они совпадали со взглядами нашего капитана. Причины гибели, информационного свертывания цивилизации в основном социальные, хотя не следует забывать и о других факторах. Явление это, как и гибель цивилизаций в результате ядерной войны, чрезвычайно редкое. В нашем континууме только одна планета Глория, отстоящая от Земли на тысячи светолет, попала в подобный технологический капкан.

Лекция по космологии и космосоциологии сопровождалась волшебным зрелищем. Мы забывали, что все это фантоматическое представление Дворца. Временами я терял ощущение кресла под собой. Было этакое свободное парение вдвоем в межзвездных просторах.

Лекция завершилась торжественно, а для нас с Орионом весьма неожиданно.

— Наше путешествие подходит к концу,— заговорила Вселенная бархатным голосом Дворца.— Сейчас отправимся в свой континуум, на родную планету. Будем ле-

теть сквозь миры под звуки симфонической поэмы композитора Татьяны Кудриной «Из звездных странствий».

Я с изумлением и укором взглянул на жену.

— И ты молчала?

— Это в отместку за ваши мистификации,— улыбнулась Таня.

— Орион знает?

Моя правая кисть очутилась в необъятной ладони Ориона. Установился биоконтакт справа, из тьмы выступила могучая фигура моего соседа.

Нет, Орион ничего не знал. Это было видно по его свирепо сдвинутым бровям. Посеребренный звездным сиянием, он выглядел на темном фоне неба разгневанным космическим богом. Орион взмахнул кулаком и прогремел на всю Вселенную:

— Татьяна! Ну подожди...

Он отпустил мою руку и исчез в пустоте. Явление из мрака «грозного» Ориона было столь внезапным и комичным, что мы расхохотались.

В этот момент Вселенная чуть всколыхнулась. Седые лучи ее светил завибрировали и запели, как струны. Непривычная, странная мелодия иного мира... Сначала нежная и приветливая, она постепенно насыщалась звуками пугающей окраски — начался переход в великий нуль-континуум. Звезды потускнели. Серьезное, чуть напряженное лицо Тани — творца этой необычной поэмы — обволакивалось тьмой. Под нарастающий грохот, от которого замирало в груди, мы упали в черную бездну. И тут все оборвалось. Тишина казалась безраздельной. Но вот из бескрайнего океана нуль-материи, из его немыслимых глубин послышались отдаленные барабанные удары. Могло показаться сначала, что «вакуумная» часть поэмы была без светового сопровождения. Но это не так. Мне почудилось, что во мраке скользнула еще более черная тень — тень Непознаваемого. В моем воображении непознаваемое — а точнее, пока непознанное — рисовалось почему-то в виде неведомого черного всадника, скачущего по железной крыше мироздания. Повелительные удары, как топот чугунных копыт, рушились со всех сторон. Гул прокатывался по вакуумному океану и колыхал его. Он вызывал картины непонятных возмущений нуль-материи, энергетических флуктуаций и выбросов вещества. В неизученном, неподвластном человеку нуль-континууме все волнуется и движется. И сверкающие звезд-

ные миры не более чем мимолетный блеск и трепет его волн. Здесь все рождается, выплывая на противоположные гравитационные полюса, какое-то время живет и умирает, вновь стекая в вечный океан. И снова рождается. И так без конца и без начала...

Как все верно и как все немножко жутковато! Я тихо сказал об этом Тане.

— Подожди,— послышался слева ее шепот.— По контрасту все остальное — сплошная песня радости.

В музыкальную ткань вплетались иные тона. Пугающий гул затихал. Неведомый всадник удалялся вместе с тревожным рокотом копыт. Мы выплывали из вакуума в свой континуум. В вековой тьме слабо замерцали светлячки, затем звезды нашей Вселенной засверкали в полную силу. Словно радуясь своему рождению, они вздрогнули и зазвенели колокольчиками, запели их струнные лучи. На нас обрушился каскад торжественных, медно-звенящих звуков. Обогащая музыку, космос развертывал свою величественную иллюминацию. Несколько условный и театральный, он шевелился как живой полыхал всеми цветами радуги.

Не знаю, на сюжет какого литературного произведения написана светосимфоническая поэма, но программность музыки чувствовалась хорошо. Мне не составило особого труда вообразить себя гиперастронавтом, возвращающимся домой. Путь экипажа не был беспечальным. Врывались грозные ноты, и на нас накатывала волна тревоги, подступало ощущение смертельной опасности. Под минорные звуки, под их задумчивые и протяжные переливы, похожие на рыдания, хоронили погибших товарищей.

Но вот мы снова мчимся по великой галактической дороге, по тому звездному рукаву, в котором находится наше Солнце. Все печали таяли в лучезарных аккордах. Мы летели под гром сталкивающихся метеоров, под нежный шелест хвостатых комет и трубные зовы планет. Даже в искрящихся волокнистых туманностях пели скрипки и виолончели. Это была песня победы разума и над черной стихией вакуума, и над огненным безумием звездных потоков. Лишь изредка там, где-то вдали, прокатывались глухие тревожные рокоты — напоминание о том, что все трудности познания и борьбы еще впереди. Это отзвуки вечности, отзвуки того таинственного океана нуль-материи, откуда появляются и куда вновь стекают все реки жизни и света.

10 Заказ 128

А звуки то росли, то утихали. Они сплетались между собой как лианы и рассыпались звонкими каплями дождя. Вдруг звездный фейерверк взорвался, разбрызгивая каскады торжествующих аккордов. И я с радостью увидел Солнце, родную планету. Она ближе и ближе. Мои ноги погружаются в вату облаков. Легкий толчок приземления, и я очутился вместе со всеми зрителями в раскрытой, как циклопический цветок, чаше Дворца. Над нами искрились знакомые с детства северные созвездия.

Финал светомузыкальной поэмы... Трудно, почти невозможно передать его словами. На темном небе заполыхало вызванное лазерными лучами северное сияние. Огромные радужные полотнища развевались и трепетали, как флаги. Семицветные струны сияния тянулись вниз и вибрировали. И в этих струнах, приветствуя прибывших астронавтов, звенели ветры земных просторов, гремели водопады горных рек, шелестела листва прохладных лесов.

Полотнища северного сияния свернулись и потухли. Из-за горизонта выплывало, гася звезды, зеленое кварковое солнце. Зазвучала мелодия рассвета — нежная, как прикосновение проснувшегося ветерка, тихая, как шорох падающей росы...

Дворец-фантоматорий выполнил свою программу. Его купол сомкнулся. Все встали и аплодировали, довольные сказочной лекцией-путешествием, этим удивительным фантоматическим представлением, особенно заключительной частью — звездно-симфонической поэмой. Какая-то женщина в соседнем ряду узнала Таню. Она протянула в нашу сторону руки и крикнула:

— Автору музыкальной поэмы!

Новый обвал аплодисментов. Таня, притихшая и растерянная, дергала меня за рукав и шептала, не поднимая ресниц:

— Уйдем отсюда... Скорее...

Рядом — радиальный коридор. Мы первыми встали на движущуюся ленту эскалатора и вскоре затерялись в густой платановой роще, примыкавшей к Дворцу.

— Слушай, Таня,— улыбнулся я и напомнил ее же слова:— Ты усвоила у своего брата отвратительную привычку мистифицировать и разыгрывать. Почему умолчала о заключительной части лекции? О своей поэме?

В ответ Таня, снова дернув меня за рукав, заговорила:

— Скорей в Антарктиду... На другой полюс. А то взорвусь от счастья, как тот космический сгусток протовещества.

ЗВЕЗДНЫЕ БЕРЕГА

А три месяца спустя мы с Орионом попрощались с Таней на космодроме, у циклопического строя кораблей, которым предстоял прыжок за грань нашего мира, в зазвездные сферы.

Наш крейсер летел впереди. Передо мной светился пульт минус-перехода. На жаргоне членов экипажа я — «минус-навигатор». За соседним пультом — мой друг «нуль-навигатор» Орион. Нуль-навигация требует больших знаний, опыта и молниеносной реакции. Таня немало подивилась бы, узнав, что ее брат обладает всеми этими качествами. С виду медлительный, в пилотском комбинезоне и впрямь похожий на медведя, Орион в нужную минуту обнаруживал завидную смекалку и стремительность.

— Нуль-переход! — услышал я команду.

Все мое внимание сосредоточилось на приборах и носовой части крейсера, куда стягивались линии силового напряжения. Вокруг корабля заструилось голубоватое фотонное облако. Я повернул верньер, и в облако начали вплетаться нити тахионного излучения. Корабль медленно, как старинная подводная лодка, погружался в вакуумный океан. Звезды меркли, точно угли угасающего костра. Когда приборы показывали пятьдесят процентов фотонного напряжения и пятьдесят тахионного, светила нашего континуума погасли совсем. Нас обступила кромешная тьма и безмолвие Великого Ничто. Нуль-навигация, поиск точки выхода в другом континууме, — самый ответственный момент. В вакуумном океане свои штормы и штили, подводные скалы и гравитационные водовороты. Малейшая неточность, и мы могли при всплытии напороться на какую-нибудь звезду и сгореть в ее пекле.

Но Орион справился со своей задачей блестяще.

— Минус-переход! — подал команду капитан.

Я усилил тахионное напряжение, и корабль осторожно подошел к границам другого мира. Предупреждающе завыли сирены: началась перестройка материи корабля и наших организмов в минус-материю.

Очнувшись, мы будто сквозь пелену увидели выступающие из мглы светила. Наш крейсер выплыл из океана нуль-материи и причалил к другому берегу мироздания.

Командующий эскадрой болгарин Арнольд Арнаудов устроил смотр. Потерь не было. На экране я видел, как капитаны кораблей по очереди рапортовали Арнаудову, который находился на нашем, головном крейсере. В экипаже третьего корабля я заметил Алешу Потапова — самого молодого участника экспедиции.

Обитателей планеты Аир — точно таких же людей, как и мы,— я впервые увидел на их гигантском космодроме. Здесь встретились мы и с таисянами — уже знакомыми мне порхающими жителями планеты Таиса. Их боевой флот готовился к старту на другом конце космодрома. Мы не стали ждать, когда прибудут звездолеты отдаленных цивилизаций. Корабли трех планет и без того обладали мощными средствами нападения и защиты.

Расстояние до пиратской планеты Харды — двадцать световых лет — объединенный флот преодолел в два гиперскачка. Это напомнило мне поход старинных подводных лодок: погружение в Великое Ничто и скачок в десять светолет, затем всплытие на звездную поверхность для ориентировки и новое погружение с очередным прыжком. Каких-нибудь двадцать часов, и мы у цели — вблизи системы, похожей на Солнечную.

Харда встретила тысячами самовзрывающихся снарядов, выскочивших, очевидно, из необъятных информационных кладовых пустыни. Но эти беспилотные космические аппараты легко истреблялись лазерными лучами и отгонялись защитными полями. Однако один из крейсеров по непонятной причине приблизился к силовой сфере и был захвачен взметнувшимся голубым протуберанцем. Мы увидели ослепительную вспышку. Вероятно, один из членов экипажа сумел взорвать крейсер. К моему великому горю, это был тот самый корабль, на котором находился Алеша Потапов.

Арнаудов приказал отвести корабль подальше. Тогда Абсолют решил вступить в переговоры. На кораблях начали появляться его парламентеры — ожившие символы Вечной Гармонии. На нашем крейсере я видел трех таких посланцев — весьма невзрачных субъектов. Они пытались что-то объяснить, но ничего невозможно было понять — видимо, сказывалось расстояние: мы основательно удалились от Харды.

Я сидел рядом с Арнаудовым, когда засветился экран внешней связи: нас хотел видеть Эрнун, командующий аирянским флотом. Умные глаза аирянина светились лукавством.

— Ну как вам нравится Абсолют в роли дипломата?

Посерьезнев, Эрнун продолжал:

— Наш дешифратор сумел перевести лепет одного из посланцев. От имени Абсолюта он предложил нам выслать на Харду парламентера. В защитной сфере засветится фиолетовое пятно, своего рода временная «дверца» для одноместного корабля. Место встречи — статуя Генератора. Та, около которой застрял тогда вездеход пленных звездолетчиков...

— Согласен быть парламентером! — воскликнул я, вскочив на ноги.— Знаю это место!..

— Не горячись, Сергей,— сказал Арнаудов и, положив руку мне на плечо, насильно усадил в кресло.— Дело очень сомнительное. Нет никаких гарантий, что парламентеру удастся вернуться...

— И в то же время соблазнительно,— проговорил на экране аирянин.— Нам необходимо кое-что разведать.

Арнаудов встал и принялся мерить шагами каюту.

— Можно испробовать один вариант,— произнес он после долгого молчания.— Пусть Сергей Волошин готовится к экспедиции. А мы кое-что обсудим с кибернетиками...

...И вот настал этот миг. В маленькой одноместной ракете я устремился к засветившейся в защитной сфере фиолетовой «дверце». Ощущение было такое, будто ныряешь в прорубь с ледяной водой. На моих глазах прорубь «замерзала», затягивалась панцирем силового поля. Но я успел проскочить. Дыра закрылась, фиолетовая рябь в защитной сфере погасла.

Моя юркая ракета облетела планету — спутницу Харды, которую мы раньше приняли за Луну. Черным обгоревшим лесом мелькнули руины города. Вот и космодром. На его пыльной поверхности все так же стоял наш звездолет «Орел». Рядом заметил короткие рубиновые вспышки — вечный огонь на могиле капитана.

Потом я повернул к Харде и два раза облетел ее. Долго кружил над огромным материком, выискивая гранитную платформу, на которой когда-то мы совершили посадку. Нашел ее и приземлился.

Открыл люк. Передо мной расстилался все тот же унылый ландшафт. Впереди — статуя Генератора и скособоченный скелет здания. Позади, как зубы хищного ящера, белели вытянутые грядой скалы.

Как встретит меня пустыня? Она может оглушить песчаными бурями и смерчами, которые, очевидно, сопровождают какие-то процессы в суперэлектронном мозгу Абсолюта.

Опасения мои как будто сбывались. Потянулись шелестящие волокна песчаной поземки. Закурились верхушки барханов. Извиваясь, как удав, к небу вытянулся километровой высоты смерч. Но его крутящийся столб, звеня мириадами песчинок, рухнул как подкошенный. Пустыня присмирела, залегла неподвижным пластом.

Я спустился вниз и направился в сторону статуи. Под ногами поскрипывал и шуршал песок. Невольно поежился: сейчас, когда я все знал о Вечной Гармонии, это траурное шуршание звучало как шепот погибших душ, упакованных в песчинки-ячейки.

В десяти шагах я заметил беззвучно возникшую шеренгу солдат. Около сотни марионеток стояли двумя рядами и тупо взирали на меня. На их плечах поблескивали ружья. Я повернулся к ним спиной и пошел к статуе.

Солдаты, гулко печатая шаг, направились в ту же сторону.

«Почетный эскорт»,— усмехнулся я. Однако по спине невольно поползли мурашки.

Когда статуя Генератора черной тенью нависла надо мной, символы остановились.

Вскинув правые руки вверх, они дважды прокричали: «Ха-хай!» и погасли. В песчаной пустыне остались лишь четкие линии следов.

Я стал ждать «автономного» слугу властелина Харды. Почему-то надеялся, что это будет Незнакомка, наша прежняя собеседница, и от нее я смогу узнать о судьбе своих товарищей. Но вдруг... От неожиданности я вздрогнул. Передо мной возник Хабор! На нем был все тот же крикливый костюм из синтетики — одежда Электронной эпохи.

— Га! Га! Провокатор!— ухмыльнулся Хабор.

Спохватившись, он опасливо взглянул на статую, вскинул правую руку вверх и усердно прокричал:

— Ха-хай! Ха-хай!

Потом повернулся ко мне.

— Давненько, давненько мы не виделись! Что ж, давай посидим, побеседуем, как в былые времена. Где посидим? Ну, за этим дело не станет...

Рядом с нами появился круглый столик, точь-в-точь такой, какие я видел в увеселительных заведениях супергорода. Возникли и два удобных кресла.

— Я смотрю, ты прямо вездесущий,— проговорил я, опускаясь на мягкое сиденье.

— Да, Абсолют даровал мне самые устойчивые вихри,— с гордостью кивнул Хабор и тоже сел.— Там, в Электронной эпохе, я резидент Великого, а сюда меня вызывают для особо важных поручений. Как вот сейчас... Мало кто из слуг пользуется таким доверием Абсолюта. Уже не говоря о том, что я — один из полководцев Армии вторжения. В любую минуту могу принимать парад. Хочешь полюбоваться?

Он взмахнул рукой, и из несметных песчинок пустыни выскочили солдаты. Их было, наверно, миллион. От чугунного топота задрожала почва. Словно одно многоногое, многоголовое чудовище двигалось по пустыне. Вот первые шеренги, приблизившись к статуе, вздернули правые руки, раскрыли рты...

Я заткнул уши, не желая слышать верноподданнический вопль. Хабор усмехнулся, что-то негромко произнес — и символы послушно погасли.

— Ну как дисциплинка?— взглянул он на меня.— Если бы ты был поумнее, мог бы занять в Вечной Гармонии почти такое же положение, как я. Впрочем, и сейчас еще не поздно. Если ты нам поможешь...

— Ближе к делу!— перебил я.— Меня прислали сюда не для того, чтобы заниматься пустой болтовней.

— Какая деловитость!— насмешливо восхитился Хабор.— Что ж, парламентер, можешь передать своему командующему, что Абсолюту не страшны все ваши армады. Броня Харды непробиваема. Однако Великий искренне желает мира, и, если вы прекратите тщетный штурм и повернете корабли обратно, он готов поделиться с вами некоторыми своими техническими достижениями... Лети, парламентер, и поскорей возвращайся с ответом. Я буду ждать на этом самом месте.

— Мне незачем лететь за ответом,— я встал, глядя прямо в глаза Хабору.— Ответ здесь, со мной. И он состоит из одного короткого слова: нет! Мы не снимем

осаду. И не прекратим борьбу до тех пор, пока не взломаем вашу хваленую скорлупу и не сокрушим Абсолют со всем его проклятым машинным царством.

— А ты не боишься за свои косточки!— почти ласково осведомился Хабор.— Ну-ка, испытаем их на прочность...

Невыносимая боль пронзила позвоночник, в глазах потемнело — и я очнулся... в корабле перед пультом. Надо мной склонился врач, рядом стоял Арнаудов. В открытую дверь заглядывал встревоженный Орион.

— Все в порядке,— выпрямился врач.— Небольшой шок. Сергей слишком вжился в свою роль.

И я сразу все вспомнил. Именно вспомнил, потому что не просто дистанционно управлял из корабля своей биокопией, а фактически слился с ней. Все, что происходило с моим кибер-двойником там, на Харде, как бы происходило и со мной...

Осада была долгой. Не раз наши корабли пытались прорвать защитную сферу Абсолюта, но в конце концов стало ясно, что пока нам это не под силу. Тогда мы натянули вокруг брони Харды свою мощную изолирующую сферу. Колоссальная энергия для ее поддержания поступала от ближайшей одинокой звезды по проделанному нами вакуум-каналу. Абсолют был блокирован прочно и надолго. Его пространственно-временные экспансии стали невозможны.

Когда-нибудь, когда мы станем сильнее, наши корабли еще вернутся к Харде. Я верю: рано или поздно мы сумеем разгромить враждебное всему живому кибернетическое логово Абсолюта. Быть может, тогда я узнаю наконец о судьбе моих товарищей...

Земная эскадра еще немало дней гостила на планете Аир. Затем начался обратный путь домой. Наши вакуум-корабли перевалили через нуль-континуум и выплыли к другому берегу мироздания, в свою звездную Вселенную.

ПОЮЩИЕ ЛУГА

Вместо эпилога

С высоты десятого этажа смотрю на холмистые поля и леса, на синеющие вдали пологие Уральские горы и не перестаю удивляться контрастам последних двух лет мо-

ей жизни. Кажется, только вчера я был в страшной пустыне Харды, видел шествие мертвых символов, выскакивающих из песчаных информационных хранилищ. А сейчас сижу на увитой зеленью веранде трехсотэтажного дома-города. Сужающийся кверху и похожий на гигантскую елку, город-сад медленно вращался, равномерно подставляя солнцу свои бока.

Та сторона города, где находится наша квартира, незаметно поворачивалась к югу. Солнечные лучи, проткнув подрагивающую листву, упали на стол и рисовали меняющиеся причудливые узоры. Шмель, чудом залетевший с полей на десятый этаж и дремотным гулом нарушивший тишину, уселся на невзрачный цветок. Раскачав его, опять загудел и тяжело переплыл на соседний цветок. Снова тишина... И не верится, что совсем недавно надсадно выли корабельные сирены, кроваво вспыхивали аварийные лампочки: наш обратный переход не был таким уж гладким. Погиб еще один вакуум-корабль, утонул в неизмеримых пучинах нуль-континуума. Вероятно, у него погасло поле хронозащиты. Корабль, как скорлупку, подхватили разнонаправленные потоки времени и, видимо, занесли в прошлое. В очень далекое прошлое. Быть может, в пору огненно клокочущей юности Вселенной...

Земля торжественно встречала эскадру, хотя мы принесли не только радость успеха, но и горечь потерь.

Миллиарды жителей Земли, Луны, Венеры и Марса видели на экранах, как эскадра, погасив фотонные двигатели, медленно опускалась на гравитационных платформах. На Камчатском космодроме находились только семьи астронавтов.

Ориона встретила Инга и шестилетняя Настя с неизменным букетом в руках. Увидев цветы, «варварски» сорванные на примыкающих к космодрому полях, Орион только крякнул, поморщился, но ничего не сказал.

Таня приникла головой к моему плечу. Потом, протянув руку, облегченно вздохнула:

— Ну, здравствуй, странник! Звездный скиталец!

А вечером она пригласила в Антарктиду наших общих друзей — гиперастронавтов. Гостей набралось около полусотни. Они разместились на берегу небольшого пруда. На противоположном берегу, метрах в пятнадцати от нас, склонились над водой Танины инопланетные питомцы. Кварковое солнце угасало, и в таинственных

полярных сумерках светящиеся цветы переливались, окрашивая водную гладь колыхающимся семицветьем радуги. Зрелище великолепное. Но то, что мы услышали, превзошло все ожидания.

Гибкие пальцы Тани забегали по клавишам аппарата, излучающего радиоволны. Многокрасочная пульсация непривычно огромных цветов, вначале хаотичная, приобрела стройность и ритм. А в затрепетавших лепестках зазвучали тихие рассветы, шорохи трав, гул сумеречных лесов. Загрохотали морские бури, и словно на невидимых крыльях мелодии мы унеслись в космос. Мы слышали то волнующие, как ветер, земные легенды, то шелест иных планет, летящих в звездных пространствах...

А цветы полыхали, бросая на лица слушателей багровые, синие, зеленые отсветы.

Счастливая Таня принимала поздравления и благодарности за столь яркое и необычное светомузыкальное представление. Даже Орион, настроенный вначале весьма иронически, удивленно хмыкнул и снисходительно потрепал сестру по плечу.

— Молодец! Твои лягушки не подвели.

Спустя месяц после концерта в Антарктиде мы совершили туристский поход. О нем мы договорились давно. Мы — это Вега с Патриком, я с Таней и Орион, взявший жену и Настю.

Поход начали на Южном Урале, с горы Ильменьтау. Лишь изредка пересекали густонаселенные места в вагонах скользящих поездов.

На седьмой день пути, когда солнце катилось к закату, мы поднялись на знакомую гору с лысой вершиной — место нашей первой встречи. Здесь я предложил спутникам сходить в гости к Эридану Потапову.

— Какой Потапов? — спросил Орион.— Случайно не родственник погибшего Алеши Потапова?

— Это его отец.

Вскоре мы расположились на поляне перед хижиной. Я уже знал, что мое прежнее обиталище стало временной резиденцией Эридана, покинувшего свой городской дом. Горе люди переносят по-разному. Видимо, Потапову легче было здесь, в лесном уединении.

Лесничий появился минут через десять. Он бесшумно посадил свою гравиплощадку рядом с нашими палатками.

Две недели не видел я Потапова. И сейчас с облегчением отметил, что этот мужественный человек в утеше-

ниях не нуждался. Когда мы извинились за непрошеное вторжение, его губы, казалось навсегда скорбно закаменевшие, тронула смущенная улыбка.

— Только рад гостям,— сказал он.— Я вам на ночь сделаю неугасающий огонь древних уральских охотников — подью.

Наступил вечер. В сумерках вершины гор и зубчатые очертания леса смягчились и напоминали романтические гравюры из старинных книг. На поляне заплясало пламя. Раскрасневшаяся Настя бегала в лес за сухими ветками и подкладывала их в костер, с наслаждением вдыхая горький дым.

Мне всегда нравились уютные вечера около костра, в кругу близких друзей. А сегодняшний вечер для Тани, да и для всех нас особенный. Днем, в час передачи важных известий, мы включили походный телеэкран и услышали новость: Таня — лауреат Солнечной системы. Ее симфоническая поэма «Из звездных странствий» признана лучшим музыкальным произведением года.

Поэма вызвала споры. Оказывается, не одному мне в беспросветном и неизученном океане нуль-материи почудилась мелькнувшая тень — тень Непознаваемого. Только разным людям явилась эта тень в разных конкретных образах. Мне она представилась, например, в виде неведомого черного всадника, с тревожным рокотом скачущего во мраке вакуума.

У вечернего костра первым заговорил о поэме Орион.

— А поэма все-таки того... Мрачновата,— сказал он.

— Категорически против такого мнения,— возразила Вега.— Напрасно нападаешь на сестру. Первая часть поэмы говорит лишь о том, что все трудности познания еще впереди. А по закону контраста все остальные части звучат особенно победно и радостно.

— Мне тоже кажется, что серьезное искусство не должно быть слащавым,— поддержал я Вегу.

— Мне тоже,— решительно заявила Инга.

— Я-то что... Я согласен,— сдавался Орион, отмахиваясь от нас руками.— Я говорю для ее же пользы. Посмотрите на Татьяну. Она сияет, раздуваясь от тщеславия.

— Вполне объяснимая радость, а не тщеславие.

— Как бы не так,— не унимался Орион, желавший во что бы то ни стало поиронизировать над сестрой.— Посмотрели бы, как в подобных случаях она вертится

в своем пенелоновом платье. К сожалению, сегодня мы лишимся этого пышного зрелища. Она ничего не знала и платье не прихватила.

— А вот возьму и надену,— рассмеялась Таня.— Смотри!

Она вытащила из кармана походной куртки клубок не больше теннисного мяча. Подбросила его вверх, и клубок в воздухе развернулся в искрящееся платье, отливающее холодным фиолетовым пламенем. Настя прыгала от восторга и бережно расправляла звездное полотнище.

Все хохотали до слез, глядя на заморгавшего от неожиданности Ориона. Даже Эридан улыбнулся.

— Ты смотри,— бормотал Орион.— Предусмотрела...

Таня ушла в палатку переодеваться.

Костер угасал. Но Эридан вместо него соорудил нодью из двух сухих бревен. Обращенные друг к другу тлеющими боками, бревна багрово светились и разливали вокруг домашнее тепло. Мы потом всю ночь спали у нодьи, как около печки.

Костер почти погас. На тлеющих углях плясали голубые мотыльки. Нодья источала тепло и приглушенный свет. В это время из палатки вышла Таня в своем удивительном платье, в котором то переливались земные туманы, то колыхался звездный блеск.

— Гм,— бормотнул Орион, стараясь придать голосу иронию.— Ты похожа на эту... На странствующую звездную принцессу, ступившую на грешную Землю.

В голубоватых отсветах звездного платья лицо Тани выглядело непривычно белым, а волосы — черными, как ночь, и она снова напомнила мне другую женщину из иного мира... Как они все-таки похожи, и как непохожи их жизни! Два мира — две судьбы... С трагически одинокой Элорой у меня связываются страшные образы города Электронного Дьявола и тотальной пустыни Вечной Гармонии. А когда думаю о Тане, перед глазами развертывается совсем иная картина: усеянный цветами луг и жаворонок, повисший в небе серебряным колокольчиком.

...Не заметил, как прошло два часа. Пирамидальный город-сад повернулся на 180 градусов, и веранда опять в тени. На севере, в тридцати километрах отсюда, в лучах заходящего солнца четко выступали очертания огромной голубой тарелки. Это новый город — чудо гравитационной техники. Он парил в воздухе над излучиной Камы и походил издали на циклопических размеров цветок. Чуть

наклоненный к югу, цветок медленно вращался и, подобно подсолнечнику, сопровождал наше светило, раскрывая навстречу лучам свои гигантские лепестки — сектора.

И опять я подумал о Тане, о ее увлеченности цветами и музыкой. После окончания туристского похода мы поселились здесь, в пирамидальном городе. В тот же день вот на этой веранде Таня делилась со мной своей мечтой.

— Природа допустила небольшой просчет,— говорила она.— В лесу поют птицы, звенят сосны, шумит листва. Выйдешь в поле — цветы... Они приятно пахнут, ласкают глаз. Но почему молчат? Они должны звучать, как музыка, петь, как птицы. Что нужно, чтобы исправить оплошность природы? Небольшое вмешательство в генетическую основу...

Таня рассказала о своей будущей работе, в которой найдут применение обе ее профессии — биолога и композитора. «Поющие луга» — так я тут же назвал ее проект, фантастически трудный по исполнению. И продекламировал подходящие к ее замыслу стихи поэта XIX века:

Колокольчики мои,
Цветики степные,
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

— Какие хорошие стихи!— обрадовалась Таня.— Вот видишь, поэты давно мечтали о поющих степях. Вернее, они воспринимали их поющими. Колокольчики!.. Они должны у меня именно звенеть, как серебряные. Тихо и нежно. Чуть громче, на манер пастушеской свирели, будут звучать полевые лютики. А ромашкам и василькам отведу роль первых скрипок. Мои питомцы в Антарктиде — не то... Это почти биороботы. А наши дорогие с детства полевые цветы останутся у меня такими же живыми. И откликаться они будут не на грубые радиоволны, а на биоизлучение человека!

Мне понравилось, что Танины луга будут жить словно в едином ритме с человеком, с его думами и настроениями. Отзываться на биоизлучение человека! Эти слова подсказали мне замысел фантастической картины, которую я вскоре начал писать. Картина под названием «Поющие луга» должна стать своего рода картиной-метафорой, картиной-символом. Один вариант готов, стоит

сейчас на веранде передо мной. Многое хочется вместить в картину: и просторы степей, в которых то печет солнце, то гуляют дожди и грозы; и бесшумный скользящий поезд; и парящий вдали на горизонте город. Фантастический, еще никем не виданный сиреневый аэрогород, этакий медленно вращающийся шар-глобус, плавающий на гравитационных волнах. На переднем плане — люди: гиперастронавт, только что вернувшийся на Землю, и его подруга. Они идут по тропинке среди пахучего степного разнотравья. Медуницы и ромашки, яркие лютики и трогательные васильки — все цветы вблизи людей вздрогнули лепестками, отозвавшись на биоизлучение. Они чутко уловили их настроение и встретили никем и никогда неслыханной мелодией. Лица двоих изумлены и радостны, их мысли и чувства сливаются в едином звучании с природой...

...Зашуршали под ветром листья, и на моем столе заплясали узорчатые солнечные блики — веранда вновь на южной стороне. Сзади послышались легкие шаги — пришла Таня. «Жаворонок»,— с нежностью подумал я, когда почувствовал на плечах ее длинные пальцы и услышал звонкий голос:

— Заканчиваешь свои страшные воспоминания?

— Да. Но не только страшные; ведь есть кое-что и о тебе...

Таня ушла в небольшой зал с высоким, акустически выверенным полусферическим потолком и села за электронный музыкальный аппарат, сочетающий достоинства многих старинных инструментов — рояля, скрипки, органа и арфы. Зал рядом с верандой, и я хорошо слышал, как Таня импровизировала. Под ее удивительными пальцами расцветала сказка, где солнечные дали открывались одна за другой.

На западе, за лесистыми увалами, заполыхал костер вечерней зари. Я смотрел на колышащееся марево и думал о том, каким странным сиянием, предзакатным блеском озарилась моя жизнь, прежде полная тревог и опасностей. Теперь, казалось бы, можно отдыхать, тихо грезить и писать фантастические картины о поющих лугах. Но я еще не стар. Я — астронавт и пока еще не думаю о Земле, как об уютной гавани, где можно осесть навсегда. Скоро в другой рукав нашей Галактики уйдет новый отряд вакуум-кораблей. Туда, где находится загадочная Глория.

По отрывочным сведениям наших космических братьев и соседей, на Глории в давние времена развивалась цивилизация технологического типа. Сейчас планета лишилась биосферы. Она покрылась металлическим панцирем, ощетинилась лесом антенн и огромных вибрирующих усиков, которые стреляют аннигиляционными разрядами по всякому приблизившемуся кораблю. Там тоже произошел, очевидно, технологический коллапс.

Может быть, причина — гедонизм? В Совете Астронавтики я высказал предположение, что Глорию населяла изнеженная гуманоидная раса, передавшая технике заботу о себе и всякий труд, в том числе духовный. Непомерно разросшаяся на Глории техносфера стала нянькой бездумно наслаждающихся жизнью разумных существ, спрятавшихся в электронных или иных уютах от природы, духовных поисков и труда. Потом техносфера, вытесняя биосферу, обрела полную самостоятельность, «поумнела» и в конце концов решила, что такие гуманоиды — тупиковый вариант эволюции, который следует упразднить...

Новая экспедиция должна разгадать загадку Глории.

...Закатный костер на западе погас, дотлевали его последние тускнеющие угли. В темном небе рассыпался светящийся пепел — легионы далеких солнц. Мыслью, воображением я уже там, в распахнувшейся звездной тиши, в которую вплетались еле слышные задумчивые звуки, извлекаемые Таниными пальцами. Думаю, что разлука с Таней будет не слишком долгой.

Вакуум-эскадра совершит переход к отдаленному витку Галактики в считанные месяцы, минуя релятивистские эффекты со временем. Не пройдет и года, как корабли выплывут из черных глубин вакуумного океана на свет, на волнующуюся звездную поверхность. Вынырнут вблизи Солнечной системы. И я увижу издали нашу Землю... Не информационную глобальную пустыню, а зеленую планету в синем плаще океанов, где нас будут ждать аква- и аэрогорода, прохладные леса и поющие луга.

Слепынин С. В.
С47 Звездные берега. Фантастическая повесть. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1976.

160 с.

Новая фантастическая повесть свердловского литератора.

С $\frac{70302-057}{М158(03)-76}$ Р2

Семен Васильевич Слепынин

ЗВЕЗДНЫЕ БЕРЕГА

Редактор М. П. Немченко
Художник Н. Ю. Павлов
Художественный редактор Я. И. Чернихов
Технический редактор К. Г. Проскурникова
Корректоры Л. А. Гупало, А. Г. Богородская

Сдано в набор 25/II 1976 г. Подписано в печать 26/V 1976 г. НС 12276. Бумага типографская 2. Формат 84×108/32. Уч.-изд. л. 9,0. Усл. печ. л. 8, 4. Тираж 100 000. Заказ 128. Цена 42 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

42 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1976

С. СЛЕПЫНИН ЗВЕЗДНЫЕ БЕРЕГА